

Балаган, или Конец одиночеству

КНИГА
НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

Курт
ВОННЕГУТ

Балаган,
или
Конец одиночеству

КУРТ ВОННЕГУТ

Курт
ВОННЕГУТ

Курт ВОННЕГУТ

Балаган, или Конец одиночеству

Роман

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)
В73

Kurt Vonnegut
SLAPSTICK, OR LONESOME NO MORE!

Перевод с английского М. Ковалевой

Печатается с разрешения издательства The Bantam Dell Publishing Group, a division of Random House, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Воннегут, К.

В73 Балаган, или Конец одиночеству : роман / Курт Воннегут; пер. с англ. М. Ковалевой. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. — 219, [5] с.

ISBN 978-5-17-061433-2 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: КнВВ(нов.))

ISBN 978-5-403-02333-7 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн Ю.М. Мардановой

ISBN 978-5-17-061434-9 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: АСТ-Классика)

ISBN 978-5-403-02334-4 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Компьютерный дизайн М.Р. Хафизова

«Балаган, или Конец одиночеству» — роман, который одни критики считают самым мрачным и безнадежным произведением Курта Воннегута, а другие — едва ли не самой оптимистической из его «поздних» работ, сам же автор лукаво именовал его не иначе, как «комедией положений». Фантастический, антиутопический сюжет о медленном умирании планеты, так и не сумевшей предотвратить чудовищных последствий технократического прогресса, превращается под пером великого писателя в тонкую, не лишенную иронии философскую притчу о человеческом одиночестве и людском братстве, о понимании и толерантности и о том, что выход из кризисной ситуации найдется всегда — важно лишь уметь его найти...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Kurt Vonnegut, 1976

© Перевод. М. Ковалева, 2009

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

*Памяти Артура Стенли Джефферсона
и Норвелла Харди,
двух ангелов моего детства*

...назови меня любовью — вновь меня окрестишь...*

* «Ромео и Джульетта», акт 2, сцена 2 (пер. Т. Щепкиной-Куперник).

ПРОЛОГ

Пожалуй, ничего более похожего на автобиографию я никогда не напишу. Я назвал эту вещь «Балаган», потому что в ней полно грубых трюков и нелепых положений, не лишенных поэтичности — вроде кинофарсов, снятых на заре кинематографа, особенно про Лоурела и Харди.

Во всяком случае, так *мне* кажется.

Например, тут встретятся разные тесты для проверки моих ограниченных умственных способностей. И нет им конца.

По-моему, самое смешное в историях Лоурела и Харди вот что: они каждый раз из кожи вон лезли, только бы выдержать экзамен.

Они всегда вступали в честную схватку с судьбой — и именно поэтому были такие уморительные, что мы в них души не чаяли.

В их фильмах почти совсем ничего нет про любовь. Нет, про разные комические случаи с женитьбой я не говорю, это совсем другое дело. Это были просто очередные тесты — и можно было вдоволь нахохотаться, при условии, что вы все это принимаете за чистую монету.

О любви же речи не было. Может, именно потому, что я все свое детство во время Великой депрессии был помешан на Лоуреле и Харди и думал, что это и есть настоящая жизнь, у меня теперь получается рассказ о жизни, в котором ни слова нет про любовь.

Мне казалось, что это вовсе не главное.

А что же главное в жизни? Вступать в честную схватку с судьбой.

Мне случалось в жизни пережить что-то похожее на любовь — по крайней мере, так я считал, хотя то, что у меня было, скорее всего можно назвать просто «человеческими отношениями». Я хорошо относился к кому-то — иногда недолго, иногда очень и очень долго, и тот человек тоже ко мне хорошо относился. Любовь тут была ни при чем.

Заметьте: я не понимаю, какая разница между любовью к людям и любовью к собакам.

Еще мальчишкой, когда я не торчал в кино на комедийных фильмах или не слушал комиков по радио,

я часами мог возиться, кататься по коврам с нашими собаками, которые любят тебя таким, какой ты есть.

Я до сих пор могу без конца играть с собаками. И они первые устают, смущаются и не знают куда деваться — а мне хоть бы что. Я мог бы возиться с ними до бесконечности.

Хэй-хо.

Как-то раз один из моих приемных сыновей, который собирался отправиться на Амазонку, в джунгли, с экспедицией Корпуса Мира, сказал мне: «Знаешь — ты никогда в жизни меня не обнимал». Ему в тот день исполнился двадцать один.

Конечно, я его обнял, прижал к себе. Мы с ним обнялись. Это оказалось так здорово. Словно катаешься по коврику с громадным датским догом, который был у нас тогда, в детстве.

Любовь всегда приходит сама. По-моему, глупо скитаться в поисках любви, и, скажу вам, она часто бывает хуже всякой отравы.

Мне бы очень хотелось, чтобы люди, которым положено любить друг друга, могли бы сказать друг другу в разгар ссоры: «Пожалуйста, люби меня поменьше, только относись ко мне по-человечески».

Такие вот хорошие, человеческие отношения тянулись для меня многие годы, естественно, с моим стар-

шим и единственным братом, Бернардом — он ученый, занимается изучением атмосферы в Государственном институте штата Нью-Йорк, в Олбени.

Он овдовел и теперь воспитывает двух своих мальчишек без посторонней помощи. И отлично с этим справляется. У него есть еще трое взрослых сыновей.

У нас с ним абсолютно разные умственные способности. Бернарду никогда не стать писателем. Мне никогда не бывать ученым. А так как нам приходится зарабатывать на хлеб насущный именно при помощи наших умственных способностей, мы привыкли относиться к ним как к своего рода приборам или орудиям — ничего общего не имеющим с нашей личностью, с тем главным, что внутри нас.

Мы с ним обнимались раза три или четыре за всю жизнь — должно быть, в день рождения, — неловко, неумело. Мы ни разу не обняли друг друга, когда нас настигало горе, когда нам было худо.

Но по крайней мере те умственные способности, которые нам достались при рождении, позволяют нам одинаково любить одни и те же шутки — в духе Марка Твена, в духе Лоурела и Харди.

И мы с ним оба страшные путаники.

Вот вам анекдот про моего братца, который, с небольшими поправками, можно рассказать и обо мне.

Бернард работал в научной лаборатории концерна «Дженерал Электрик», в Скенектеди, штат Нью-Йорк. Пока он там работал, он сделал открытие: йодистое серебро может вызывать осадки в виде дождя или снега из облаков определенного типа. Лаборатория у него, однако, была в таком чудовищном беспорядке, что неловкий посетитель мог встретить смерть в тысяче разных обли-чий — смотря по тому, где его угораздит споткнуться.

Служивший в компании инспектор по технике безопасности едва не хлопнулся в обморок, увидев эти джунгли, полные настороженных ловушек, капканов и мышеловок, готовых сработать от малейшего движе-ния. Он наорал на моего брата.

А мой брат сказал ему, постучав кончиками паль-цев по своему лбу:

— Если вам эта лаборатория не по вкусу, что бы вы сказали, заглянув *вот сюда!*

И так далее.

Я как-то сказал брату, что стоит мне только занять-ся какой-нибудь работой по дому, как я теряю все свои инструменты.

— Да ты счастливчик, — сказал он. — Я всегда те-ряю то, над чем работаю.

Мы от души посмеялись.

Но именно потому, что нам достались разные врож-денные способности, и несмотря на то что мы такие

путаники, мы с Бернардом принадлежим к двум огромным искусственным семьям, а это значит, что мы можем найти родню в любой точке земного шара.

Он — брат ученых всего мира. Я — брат писателей всего мира.

Это очень весело и утешительно для нас обоих. Это очень приятно.

Нам здорово повезло, потому что человеку нужно иметь как можно больше родственников — ведь тогда даже не обязательно любить друг друга, а всего лишь хорошо, по-человечески друг к другу относиться.

Когда мы росли в Индианаполисе, штат Индиана, нам казалось, что у нас всегда будет куча самых настоящих, подлинных родственников. И родители, и деды наши выросли среди настоящего многолюдства — у них были толпы братьев, сестер, кузенов, теток, дядьев. Да, и притом вся их родня состояла из людей культурных, воспитанных, процветающих и отлично владевших немецким и английским языками.

И все они, кстати, скептически относились к религии.

В юные годы многим из них довелось побродить по миру, пережить удивительные приключения. Но рано или поздно каждому из них приходила весть:

пора возвращаться домой, в Индианаполис, и устраиваться на своем месте. И они безропотно подчинялись — потому что там у них было великое множество родственников.

Само собой, там их ждало и солидное наследство — то или иное семейное дело, обжитые дома и верные слуги, громоздящиеся все выше горы фарфора, и хрусталя, и столового серебра, установившиеся репутации честных партнеров, коттеджи на озере Максинкукки — там на восточном берегу моя родня когда-то владела целой деревней из дачных домиков.

Но благостное самодовольство, которым наслаждалась семья, потерпело непоправимый урон, как я понимаю, от внезапно вспыхнувшей в американских сердцах ненависти ко всему немецкому, которая проявилась как раз тогда, когда Америка вступила в Первую мировую войну, и было это за пять лет до моего рождения.

Детей в нашей семье перестали учить немецкому. Им больше не разрешали увлекаться немецкой музыкой, литературой, искусством или наукой. Мой брат и мы с сестрой выросли в полной уверенности, что Германия для нас чужая сторона — все равно что Парагвай.

Нас отлучили от Европы, и мы знали о ней только то, что проходили в школе.

В кратчайшее время мы растеряли тысячи лет — а следом и тысячи американских долларов, и дачные домики, и все прочее.

И наша семья потеряла всякий интерес — к самой себе.

Так и вышло, что когда миновала Великая депрессия и Вторая мировая война, моему брату, и сестре, и мне самому ничего не стоило разъехаться из Индианаполиса.

И никто из оставшихся там родственников не мог придумать повод, который заставил бы нас вернуться домой.

Нам было больше некуда возвращаться. Мы стали стандартными деталями Американской машины.

Да, и наш Индианаполис, который когда-то говорил на своем, особенном английском языке, который хранил местные шутки и предания, помнил своих поэтов, злодеев и героев, строил картинные галереи для своих, местных художников, — он тоже стал стандартной, легко заменяемой деталью Американской машины.

Теперь он стал просто городком без особых примет, где обитали автомобили, при своем симфоническом оркестре и прочем. Был там и ипподром.

Хэй-хо.

Конечно, нам с братом приходится время от времени приезжать туда — на похороны. Прошлым летом,

в июле, мы ездили хоронить нашего дядю Алекса Воннегута, младшего брата покойного отца — это был едва ли не самый последний из наших старорежимных родичей, из тех американских патриотов с душами европейской закваски, что родились здесь и не боялись Бога.

Ему было восемьдесят семь. Детей он не оставил. Он кончил Гарвардский университет. Он был на пенсии, а раньше служил агентом по страхованию жизни. И он был одним из основателей индианаполисской Ассоциации Анонимных Алкоголиков.

В некрологе, напечатанном в «Индианаполисской Звезде», говорилось, что сам он алкоголиком не был.

В этом утверждении было что-то от стародевического, старомодного ханжества, я думаю. Насколько мне известно, он себе не отказывал в выпивке, хотя это никогда не отражалось всерьез на его работе, да и в буйство он не впадал. Но однажды он бросил пить — как отрезая. Но на собраниях А.А.А. он, безусловно, был обязан представиться, назвать свое имя и затем заявить во всеуслышание: «Я — алкоголик».

Так вот, газета заявила о его полной непричастности к алкоголю со столь благонамеренным жеманством по той причине, что в старину было принято оберегать доброе имя родных, носящих ту же фамилию, от неблагоприятных подозрений.

Всем нам было бы куда труднее найти себе в Индианаполисе хорошую «партию» или поступить на хорошую работу, если бы стало известно, что у нас были родственники, которые раньше предавались пьянству, или как моя мать или мой сын, которые хотя бы временно страдали помешательством.

В секрете держали даже то, что моя бабка со стороны отца умерла от рака.

Представляете себе?

Как бы то ни было, если мой дядя Алекс, атеист, после своей смерти предстал перед Святым Петром у райских врат, я нисколько не сомневаюсь, что он представился так:

— Меня зовут Алекс Воннегут. Я — алкоголик.
Молодец, старина!

Позволю себе высказать и другое предположение: одного страха спиться с кругу было маловато, чтобы загнать его в Ассоциацию А.А. — всему виной было одиночество. Когда его родители повымерли, поразьехалились или просто превратились в безликие винтики Американской машины, он бросился на поиски новых братьев, сестер, племянников и племянниц, дядюшек и тетюшек и прочей родни — и обрел их в А.А.А.

Когда я был мальчишкой, дядя всегда советовал мне, что читать, и обязательно проверял, прочел ли я

эту книгу. И он любил таскать меня в гости к родственникам, о существовании которых я даже не подозревал.

Как-то он мне рассказал, что был американским шпионом в Балтиморе в Первую мировую и старался там сойтись поближе с американцами немецкого происхождения. У него было задание: обнаружить вражеских агентов. Ничего он не обнаружил, потому что обнаруживать было нечего.

Еще он мне рассказывал, как он расследовал финансовые злоупотребления и взятки в Нью-Йорке — до тех пор, пока родители не вызвали его домой, чтобы он устроился в родных местах. Он раскопал скандальную историю о громадных расходах на содержание Мемориала генерала Гранта, а могилка-то ни в каком содержании вообще не нуждалась.

Хэй-хо.

О его смерти я узнал, сняв трубку белого кнопочного телефона в своем доме — он находится в той части Манхэттена, которую прозвали «Черепаший залив». Рядом стоял филодендрон.

Я до сих пор не соображу, как это я туда попал. Ни одной черепахи там нет. И залива нет.

Может, это я сам — черепаха, которая может жить где угодно, даже временами под водой, и мой домик всегда у меня на спине.

* * *

Я позвонил брату в Олбени. Ему было под шестьдесят. Мне было пятьдесят два.

Желторотыми птенцами нас никак не назовешь.

Но Бернард все еще играл роль старшего брата. Он лично обеспечил нам билеты на рейс Международной Авиалинии, и машину в Индианаполисе прямо к самолету, и номер на двоих в отеле «Рамада».

Сами похороны, как и похороны наших родителей и множества близких родственников, были такими скучными, официальными, были так же свободны от малейшего напоминания о Боге, о жизни после смерти, даже об Индианаполисе, как и наш отель «Рамада».

Так вот, мы с братом пристегнулись ремнями в салоне авиалайнера, вылетавшего из Нью-Йорка в Индианаполис. Я сидел у прохода. Бернард сел к окну — он же был знатоком атмосферы и мог увидеть в облаках гораздо больше, чем я.

Мы с ним оба шести футов роста. Тогда мы еще сохранили наши густые волосы, каштановые. Усы у нас у обоих точь-в-точь как у покойного отца.

Вид у нас был самый безобидный. Просто парочка славных старых папашек.

Между нами осталось свободное место, и в этом было что-то таинственное, как в сказке с привидениями. На этом месте могла бы сидеть наша сестра Али-

са — она как раз родилась между мной и Бернардом. Но на этом месте ее не было, она не летела с нами на похороны своего любимого дяди Алекса, потому что умерла среди чужих людей в Нью-Джерси, умерла от рака — и был ей тогда сорок один год.

— Чистый цирк! Балаган, — сказала она нам с братом, когда речь зашла о ее собственной близкой кончине. После ее смерти четверо мальчишек останутся сиротами, без матери.

Хэй-хо.

Последний день своей жизни она провела в больнице. Доктора и сиделки разрешили ей курить, и пить сколько душе угодно, и есть все, что захочется.

Мы с братом навестили ее. Она дышала с трудом. Раньше она была такая же высокая, как и мы, но для нее, для девушки, это было мучение. Она с детства сутулилась, потому что стеснялась своего роста. А теперь совсем согнулась, как вопросительный знак.

Она кашляла. Она смеялась. Раза два она сказала что-то смешное, только я не помню что.

Потом она велела нам уходить.

— И не оглядывайтесь, — сказала она.

Мы и не оглянулись.

Она умерла примерно в тот же час, как и дядя Алекс — часа через два после заката.

По теперешним временам в ее смерти, с точки зрения статистики, не было ничего особенного, если бы

не одна мелочь: дело в том, что ее муж, здоровяк, Джеймс Карсмолт Адамс, редактор специального журнала для агентов по купле-продаже, который он сам выпускал в комнатухе на Уолл-стрит, погиб двумя днями раньше — на «Специальном брокерском», единственном в истории американского транспорта поезде, который сверзился с разведенного железнодорожного моста.

Представляете себе?

Это было на самом деле.

Мы с Бернардом не стали рассказывать Алисе, что случилось с ее мужем, который должен был взять на себя всю заботу о детях после ее смерти, но она все же об этом узнала. Одна амбулаторная больная, которая пришла на прием к врачу, оставила ей газету, нью-йоркскую «Дейли Ньюс». На первой странице был большой заголовок — про крушение поезда. Ну да, список погибших и пропавших без вести там тоже был, на следующей странице.

А так как Алиса никогда не получала религиозного воспитания и жизнь вела совершенно безгрешную, то она никогда не сетовала на свою судьбу, никого не упрекала в ужасных несчастьях, ей казалось, что все это просто случайные несчастья в общей суе и толчее.

Она была умница.

* * *

Измучилась она под конец, да и денежные дела ее беспокоили, и поэтому она сказала, что, как видно, не очень-то годилась для этой жизни.

Если хотите знать, Лоурел и Харди тоже не больно для этой жизни годились.

Мы с братом уже позаботились о ее домашних делах. После ее смерти трое старших ребят — в возрасте от восьми до четырнадцати — устроили совещание, на которое никто из старших допущен не был. Потом они вышли к нам и попросили исполнить только два условия: чтобы им оставаться всем вместе и чтобы им разрешили взять с собой двух своих собак. А самый младший на их совещании отсутствовал — он был совсем малыш, ему был годик с небольшим.

С того самого дня мы с женой, Джейн Кокс Воннегут, воспитывали трех старших вместе с тройкой наших собственных детей на мысе Код. А малыша, который немного пожил у нас, усыновил двоюродный брат их отца, который теперь судья в Бирмингеме, штат Алабама.

Так тому и быть.

Трем старшим оставили их собак.

Теперь я вспоминаю, как один из ее сыновей, названный Куртом в честь меня и моего отца, задал мне вопрос, когда мы ехали на машине из Нью-Джерси на

мыс Код, везя с собой на заднем сиденье двух собак. Ему тогда было лет восемь.

Мы ехали с юга на север, и для него мыс Код был чем-то вроде северной глуши. Мы с ним были вдвоем. Его братья уехали вперед.

— А ребята там у вас подходящие? — спросил он.

— Вполне, — ответил я.

Теперь он летчик гражданской авиации.

Все они теперь кто-нибудь, а не просто детишки.

Один из них — фермер, разводит коз на высокогорье, на Ямайке. Он добился воплощения мечты своей матери: жить подальше от бедлама больших городов, в окружении добрых друзей — животных.

Для него вся жизнь — в дожде. Если не выпадет дождь — ему конец.

Те две собаки умерли от старости. Я всегда подолгу возился с ними, катался по полу, пока они не протягивали лапы в полном изнеможении.

Да, кстати — сыновья нашей сестры только недавно выдали нам одну страшную тайну, которая мучила их долгие годы: они ничего не могли вспомнить про свою мать или про отца — ну, ничего, совсем ничего.

Тот, что разводит коз, — его зовут Джеймс Кармолт Адамс-младший — сказал по этому поводу вот что:

— Тут должен бы быть музей, так нет — пустота. — И постучал пальцами по лбу.

Мне кажется, что музеи в головах у детей автоматически опустошаются в минуту невыносимого ужаса — чтобы избавить детишек от безутешного горя.

Если говорить обо мне, то для меня было бы настоящей катастрофой, если бы я сразу забыл свою сестру. Я никогда ей об этом не говорил, но писал я именно для нее, лично для нее. В ней был заложен секрет всего, чего я достиг в искусстве. В ней был секрет моего стиля. Я думаю, любое произведение, в котором есть целостность и гармония, всегда создается художником ради одного-единственного человека. Его аудитория — одна душа.

Да, и она была так добра — или Природа была так добра ко мне, — что мне было дано чувствовать ее присутствие еще много лет после ее смерти — мне было даровано право писать для нее. Но потом она начала постепенно удаляться — может быть, у нее были более важные дела в другом месте.

Как бы то ни было, к тому времени, когда умер дядя Алекс, она совсем исчезла, перестала быть моей единственной читательницей.

Поэтому место между мной и братом в салоне самолета казалось мне особенно пустым. Я справился с этой проблемой как мог — положил туда утренний выпуск «Нью-Йорк Таймс».

* * *

Пока мы с братом дожидались вылета в Индианаполис, он подарил мне шутку Марка Твена — про оперу, которую тот слушал в Италии. Марк Твен сказал, что никогда не слышал ничего подобного «с тех пор, как случился пожар в богадельне».

Мы посмеялись.

Он вежливо поинтересовался, как идет моя работа. По-моему, он мою работу уважает, но как-то не может сообразить, на что она нужна.

Я сказал, что она надоела мне до смерти и меня всегда от нее тошнило. Я ему сказал фразу, которую приписывают Ренате Адлер — она терпеть не может писательскую работу и говорит, что писатель — это человек, который ненавидит писанину.

Я сказал ему, что написал мне мой агент, Макс Уилкинсон, в ответ на мои постоянные причитания, что у меня такая отвратительная профессия. Вот его слова: «Дорогой Курт, я в жизни не встречал кузнеца, влюбленного в свою наковальню».

Мы снова посмеялись, но мне показалось, что шутка не совсем дошла до моего брата. У него-то был сплошной медовый месяц с его наковальней.

Я ему рассказал, что в последнее время часто ходил в оперу и что декорация первого акта «Тоски» показыва-

лась мне похожей, как две капли воды, на интерьер Центрального вокзала в Индианаполисе. И пока шло действие, сказал я, мне представилось, что в каждой арке подвешены номера путей, а в оркестре звучит звон станционного колокола и свистки паровоза, и идет опера про Индианаполис века железного коня.

— Все люди поколения наших прадедушек будут в одной толпе с нами, и все мы будем молодые, — сказал я, — и с нами будут все другие поколения, что между нами и прадедами. Будут громко объявлять прибытие и отправление поездов. Дядя Алекс отправится шпионить в Балтимор. Ты приедешь домой после первого курса в Мичиганском технологическом.

— Там будут целые толпы родственников, — сказал я, — они будут встречать и провожать путешественников, — а черные будут таскать багаж и чистить ботинки.

— В моей опере, — сказал я, — сцена то и дело будет становиться грязно-зеленой, цвета хаки. Ее затопит толпа мужчин в военной форме. Это будет война. А потом все опять очистится.

После взлета брат показал мне приборчик, который он прихватил с собой. Это был фотоэлемент, соединенный с миниатюрным магнитофоном. Он направил электронный глаз на облака. Этот глаз улавливал вспышки молний, невидимые в ярком свете дня.

Эти потайные вспышки магнитофон записывал в виде щелчков. Мы тоже могли слышать щелчки — в маленькие наушники.

— Вот это да! — восхитился мой брат. Он указал мне на кучевое облако вдаль, смахивавшее на пик Пайка* из взбитых сливок.

Он дал мне послушать щелчки. Два подряд, потом пауза, три подряд, опять пауза.

— Это облако далеко? — спросил я.

— О — миль сто, не меньше, — сказал он.

Я подумал, как это здорово, что мой старший брат умеет запросто разгадывать тайны природы, да еще на таком расстоянии.

Я закурил сигарету.

Бернард бросил курить, потому что ему нужно прожить еще довольно долго. Ему еще надо поставить на ноги двух маленьких мальчишек.

Так вот, пока мой старший брат ушел с головой в созерцание облаков, тот интеллект, который достался мне, был занят придумыванием вот этой книги. Я грезил наяву о безлюдных городах и духовном каннибализме, о кровосмешении и одиночестве, о безлюбности и смерти, и все в таком роде. Моя красавица сес-

* Гора в центральном Колорадо. Названа в честь американского исследователя Зебьюлона Пайка (1779—1813).

тра и я сам изображены здесь в виде жутких уродов, и так далее.

Стоит ли удивляться — ведь мне все это привиделось по дороге на похороны.

Это история про ужасно старого старца, живущего в развалинах Манхэттена, а все остальные люди почти дочи́ста вымерли от загадочной болезни, под названием «Зеленая Смерть».

Он живет там со своей невежественной, рахитичной, беременной маленькой внучкой, Мелоди. А кто он на самом деле? Подозреваю, что это я сам — хочу побывать в шкуре древнего старика.

А кто такая Мелоди? Сначала я думал, что она — это то небольшое, что осталось у меня в памяти от моей сестры. Но теперь я считаю, что она — это я, когда я представляю себя древним стариком; в ней все, что осталось от моего оптимистического воображения, от моих творческих возможностей.

Хэй-хо.

Старец пишет свою автобиографию. Он начал с тех слов, которые мне как-то сказал дядя Алекс. Он говорил, что этими словами все религиозные скептики должны начинать свои молитвы на ночь.

Вот эти слова:

— Тому, кого это касается.

ГЛАВА 1

Тому, кого это касается:

Сейчас стоит весна. Вечереет.

Дымок от очага, разведенного на мозаичном полу вестибюля Эмпайр Стейт Билдинг на Острове Смерти, стелется над джунглями элентуса, «небесного дерева», заполонившими Тридцать четвертую улицу.

Тротуар под покровом джунглей весь повело, покорило, вздыбило от мороза и работы вездесущих корней.

В джунглях, расчищена маленькая полянка. На этой полянке, на старом заднем сиденье, выданном из такси, сидит голубоглазый, тощий белый старик со впалыми щеками, двухметрового роста, ста лет от роду.

Это я.

Меня зовут доктор Уилбур Нарцисс-11 Свеян.

Ноги у меня босые. Я одет в лилово-пурпурную тогу, на которую пошли портьеры, найденные в развалинах отеля «Американа».

Я — бывший Президент Соединенных Штатов Америки. Я был последним президентом, самым высоким из всех, и единственным, кто развелся в то время, когда занимал Белый дом.

Я живу в бельэтаже Эмпайр Стейт Билдинг со своей шестнадцатилетней внучкой, по имени Мелоди Мали-

новка-2 фон Петерсвальд и ее возлюбленным, Исидором Крыжовник-19 Коэном. Кроме нас троих, в небо-скребе никто не живет.

Ближайшие соседи от нас в полутора километрах. Вот — я слышу крик соседкиного петуха.

Наша ближайшая соседка — Вера Белка-5 Цаппа, женщина, которая любит жизнь и умеет жить лучше всех, кого мне доводилось знать. Ей недавно минуло шестьдесят, она полна сил, работа у нее так и кипит, а сердце — чистое золото. Сложенья она крепкого, вроде пожарного крана. У нее много рабов, она их отлично содержит. И вместе со своими рабами она разводит коров и свиней, кур и коз, кукурузу и пшеницу, овощи и фрукты и даже виноград на берегах Ист-Ривер.

Они построили мельницу, чтобы молоть зерно, винокуренный заводик, где гонят коньяк, коптильню — и много всего такого.

— Вера, — сказал я ей как-то раз, — тебе осталось только написать свою Декларацию Независимости, и ты станешь новым Томасом Джефферсоном.

Эту книгу я пишу на писчей бумаге, принадлежащей Континентальной школе автомобилистов — Мелоди с Исидором нашли три ящика в кладовке на шестьдесят четвертом этаже нашего дома. И вдобавок — сотни две шариковых ручек.

* * *

Гости с материка нам не докучают. Мосты снесены, туннели обвалились. И на лодках никто не подходит — все боятся особой местной формы чумы, которую прозвали «Зеленая Смерть».

Она встречается только здесь, поэтому Манхэттен и прозвали «Островом Смерти».

Хэй-хо.

Я теперь частенько повторяю «Хэй-хо». Что-то вроде старческой икоты. Зажился я на этом свете.

Хэй-хо.

Сегодня сила тяжести совсем пустячная. Опять у меня из-за этого эрекция. У всех мужчин поголовно в такие дни эрекция. Автоматические последствия ничтожно малой силы тяжести. По большей части это не имеет ни малейшего отношения к эротике, а уж человеку в моем возрасте оно и вовсе ни к чему. Это ощущение чисто гидравлическое — вроде неполадок в водопроводных трубах, не больше.

Хэй-хо.

Сила тяжести сегодня настолько близка к невесомости, что я мог бы взобраться на самую верхушку Эмпайр Стейт Билдинг с чугунной крышкой от люка и забросить ее в Нью-Джерси.

Я бы запросто перекрыл рекорд Джорджа Вашингтона, который запустил серебряный доллар через Ра-

пахэннок. И все же есть еще люди, которые утверждают, что прогресс — пустое слово.

Меня иногда зовут «Королем подсвечников», потому что у меня тысяча с чем-то подсвечников.

Мне, однако, больше нравится мое второе имя — Нарцисс-11. Вот какое стихотворение я написал про это — и, само собой, про жизнь в целом:

Из тех семян —
Вот эта плоть,
Она бежит
От боли прочь
И норовит
проспать всю ночь.
Ей надо петь
И хохотать,
Ей надо плакать
И рыдать.
Когда ж придет
Мой смертный час
И плоть прикажет
Долго жить —
Мой бранный прах
Прошу я вас
Нарциссом в землю положить.

А кто все это будет читать? Бог знает. Я знаю одно — не Мелоди и не Исидор, это точно. Как и вся молодежь на острове, они не умеют ни читать, ни писать.

Их абсолютно не интересует прошлое человечества, им даже не хочется знать, как живут люди на материке.

Послушать их, так самое великое достоинство людей, населявших этот остров, — а тут ступить было некуда, — то, что они повымерли и все осталось нам.

Вчера вечером я их попросил назвать трех самых великих людей в истории человечества. Они заявили, что вообще не понимают, про что я спрашиваю.

Но я велел им подумать и найти хоть какой-то ответ, и они нашли. Эта работа пришлась им не по вкусу. У них головы разболелись.

Наконец они все же вымучили ответ. За двоих, как всегда, говорила Мелоди, и вот что она сказала совершенно серьезно:

— Ты, Иисус Христос и Санта Клаус.

Хэй-хо.

Когда я не задаю им вопросов, они чувствуют себя счастливыми, как устрицы.

Они мечтают когда-нибудь стать рабами Веры Белка-5 Цаппы. Я не против.

ГЛАВА 2

Нет, надо все же постараться не писать то и дело: «Хэй-хо».

Хэй-хо.

* * *

Родился я как раз тут, в Нью-Йорк Сити. Тогда я еще не был *Нарциссом*. Меня окрестили Уилбур *Рокфеллер* Свейн.

Более того, я был не один. У меня был разнояйцевый близнец женского пола. Ее называли Элиза Меллон Свейн.

Крестили нас, кстати, в больнице, а не в церкви, и не было толпы приглашенных родственников и близких друзей. Дело вот в чем: мы с Элизой были такие уроды, что родители нас стыдились.

Мы были чудовища, выродки, и все надеялись, что мы долго не протянем. У нас было по шесть пальчиков на каждой крохотной ручонке и по шесть пальчиков на каждой маленькой ножке. И лишние соски у нас тоже были — по паре на брата.

Мы не были безмозглыми монголоидами, хотя волосы у нас были жесткие и черные, типичные для монголоидной расы. Нет, это было что-то новое, невиданное. Мы были *неандерталоидами*. С самого детства мы напоминали взрослых ископаемых, обезьяноподобных людей — массивные надбровные дуги, срезанные лбы, челюсти, как у бульдозера.

Считалось, что у нас нет никакого интеллекта и что мы умрем, не дожив до четырнадцати лет.

Я-то жив и бю хвостом, благодарствуйте. Элиза тоже была бы живехонька, уверен, если бы не погибла

в возрасте пятидесяти лет под оползнем, на окраине китайской колонии на планете Марс.

Хэй-хо.

Нашими родителями были два глупеньких, хорошихеньких, очень молоденьких человечка, которых звали Калев Меллон Свейн и Летиция Вандербилт Свейн, урожденная Рокфеллер. Они были сказочно богаты и происходили из американских семейств, которые едва не погубили планету, увлекшись какой-то идиотской детской игрой: они, как одержимые, превращали деньги в энергию, потом энергию обратно в деньги, и опять — деньги в энергию.

Калев и Летиция сами по себе были безобидными существами. Отец отлично играл в триктрак и был, говорят, сносным фотографом. Мать была деятельницей Национальной Ассоциации Просвещения Цветных. Они никогда не работали. Оба так и не кончили колледж, хотя пытались.

Они очень мило писали и умели мило говорить. Обожали друг друга. Стеснялись, что так плохо учились. Они были добрые. Я не могу упрекать их за то, что они были так потрясены, когда от них родились два чудовища. Дать жизнь таким монстрам, как я и Элиза, — да от этого любой свихнется.

Калев и Летиция, между прочим, исполняли свой родительский долг несколько не хуже меня самого,

когда пришла моя очередь. Я был абсолютно равнодушен к собственным детям, хотя они были нормальные, как все люди.

Может, мне было бы даже забавнее возиться со своими детишками, будь они чудышками, как Элиза и я. Хэй-хо.

Юным Калебу и Летиции посоветовали не травить себе душу и не подвергать опасности мебель, пытаясь вырастить нас с Элизой в Черепашьем Заливе. Умные люди сказали, что мы им такие же близкие родственники, как свежевылупившиеся крокодильчики.

Кaleb и Летиция, послушав советчиков, поступили гуманно. Конечно, то, что они сделали, влетело им в копеечку и притом пахло средневековьем. Наши родители не схоронили нас в частной клинике для таких, как мы. Вместо этого они заточили нас в жутком старом дворце, который получили по наследству — посерединке двухсотакрового яблоневого сада, на верхушке горы, близ деревни Гален, в штате Вермонт.

Там тридцать лет никто не жил.

Туда привозили плотников, электриков, водопроводчиков, которые должны были создать что-то вроде рая для меня и Элизы. Все полы были сплошь покрыты коврами, а под ними шла толстая резиновая про-

кладка, чтобы мы не ушиблись, когда будем падать. Столовую обложили кафелем, а в полу сделали стоки — так удобнее будет мыть все, включая нас самих, прямо из шланга, после того как мы поедем.

Было и кое-что посерьезнее: два сплошных забора, забранных поверху колючей проволокой. Первый забор окружал яблоневый сад. Вторым обнесли дом, чтобы уберечь нас от любопытных взглядов рабочих, которых приходилось время от времени пускать в сад обрабатывать яблони.

Хэй-хо.

Прислугу взяли местную. Наняли повара. Наняли двух уборщиц и одного уборщика. Наняли двух опытных нянек, которые нас кормили, одевали, раздевали и купали. Я лучше всех помню одного слугу — Уизерса Уизерспуна, по совместительству охранника, шофера и мастера на все руки.

Мать его была из Уизерсов. А отец был Уизерспун.

Так что все они были простые деревенские люди, и никто, за исключением Уизерса Уизерспуна, который служил в армии, никогда не выезжал из Вермонта. Собственно говоря, они редко выбирались дальше, чем за десять миль от Галена, и все были в той или иной степени родства — это был вынужденный инбридинг, как у эскимосов.

Само собой, они приходились дальними родственниками и нам с Элизой — ведь наши вермонтские предки некогда тоже много лет блаженно плескались в том же мелком генетическом прудочке.

Однако, по тогдашней американской мерке вещей, они приходились нам такой же родней, как карась орлу — ведь наша семья превратилась в покорителей мира и мультимиллионеров.

Хэй-хо.

В общем, нашим родителям не стоило большого труда купить верность и преданность этих живых ископаемых из прошлого нашей семьи. Им назначили скромное жалованье, которое им казалось царским, при неразвитости и примитивности тех долей мозга, которые связаны с умением делать деньги.

Их разместили в удобных квартирках в самом дворце, поставили им цветные телевизоры. Им разрешили есть вволю, и все за счет наших родителей. А работа у них была пустяковая.

Мало того, им не приходилось особенно затруднять себя, принимая решения. Думать за них должен был молодой практикующий врач, доктор Стюарт Роулингз Мотт, который жил в деревушке и должен был навещать нас каждый день.

Доктор Мотт, человек унылый и замкнутый, был сам из Техаса. До сих пор не могу понять, что его занесло в

такую даль от родных мест и от всех родичей — лечить жителей эскимосского поселка в штате Вермонт.

Вот любопытное примечание к этой истории, хотя, возможно, оно и не имеет исторического значения: внук доктора Мотта будет Королем Мичигана, когда я останусь на второй срок Президентом Соединенных Штатов.

Что-то мне опять икается.

Хэй-хо.

Торжественно клянусь: если я доживу до конца этой автобиографии, я ее перечитаю еще раз и вычеркну все «хэй-хо».

Хэй-хо.

Между прочим, в доме была автоматическая система тушения пожаров — и сигнализация на окнах, дверях и световых люках.

Когда мы подросли и стали еще страхолюднее, и вполне могли бы сломать человеку руку или оторвать голову, в кухне установили громадный гонг. К нему подсоединили вишнево-красные кнопки, расположенные в каждой комнате и по всем коридорам через равные промежутки. Кнопки светились в темноте.

Кнопку следовало нажать только в том случае, если бы мне или Элизе вздумалось поиграть в смертоубийство.

Хэй-хо.

ГЛАВА 3

Отец поехал в Гален с адвокатом, доктором и архитектором — лично наблюдал за перестройкой дома для нас с Элизой, нанимал слуг, договаривался с доктором Моттом. Мама оставалась здесь, в Манхэттене, в доме на Черепашьем Заливе.

К слову сказать, черепахи теперь вернулись в Черепаший Залив, их тут видимо-невидимо.

Рабы Веры Белка-5 Цаппы с удовольствием их ловят и варят из них суп.

Хэй-хо.

Это был один из тех редких случаев — не говоря о смерти отца, — когда мать и отец расставались больше чем на один-два дня. И отец написал маме из Вермонта нежное письмо — я его нашел в столике у ее кровати после ее смерти.

«Моя дражайшая Тиш, — писал он ей, — нашим детям будет здесь очень хорошо. Нам есть чем гордиться. Архитектору есть чем гордиться. Рабочим есть чем гордиться.

Как бы коротка ни оказалась жизнь наших детей, мы им подарим достойное и счастливое детство. Мы создали для них чудесный астероид, волшебный мирок, где стоит один-единственный дом, а все остальное — яблоневый сад».

* * *

Потом он возвратился на свой собственный астероид — в Черепаший Залив. По совету медиков, он и мама навещали нас отныне один раз в год, неукоснительно, в наш день рождения.

Их роскошный особняк стоит до сих пор, там тепло и крыша не протекает. Там наша ближайшая соседка, Вера Белка-5 Цаппа, поселила своих рабов.

«А когда Элиза и Уилбур умрут и наконец попадут на небо, — писал дальше отец, — мы можем упокоить их с миром среди наших родственников Свейнов, на нашем собственном кладбище под яблонями».

Хэй-хо.

Что же касается тех, кто уже упокоился с миром на этом кладбище, отделенном от дома забором, то это были по большей части хозяева здешних яблоневых садов, их супруги и потомство, люди ничем не примечательные. Нет сомнений, что многие из них были так же малограмотны и невежественны, как Мелоди и Исидор.

Вот что я хочу сказать: это были безобидные человекообразные обезьяны, с ограниченными возможностями творить злые дела — а это, поверьте на слово мне, старику, и есть единственное, для чего создан род человеческий.

* * *

Многие надгробия на кладбище ушли в землю или повалились. Непогода стерла надписи на тех, что еще стоят.

Но был там один колоссальный монумент, с толстыми гранитными стенами, черепичной крышей, широким порталом — он-то простоит до Судного дня, это точно. Это был мавзолей основателя богатств нашей семьи и строителя дворца, профессора Илайхью Рузвельта Свейна.

Профессор Свейн был, насколько мне известно, самым умным из всех наших предков: Рокфеллеров, Дюпонов, Меллонов, Вандербильтов, Доджей и прочих. В восемнадцать он закончил Мичиганский Технологический институт, а в двадцать два основал Департамент государственного строительства при Корнелльском университете. К тому времени он уже получил несколько ценных патентов на железнодорожные мосты и устройства по технике безопасности — этих изобретений было бы вполне достаточно, чтобы сделать его миллионером.

Но ему этого было мало. Он взял да и основал компанию Свейна по строительству мостов. Они составляли проекты и наблюдали за строительством мостов на железных дорогах почти что на всей планете.

* * *

Он был гражданином мира. Говорил на многих языках, был личным другом многих глав государств. Но когда настало время возвести свой собственный дворец, он построил его в яблоневом саду своих предков, простых и необразованных.

И он был единственным, кто любил эту варварскую громадину, пока не привезли нас с Элизой. Мы были там очень, очень счастливы!

Только мы с Элизой знали тайну профессора Свейна, хотя его уже полвека как не было в живых. Слуги ни о чем не догадывались. Родители ничего не знали. Рабочие, которые перестраивали здание, судя по всему, тоже ничего не подозревали, хотя им приходилось проводить трубы, электропроводку и отопление в самых несусветных закоулках.

Вот эта тайна: там был дворец внутри дворца. В него можно было проникнуть через разные люки и фальшивые панели. Там были скрытые лестницы, и гнезда для подслушивания со смотровыми щелками, и потайные переходы. Там даже подземные ходы были.

Так что мы с Элизой могли запросто, скажем, нырнуть в громадные стоячие часы в зале на верхушке северной башни, а вылезти почти в километре оттуда — через люк в полу мавзолея профессора Илайхью Рузвельта Свейна.

* * *

Мы узнали и еще одну тайну профессора — раскопали, когда рылись в оставшихся от него бумагах. Его второе имя было вовсе не *Рокфеллер*. Это имя он сам себе придумал, чтобы выглядеть таким аристократом — когда поступал в МТИ.

В его свидетельстве о крещении стояло другое имя: Илайхью Уизерспун Свейн.

Я думаю, что и мы с Элизой следом за профессором набрали на мысль придумать всем без исключения новые вторые имена.

ГЛАВА 4

Умер профессор Свейн таким толстяком, что я не могу себе представить, как он ухитрялся протискиваться в свои потайные переходы. Они были ужасно узкие. Тем не менее нам с Элизой это было совсем не трудно, несмотря на двухметровый рост, — потолки там были высоченные...

Между прочим, профессор Свейн умер от своей тучности здесь, во дворце, во время обеда, который он закатил в честь Сэмюэля Ленгхорна Клеменса и Томаса Альвы Эдисона.

Да, было времечко.

Мы с Элизой нашли меню этого обеда. На первое у них был суп из черепахи.

Слуги время от времени судачили о том, что в доме водятся привидения. Они слышали, как в стенах кто-то чихает и хихикает, слышали, как скрипят ступеньки там, где никаких лестниц не было, как хлопают двери там, где дверей не было и в помине.

Хэй-хо.

Конечно, заманчиво было бы мне, полоумному столетнему долгожителю в развалинах Манхэттена, поднять шум на весь мир, разораться, что мы с Элизой подвергались чудовищной жестокости в заключении, в этом старом гнезде всякой нечисти. На самом-то деле мы были самыми счастливыми ребяташками во всей истории человечества.

И это блаженство длилось до того дня, когда нам исполнилось пятнадцать лет.

Представляете?

Да, а когда я стал врачом-педиатром и работал здесь, в том самом доме, где вырос, я часто говорил себе, глядя на какого-нибудь малолетнего пациента и вспоминая собственное детство: «Это существо только что попало на эту планету, ничего о ней не знает, да у него нет и никаких принципов, чтобы судить о мире. Этому существу совершенно безразлично, кем оно станет. Оно

просто рвется стать кем угодно, таким, каким ему назначено быть».

Во всяком случае, это точно соответствовало нашим с Элизой настроениям, когда мы были малышами. И вся информация, которую мы получали на планете, на которой очутились, сводилась к тому, что быть идиотами просто здорово.

Поэтому мы холили и лелеяли свой идиотизм.

На людях мы отказывались от членораздельной речи. «Агу», — бормотали мы. «Гу-гу», — говорили мы. Мы пускали слюни и закатывали глаза. Пукали, заливались хохотом. Лопали конторский клей.

Хэй-хо.

Посудите сами: мы были пупом земли для тех, кто о нас заботился. Они могли проявлять чудеса христианского героизма только при условии, что мы с Элизой останемся навсегда беспомощными, мерзкими и опасными. Стоило нам проявить сообразительность и самостоятельность, как они превратились бы в наших жалких и униженных слуг. Если окажется, что мы можем жить среди людей, то им придется расстаться со своими квартирами, с цветными телевизорами, с иллюзиями, будто они что-то вроде врачей и сестер милосердия. Да и солидное жалованье от них уплывет.

Так что с самого начала, почти не ведая, что творят, в этом я уверен, они тысячу раз в день молили нас оставаться беспомощными и зловердными.

Из всего разнообразия человеческих способностей и достижений они мечтали, чтобы мы поднялись хотя бы на первую ступеньку высокой лестницы. Они всей душой желали, чтобы мы научились пользоваться уборной.

Повторяю: мы с радостью пошли им навстречу.

Но мы тайком научились читать и писать по-английски, когда нам было четыре годика. А к семи годам мы умели читать и писать по-французски, по-немецки, по-итальянски, знали латынь, древнегреческий и математику. Во дворце были тысячи и тысячи книг. К тому времени, как нам исполнилось десять, мы их все перечитали — при свечах, в тихий час или после того, как нас укладывали спать, — в потайных ходах, и чаще всего — в мавзолее Илайхью Рузвельта Свейна.

Но мы по-прежнему пускали пузыри и гулили и прочее, когда взрослые могли нас видеть. Нам было весело.

Мы вовсе не сгорали от нетерпения, не спешили проявлять свой ум на людях. Мы не считали, что ум вообще на что-то годится, что это может кому-то понравиться. Мы думали, что это просто еще один признак нашего уродства, печать вырождения, как лишние соски или пальцы на руках и на ногах.

Вполне возможно, что мы думали правильно. Как по-вашему?

Хэй-хо.

ГЛАВА 5

И все это время чужой молодой человек, доктор Стюарт Роулингз Мотт взвешивал нас, измерял нас, заглядывал во все отверстия, брал мочу на анализ — и так день за днем, день за днем, день за днем.

— Как делишки, детишки? — так он обычно говорил.

Мы отвечали ему: «Агу», и «Гу-гу», и прочее в том же роде. Мы его прозвали «Друг детишек».

Мы со своей стороны делали все возможное, чтобы каждый следующий день был точь-в-точь как предыдущий. Каждый раз, как «Друг детишек» хвалил нас за хороший аппетит или хороший стул, я неизменно затыкал себе уши большими пальцами, а остальными шевелил в воздухе, а Элиза задирала юбку и шелкала себя по животу резинкой от колготок.

Мы с Элизой уже тогда пришли к единому мнению, которого я до сих пор придерживаюсь: можно прожить безбедно, надо только обеспечить достаточно спокойную обстановку для выполнения десятка простых ритуалов, а повторять их можно практически до бесконечности.

Мне думается, что жизнь, в идеале, должна быть похожа на менуэт, или на виргинскую кадрили, или на тустеп — чтобы этому можно было без труда научиться в школе танцев.

* * *

До сих пор я не знаю, что думать про доктора Мотта: иногда мне кажется, что он любил Элизу и меня, знал, какие мы умные, и старался оградить нас от беспощадной жестокости внешнего мира, а порой мне кажется, что он не соображал, на каком свете живет.

После смерти матери я обнаружил, что ящик для постельного белья в ногах ее кровати был битком набит конвертами с отчетами доктора Мотта — он их присылал два раза в месяц — о состоянии здоровья ее детей. Он сообщал о том, что мы все больше едим и соответственно растет объем наших экскрементов. Он всегда упоминал о нашей неизменной жизнерадостности и о нашей природной устойчивости к обычным детским болезням.

По сути дела, он сообщал о вещах, которые без труда понял бы подмастерье плотника, — к примеру, что в возрасте девяти лет мы достигли роста в два метра.

Но, как бы мы с Элизой ни росли в высоту, одна цифра в его отчетах никогда не менялась. Наш интеллектуальный возраст оставался на уровне двух-трехлетнего ребенка.

Хэй-хо.

«Друг детишек» — конечно, не считая моей сестры, — один из немногих людей, которых я хотел бы повстречать в загробной жизни.

Мне до смерти хочется спросить его, что он действительно думал о нас, когда мы были детишками, о чем только догадывался, а что знал наверняка.

Мы с Элизой, должно быть, тысячу раз давали ему повод заподозрить, что мы очень умны. Притворились мы довольно неумело. В конце концов, это вполне возможно, если вспомнить, что мы, неся при нем разную околесицу, вставляли слова из иностранных языков, которые он мог понять. Он мог бы заглянуть в дворцовую библиотеку, куда прислуга никогда не забредала, и заметить, что книги кто-то трогал.

Он мог случайно сам обнаружить наши потайные ходы. Он обычно отправлялся бродить по дому, покончив с осмотром своих подопечных, это я точно знаю, а слугам объяснял, что отец у него был архитектор. Он мог даже пройти по одному из потайных ходов, найти книги, которые мы там читали, увидеть своими глазами закапанный парафином пол.

Кто знает...

Хотелось бы мне также узнать, что за тайное горе его грызло. Мы с Элизой в детстве были так поглощены друг другом, что почти никогда не замечали, как себя чувствуют другие люди. Но печаль доктора Мотта произвела на нас сильное впечатление — значит, это было глубокое горе.

* * *

Я как-то спросил его внука, Короля Мичигана по имени Стюарт Малиновка-2 Мотт — не знает ли он, с чего это доктор Мотт вел себя так, словно жизнь его раздавила.

— Сила тяжести тогда еще не выкидывала фокусов, — сказал я. — И небо было голубое, а не желтое, не распрощалось навеки с голубизной. И природные запасы планеты тогда еще не истощились. И страну не опустошили эпидемии албанского гриппа и Зеленой Смерти.

У твоего деда была славная малолитражка, славный маленький домик, славная маленькая практика и славная женушка, и славный малыш, — сказал я Королю, — а он только и знал, что *хандрить!*

Мы беседовали с Королем в его дворце на озере Максинкукки, на севере Индианы, где в прежнее время располагалась Кульверовская Военная академия. Формально я еще был Президентом Соединенных Штатов, хотя ситуация полностью вышла из-под моего контроля. Конгресса вообще больше не было, не было ни системы федеральных судов, ни казначейства, ни армии — ничего.

Во всем Вашингтоне, штат Каролина, осталось, должно быть, человек восемьсот, не больше. Когда я явился засвидетельствовать почтение Королю, со мной оставалось только одно «сопровождающее лицо».

Хэй-хо.

* * *

Он спросил, считаю ли я его своим врагом, и я ответил:

— Да что вы, боже упаси, Ваше Величество, — я в восторге, что человек ваших масштабов установил законность и порядок на Среднем Западе.

Я так выпрашивал Короля про его дедушку, доктора Мотта, что он наконец рассердился.

— Бог ты мой, — сказал он, — где вы видели американца, который знает что-нибудь о своих предках?

В те дни он был сухощавый, гибкий, закаленный — воин-святой, аскет. Моя внучка Мелоди познакомилась с ним, когда он стал грязным сластолюбцем, жирным стариком в наряде, усыпанном драгоценными камнями.

Когда я с ним познакомился, он носил простую солдатскую форму без всяких знаков отличия.

Что касается моего костюма: костюм был подобающий для клоуна — цилиндр, фрак и брюки в полоску, жемчужно-серый жилет и короткие гетры в тон, несвежая белая рубашка с высоким воротником и галстуком. Поперек жилета была пущена золотая цепочка от часов, некогда принадлежавших моему предку Джону Д. Рокфеллеру, тому самому, что основал «Стандард Ойл».

На цепочке у меня болтался ключ Фи Бета Каппа из Гарварда и миниатюрный пластмассовый нарцисс. К тому времени я официально изменил свое второе имя с *Рокфеллера* на *Нарцисс-11*.

— Ни убийств, ни растрат, ни самоубийств, ни алкоголиков, ни наркоманов в той ветви семейства вроде бы не было, — продолжал Король. — Насколько мне известно.

Ему было тридцать. Мне было семьдесят девять.

— Может, дед был из тех чудиков, у которых хандра врожденная? — сказал он. — Это вам в голову не приходило?

ГЛАВА 6

Может быть, некоторые люди и впрямь рождаются несчастными. Я от души надеюсь, что это не так.

Что касается меня и моей сестры: у нас была врожденная способность и твердая решимость быть абсолютно счастливыми до самой смерти.

Похоже, что и это было какое-то уродство.

Хэй-хо.

Что такое счастье?

Для нас с Элизой счастье означало: быть вместе неразлучно, иметь кучу слуг и вкусной еды, жить в ти-

хом, полном книг дворце на астероиде, засаженном яблонями, и расти рядом, как две обособленные половины единого мозга.

И хотя мы то и дело обнимались и вообще лапали друг друга, намерения у нас были чисто интеллектуальные. Правда, Элиза созрела к семи годам. Зато я достиг зрелости только к окончанию медицинского факультета Гарвардского университета, к двадцати трем годам. Мы с Элизой использовали телесный контакт только для того, чтобы усилить интимную связь наших двух половинок мозга.

Таким образом мы породили единый гений, который погиб в ту минуту, как нас разлучили, и мгновенно возродился, как только мы снова свиделись.

Мы стали почти патологически специализированными существами, как половинки этого гения, а он сделался самым главным человеком в нашей жизни, хотя до конца остался безымянным.

К примеру, когда мы учились читать и писать, писал и читал на самом деле я один. Элиза осталась неграмотной до конца своих дней.

Но именно Элиза совершала великие интуитивные открытия за нас обоих. Элиза сообразила, что нам будет удобнее притворяться бессловесными идиотами, зато стоит пользоваться уборной. Элиза сообразила, что такое книги и что означают мелкие значки на их страницах.

Именно Элиза поняла, что в промерах некоторых коридоров и комнат дворца что-то не сходится. А уж я методически перемерял все на месте, потом прошелся по панелям стен и паркетному полу с дрелью и кухонным ножом, нащупывая двери в параллельный мир, который мы обнаружили.

Хэй-хо.

Так что читал я один. Мне сейчас кажется, что не было ни единой книги, изданной на любом из индоевропейских языков перед Первой мировой войной, которую бы я не прочел вслух.

Но запоминала все Элиза, и она говорила мне, чем мы будем заниматься дальше. И только Элиза умела сопоставить две мысли, между которыми как будто не было ничего общего, и создать совершенно новую идею. Только Элиза могла *соображать*.

Мы получали в основном устаревшие сведения, потому что после 1912 года во дворец почти не привозили книг. Они по большей части вообще не имели возраста. А еще больше там было чистейших глупостей, вроде танцев, которые мы разучили.

Стоит мне захотеть, и я могу сплясать вполне приличную, исторически точную версию тарантеллы, прямо здесь, на развалинах Нью-Йорка.

* * *

Были ли мы с Элизой настоящим гением, когда думали вместе?

Приходится отвечать утвердительно, особенно если принять во внимание, что у нас не было никаких учителей. И не сочтите меня за хвастуна — ведь я всего лишь половинка этого разума.

Мы, насколько мне помнится, критически пересмотрели теорию эволюции Дарвина, на том основании, что существа, пытающиеся усовершенствовать свое строение — скажем, отрастить крылья или нарастить панцирь, — окажутся ужасно беззащитными. И их слопают более практичные животные — значительно раньше, чем их чудесные новые приспособления будут доведены до совершенства.

Мы сделали по крайней мере одно предсказание, которое было настолько точным, что я даже сейчас, когда об этом подумаю, прихожу в священный ужас.

Слушайте: мы начали с разгадки тайны — каким образом древние люди воздвигли пирамиды в Египте и в Мексике, колоссальные головы на острове Пасхи и доисторические каменные арки Стоунхенджа, не имея в своем распоряжении современных знаний и машин.

Мы пришли к заключению, что в древние времена были периоды уменьшения силы тяжести, так что люди могли бы запросто запускать «блинчики» по воде громадными каменными плитами.

Мы предположили, что для Земли вообще ненормальна постоянная сила тяжести в течение длительных периодов. Мы предсказали, что в любую минуту тяжесть может стать такой же капризной, как ветры, жара и мороз, как грозы и проливные дожди.

Да, и еще мы с Элизой набрались нахальства и раскритиковали Конституцию Соединенных Штатов Америки. Мы доказывали, что это — еще один путь к всеобщим несчастьям и нищете, потому что достижение более или менее счастливого и достойного существования для простых людей опирается на силу этих самых людей — а вот практических механизмов, которые могли бы сделать народ, в отличие от его избранных представителей, сильным, в Конституции как раз и не было.

Мы утверждали, что сочинители Конституции, как видно, в упор не видели тех прекрасных людей, у которых не было ни большого богатства, ни влиятельных друзей, ни солидных должностей в государстве, но которые обладали истинной, подлинной силой.

Однако нам казалось более вероятным, что сочинители Конституции просто не заметили естественной, а значит, почти неизбежной склонности человеческих особей в экстремальных и стрессовых ситуациях стремиться к слиянию в новые семьи. Мы с Элизой отметили, что это случалось одинаково часто и при демократии, и при тирании, ввиду того, что люди во всем

мире одинаковы, а цивилизация коснулась их только вчера.

Избранники народа будут, очевидно, составлять мощную и прославленную семью избранников народа — и вследствие этого, вполне естественно, станут недоверчивыми, заносчивыми и скаредными по отношению ко всем другим семьям, а это в свою очередь опять приведет к неравенству, к раздроблению человечества.

Мы с Элизой, рассуждая как половинки единого гения, предложили внести в Конституцию поправки, которые гарантировали бы любому гражданину, каким бы он ни был сереньким, или ненормальным, или некомпетентным, или уродливым, место равноправного члена какой-то семьи, столь же сильной и столь же полной тайной ксенофобии, как и семья, сложившаяся из «слуг народа».

Ай да мы!

Хэй-хо.

ГЛАВА 7

Вот было бы хорошо, особенно для Элизы — она ведь была девочка, — если бы мы с ней оказались просто гадкими утятами, если бы мы стали со временем

прекрасными лебедями. Но мы просто становились все нелепее, все уродливее с каждым днем.

Некоторые преимущества у мужчины двухметрового роста все же были. Меня ценили как игрока в баскетбол и в начальной школе и в колледже, хотя я был ужасно узкоплечий, голосок у меня был писклявый, что твоя флейта-пикколо, а на подбородке и на лобке даже щетинки не было. Ну а потом, когда голос у меня погрубел и я выставил свою кандидатуру в сенат от штата Вермонт, я с полным правом напечатал на своих плакатах: «Большое дело — большому человеку!»

Но вот Элиза — а она была одного со мной роста — не могла и надеяться найти себе хоть какую-то компанию. Нет в обществе никакой подходящей роли для особи женского пола с двенадцатью пальцами на руках, двенадцатью пальцами на ногах, четырьмя грудями и вдобавок — неандерталоидной половинки гения, при весе в один квинтал и росте в два метра.

Мы почти с пеленок знали, что у нас нет никаких шансов выиграть конкурс красоты.

Элиза об этом сказала, кстати, пророческие слова. Было ей тогда не больше восьми. Она сказала, что, может быть, на Марсе могла бы выиграть конкурс красоты, стать «Мисс Марс».

Как вы знаете, ей было суждено умереть на Марсе.

И приз ей был назначен — обвал из гидропирита железа, называемого в просторечии «Золото Дурака».

Хэй-хо.

Было даже такое время в нашем детстве, когда мы единодушно решили, что нам *очень повезло*, что мы не красавчики. Судя по всем романам, которые я читал своим пискливым голосом, сопровождая чтение иногда и жестами, все красавицы и красавцы подвергались бесконечным посягательствам со стороны одержимых страстью незнакомцев.

Нам вовсе не хотелось, чтобы в нашу жизнь кто-то лез, потому что вдвоем мы составляли не просто единый разум, а целую Вселенную, и ни с кем не хотели ее делить.

Про наш внешний вид по крайней мере одно могу сказать: одежда на нас была самая дорогая, самая лучшая. Наши несусветные промеры, менявшиеся почти неузнаваемо с каждым месяцем, посылались по почте, согласно инструкции наших родителей, к самым лучшим портным, сапожникам, мастерам по пошиву белья и верхнего платья, к известнейшим галантерейщикам в мире.

Наши няньки, которые нас раздевали и одевали, придумали себе игру и радовались, как дети, переоде-

вая нас для воображаемых торжественных случаев, хотя мы в жизни никуда не выходили, — для миллионерских чаепитий, каникул с катаньем на лыжах, занятий в привилегированной приготовительной школе, для выезда в театр — сюда, в Манхэттен, после чего планировался ужин и море шампанского.

И прочее в том же роде.

Хэй-хо.

Комизм нашего положения мы чувствовали. Но, несмотря на нашу гениальность — когда мы думали вместе, — лет до пятнадцати нам не приходило в голову, что мы угодили в самую сердцевину трагедии. Мы думали, что уродство просто забавляет людей из внешнего мира. Мы не догадывались, что наш вид может вызвать отвращение у людей, особенно когда они не ожидали нас увидеть.

Мы не имели ни малейшего представления о том, как важно быть красивым, и поэтому, честно говоря, никак не могли взять в толк, про что идет речь в «Гадком утенке» — я читал Элизе эту сказку в мавзолее профессора Илайхью Рузвельта Свейна.

Это сказка про птенца, которого вырастили утки, и, на их взгляд, это был самый неприглядный утенок, которого им приходилось видеть. Ну а потом, когда он вырос, то оказался лебедем.

Я помню, как Элиза заметила, что сказка была бы куда интереснее, если бы птенец выбрался на берег и превратился в носорога.

Хэй-хо.

ГЛАВА 8

До того вечера, накануне нашего пятнадцатого дня рождения, мы с Элизой никогда ничего плохого о себе не слышали — даже когда подслушивали из потайных ходов.

Слуги так к нам притерпелись, что никогда о нас и не поминали, ни на людях, ни секретничая друг с другом. Доктор Мотт почти никогда не высказывался ни о чем, кроме нашего аппетита и нашего стула. А родителям было так тошно, что они впадали в бессловесное состояние каждый раз — раз в год, — когда совершали межпланетный перелет на наш астероид. Отец, помнится, пересказывал матери, запинаясь, без всякого интереса, разные новости, которые он вычитал из газет и журналов.

Они всегда привозили нам игрушки из фирменного магазина Шварца — знаменитая фирма давала гарантию, что эти игрушки полезны для умственного развития трехлетних детишек.

Хэй-хо.

* * *

Так-то. А сейчас пришли мне на память все тайны жизни человеческой, которые я скрываю от Мелоди и Исидора, ради их душевного мира и спокойствия, — например, я доподлинно знаю, что за гробом нас ничего хорошего не ждет, и так далее.

И в который раз я поражаюсь, вспомнив ту тайну, которую от нас с Элизой так долго скрывали. Всем тайнам тайна, а именно: наши родители дожидаться не могли, пока мы наконец умрем.

Мы довольно мирно ждали нашего пятнадцатого рождения, полагая, что он будет точь-в-точь как все предыдущие. Мы лениво разыгрывали обычный фарс. Родители приехали к ужину — ужинали мы в четыре часа дня. Подарки нам дадут завтра.

Мы швыряли друг в друга разной едой. Я вlepил Элизе плодом авокадо. Она меня заляпала филе под соусом. Мы обстреляли пончиками горничную. Мы делали вид, будто знать не знаем, что наши родители уже приехали и подглядывают в щелочку в двери.

Ну вот, а потом, так и не повидав своих родителей, мы были выкупаны, припудрены тальком, облачены в пижамы, и купальные халаты, и ночные шлепанцы. Укладывали нас в пять — мы с Элизой притворялись, что спим по шестнадцать часов в сутки.

Наши квалифицированные няньки, Овета Купер и Мэри Селвин Керк, сказали нам, что нас ждет в библиотеке чудесный сюрприз.

Мы прикинулись идиотами, которые никак не поймут, что такое сюрприз.

К тому времени мы вымахали во весь свой великанский рост.

Я таскал за собой резиновый катерок — считалось, что это моя любимая игрушка. А у Элизы в копне волос, черных как смоль, красовалась алая бархатная лента.

Как обычно, родителей от нас отгораживал громадный обеденный стол. Как обычно, наши родители потихоньку потягивали бренди. Как обычно, в камине ярким пламенем, шипя и постреливая, горели сосновые и сыроватые яблоневые дрова. И как обычно, писанный маслом профессор Илайхью Рузвельт Свейн на портрете над камином благостно сиял, наблюдая привычную церемонию.

Когда нас к ним вывели, наши родители, как это повелось, встали. Они встретили нас улыбками, в которых мы все еще не могли распознать выражение заискивающе-сладкого и острого ужаса.

А мы, как обычно, притворились, будто они нам страшно нравятся, только мы не можем с ходу сообразить, кто они такие.

* * *

Как обычно, разговаривал с нами отец.

— Как поживаете, Элиза и Уилбур? — сказал он. — Вы прекрасно выглядите. Мы очень рады вас видеть. Вы нас помните?

Мы с Элизой, пуская слюну, стали советоваться, изображая смущение и бормоча по-древнегречески.

Элиза, помнится, сказала мне по-гречески, что не может поверить, чтобы мы были сродни этим хорошеньким куколкам.

Отец пришел нам на помощь. Он подсказал нам имя, которое мы ему дали много лет назад.

— А я — Буль-плю! — крикнул он.

Мы с Элизой притворились, что поражены. «Буль-плю!» — твердили мы друг другу. Мы не могли поверить, что на нас свалилось такое счастье. «Буль-плю! Буль-плю!» — кричали мы.

— А это, — сказал отец, показывая на маму, — Мум-пум.

Для нас с Элизой это была еще более сногшибательная новость. «Мум-пум! Мум-пум!» — завопили мы.

И тут мы с Элизой, как и полагалось, совершили великое интеллектуальное усилие. Без малейшего намека или подсказки со стороны мы сообразили, что, раз наши родители явились сюда, значит, близок наш день рождения. И мы стали распевать слово, которым у нас обозначался день рождения: «Дежжень!»

Как обычно, мы сделали вид, что себя не помним от радости. Мы прыгали, как мячики. Мы к тому времени были такие великаны, что пол стал пружинить, как сетка батута.

Но тут мы с ходу замерли, притворяясь, как это было у нас заведено, что от восторга впали в столбняк — якобы не в силах выдержать такое счастье.

На этом обычно представление и заканчивалось. Нас после этого уводили.

Хэй-хо.

ГЛАВА 9

Нас положили в кровати, сделанные по специальному заказу, — спальни у нас были отдельные, но рядом, через стенку. А в стенке была потайная дверь. Колыбельки наши были величиной с железнодорожную платформу. Борта у них закрывались со страшным лязганьем.

Мы с Элизой сразу же притворились спящими. Но через полчаса мы оказались вместе, в комнате Элизы. Слуги никогда не проверяли, как мы спим. В конце концов, здоровье у нас было отменное, и мы обеспечили себе отличную репутацию; про нас говорили: «...они — чистое золото, когда спят».

Так вот, мы спустились в люк под Элизиной кроватью и вскоре уже подглядывали по очереди за на-

шими родителями, сидевшими в библиотеке, — через дырочку, которую собственноручно просверлили в стене и в верхнем уголке рамы портрета профессора Илайхью Рузвельта Свейна.

Отец рассказывал матери последние новости, которые он вычитал вчера из журнала. Оказывается, ученые в Китайской Народной Республике вели эксперименты с целью сделать людей меньше ростом, чтобы они поменьше ели и на одежду не уходило бы столько материи.

Мама уставилась на огонь. Отцу пришлось два раза сказать ей про китайские слухи. Когда он повторил это во второй раз, она равнодушно ответила, что китайцы, наверно, могут добиться всего, чего захотят.

Всего около месяца назад китайцы послали две сотни исследователей на Марс — без каких бы то ни было космических кораблей. Весь мир ломал голову — как им это удалось? А сами китайцы помалкивали.

Мать сказала, что американцы целую вечность ничего не открывали.

— Оглянуться не успеешь, — сказала она, — опять новое открытие, и опять его сделали китайцы.

— А раньше все открытия делали мы, — сказала она.

Разговор был такой тупой, темп был такой замедленный, словно наши красивые молодые родители из

Манхэттена были по шею погружены в мед. Казалось — а нам с Элизой давно так казалось, — что над ними тяготеет какое-то проклятие, заставляющее их говорить только о том, что их совершенно не интересует.

А ведь оно и на самом деле над ними тяготело, злое проклятие. Но мы с Элизой не догадывались, в чем было дело. А дело было вот в чем: они так отчаянно желали смерти собственным детям, что едва дышали, полузадушенные, почти парализованные.

Но я могу поручиться за своих родителей в одном, хотя у меня нет никаких доказательств, кроме того, что я чувствую сердцем: ни один из них никогда, ни под каким видом не обмолвился другому даже намеком на то, что он или она желает нам смерти.

Хэй-хо.

Но тут в камине как *бабахнет!* Сжатый в полости сырого ствола пар вырвался наружу.

Ну, мама, конечно, из-за того, что она была, как все живые существа, целой симфонией химических реакций, закричала от страха. Химические вещества требовали, чтобы она испустила крик в ответ на *бабах*.

Но на этом химические вещества не успокоились. Им этого было мало. Они полагали, что настало время ей наконец сказать всю правду про то, как она на самом деле относится ко мне и к Элизе. Так она и сделала. Мало того, все как-то сразу пошло наперекосяк,

когда она заговорила. Она судорожно сжала кулаки. Спина у нее сгорбилась, а лицо сморщилось, и она превратилась в старую-престарую ведьму.

— Я их ненавижу, ненавижу, ненавижу, — сказала она.

Не прошло и нескольких секунд, как мама сказала без обиняков, кого именно она ненавидит.

— Я ненавижу Уилбура Рокфеллера Свейна и Элизу Меллон Свейн, — сказала она.

ГЛАВА 10

В тот вечер мама временно помешалась.

Я потом узнал ее гораздо лучше. И хотя я так и не научился любить ее, как вообще не научился любить, я всегда восхищался ее непоколебимой порядочностью по отношению ко всем и вся. Нет, обижать людей она не умела. Когда она говорила с кем-то, при всех или наедине, ничья честь ни разу не пострадала.

Так что на самом деле это не она, не наша мать, сказала в тот вечер, накануне нашего пятнадцатого дня рождения:

— Ну как мне любить графа Дракулу и его краснощекую невесту? — Это она имела в виду меня и Элизу! Не она, не наша мать вслух спросила нашего отца:

— Как я могла родить на свет пару слюнявых тотемных столбов?

И прочее в том же духе.

А отец? Он обнял ее и прижал к себе. Он плакал от любви и жалости.

— Кaleb, о, Кaleb, — сказала она, лежа у него на груди. — Это не я.

— Конечно, не ты, — сказал он.

— Прости меня, — сказала она.

— О чем ты говоришь, — сказал он.

— Простит ли меня Бог хоть когда-нибудь? — сказала она.

— Уже простил, — сказал он.

— Как будто в меня вселился дьявол, — сказала она.

— Так оно и было, Тиш, — сказал он.

Ее помешательство мало-помалу проходило.

— О, Кaleb ... — сказала она.

Если вам показалось, что я бью на жалость, то скажу вам сразу: мы с Элизой в те дни были не более эмоционально ранимы, чем Великий Каменный Лик в Нью-Хэмпшире.

Отцовская и материнская любовь была нам нужна не больше, чем рыбе зонтик, как говорится.

Поэтому, услышав недобрые слова матери, даже поняв, что она желает нам смерти, мыотреагировали на чисто интеллектуальном уровне. Мы любили мудреные

задачки. Может, мы найдем и решение маминой проблемы — конечно, не доводя дело до самоубийства.

Она постепенно взяла себя в руки. Она укрепила свой дух в предвидении сотни дней рождения своих детей, если Господь решит подвергнуть ее такому испытанию. Но перед тем, как ей это удалось, она сказала:

— Я бы отдала все на свете, Калев, за малейший признак разумности, за то, чтобы хоть искорка человеческого мелькнула в глазах одного из близнецов.

Для нас это была пара пустяков.

Хэй-хо.

Мы вернулись в Элизину комнату, и мы написали большое послание на простыне. Подождав, пока наши родители крепко заснут, мы прокрались в их спальню через фальшивую заднюю стенку шкафа. Мы повесили свое послание на стенку, чтобы оно сразу попало им на глаза, как только они проснутся.

Вот что там было написано:

ДОРОГИЕ МАТЕР И ПАТЕР. КРАСИВЫМИ МЫ СТАТЬ НЕ МОЖЕМ, НО МЫ МОЖЕМ БЫТЬ УМНЫМИ ИЛИ ГЛУПЫМИ — В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТОГО, КАКИМИ НАС ХОЧЕТ ВИДЕТЬ МИР.

ВАШИ ПРЕДАННЫЕ И ГОТОВЫЕ К УСЛУГАМ

ЭЛИЗА МЕЛЛОН СВЕЙН

УИЛБУР РОКФЕЛЛЕР СВЕЙН

Хэй-хо.

ГЛАВА 11

Вот так мы с Элизой разрушили наш рай — нашу Вселенную на двоих.

На следующее утро мы проснулись раньше родителей, задолго до того, как слуги должны были прийти нас одевать. Мы все еще думали, что живем в раю, пока одевались (самостоятельно).

Помнится, я выбрал тройку спокойного синего цвета в мелкую полосочку. Элиза решила надеть пуховый свитер, твидовую юбку и жемчуга.

Мы договорились, что первой в беседу вступит Элиза — у нее был звучный альт. Моему голосу не хватало значительности, чтобы достаточно спокойно и убедительно объявить, что мир только что перевернулся вверх тормашками.

Вспомните, пожалуйста, что до этих пор единственное, что кто-либо от нас слышал, было: «Агу», «Угу» и прочее в таком роде.

Овету Купер, нашу квалифицированную няню, мы встретили в зале с колоннами и стенами зеленого мрамора. Она поразилась, увидев нас одетыми.

Но, прежде чем она успела что-то сказать, мы с Элизой прислонились голова к голове (буквально, как раз над самыми ушами). И созданный нами таким образом единый гений заговорил с Оветой голосом Элизы, дивным, как виолончель.

Вот что этот голос сказал:

— Доброе утро, Овета. С этого дня для всех нас начинается новая жизнь. Как вы сами видите, мы с Уилбуром больше не идиоты. Ночью произошло чудо. Сбылась мечта наших родителей. Мы исцелены.

Лично для вас, Овета, все останется по-прежнему: и квартира, и цветной телевизор, а жалование вам, возможно, даже прибавят — в награду за труды, которые помогли свершиться чуду. Для нашего персонала все останется без перемен, кроме одного: жизнь здесь станет еще веселее, еще легче, чем была раньше.

Овета, унылый американский заморыш, застыла, как кролик, замороженный гремучей змеей. Но мы с Элизой вовсе не были гремучей змеей. Когда наши головы соприкасались, мы были одним из самых славных гениев, каких знал мир.

— Мы больше не будем обедать в кафельной столовой, — сказал голос Элизы. — У нас прекрасные манеры, сами увидите. Пожалуйста, накройте нам завтрак в солярии и дайте знать, когда Матер и Патер встанут. И будет очень мило с вашей стороны, если вы с сегодняшнего утра будете обращаться к нам «Мастер Уилбур» и «Мисс Элиза». Можете идти и сообщить остальным о чуде.

Овета стояла столбом. Пришлось мне шелкнуть пальцами у нее под носом, чтобы она вышла из транса.

Она сделала реверанс.

— Как скажете, мисс Элиза, — сказала она. И пошла сообщать всем потрясающие новости.

Мы уселись в солярии, и тут наш персонал стал потихоньку собираться, смущенно поглядывая на молодых хозяина и хозяйку, в которых мы превратились.

Мы приветствовали слуг, называя их полные имена. Мы задавали им вопросы по-дружески, чтобы они поняли, что мы вникаем в их жизнь до мелочей. Мы извинились за то, что превращение произошло слишком быстро и, возможно, кое-кого напугало.

— Мы просто не понимали, — сказала Элиза, — что кому-нибудь хочется, чтобы мы поумнели.

К тому времени мы уже так освоились, так овладели ситуацией, что и я отважился заговорить о важных вещах. Мой тонкий голос больше не казался писклявым и глупым.

— При вашем содействии, — сказал я, — мы прославим этот дом мудростью, так же, как в прошлые дни покрыли его позором идиотизма. И пусть снесут все заборы.

— Вопросы есть? — спросила Элиза.

Вопросов не было.

Кто-то вызвал доктора Мотта.

* * *

Наша мать не спустилась к завтраку. Она осталась лежать в постели — окаменелая.

Отец спустился один. Он так и был в ночной пижаме. Небритый. И, несмотря на свою молодость, выглядел измученным, немощным.

Нам с Элизой показалось странно, что вид у него вовсе не счастливый. Мы приветствовали его не только по-английски, но и еще на нескольких известных нам языках.

Именно на одно из этих иноязычных приветствий он наконец откликнулся.

— Бонжур, — сказал он.

— Садись-ка, садись-ка! — весело сказала Элиза. Бедняга упал на стул.

Конечно, его грызло чувство вины за то, что он допустил, чтобы с разумными человеческими существами, да еще с его собственной плотью и кровью, так долго обращались как с идиотами.

Хуже того: и собственная совесть, и разные советчики прежде убеждали его, что нет ничего страшного в том, что он нас не любит — мы же все равно были не способны на глубокие чувства, и объективно в нас нет ничего достойного любви нормального человека. Теперь же он был *обязан* нас любить и не надеялся, что это ему по силам.

Он был в ужасе, когда до него дошло то, что наша мать знала заранее, до того, как спустилась вниз. А именно: мудрость и утонченность чувств в отвратительных телах, как у нас с Элизой, сделают нас еще более омерзительными.

Отец был в этом не виноват, и мать не виновата. Виноватых не было. Для всех людей, вообще для всех теплокровных животных, если уж на то пошло, было естественным как дыхание желать скорой смерти выродкам. Это был инстинкт.

И вот мы с Элизой разбудили этот инстинкт, превратив его в невыносимую трагедию.

Не ведая, что творим, мы с Элизой наложили древнее проклятие чудовищ на всех нормальных существ. Мы потребовали уважения к себе.

ГЛАВА 12

Во всей этой суматохе мы не заметили, как наши головы разъединились, разошлись на несколько футов — значит, мы больше не могли мыслить гениально.

Мы стали настолько несообразительными, что решили — отец просто не выпался. Заставили его выпить кофе, старались расшевелить забавными песенками и загадками, которых мы знали уйму.

Помню, я его спросил, знает ли он, почему сливки дороже, чем молоко.

Он пробормотал, что не знает.

Тогда Элиза ему и говорит:

— Потому что коровы ни за что не хотят приседать над такими маленькими бутылочками.

Мы хохотали как безумные. Мы катались по полу. Потом Элиза встала, наклонилась над отцом, уперев руки в боки, и пожурела его ласково, как будто он маленький мальчишка.

— Ах ты соня-засоня! — сказала она. — Ах ты соня-засоня!

В эту минуту появился доктор Стюарт Роулингз Мотт.

Хотя доктору Мотту сообщили по телефону о нашем внезапном преображении, похоже было, что для него этот день начался как любой другой. Он сказал то же самое, что и всегда, приезжая во дворец:

— Как делишки, детишки?

Тогда я сказал первую разумную фразу, какую услышал от меня доктор Мотт.

— Да вот папа никак не проснется, — сказал я.

— Вот как, — ответил он. В награду за свою закругленную фразу я получил едва заметную улыбку.

Доктор Мотт вел себя до невероятности буднично, он даже отвернулся от нас, чтобы поговорить с Оветой Купер, нашей нянькой. Судя по всему, ее мать чем-то болела — там, в деревне.

— Овета, — сказал доктор Мотт, — вам будет приятно узнать, что у вашей матушки температура почти нормальная.

Отца рассердила такая невозмутимость, и он обрадовался, что есть на ком сорвать раздражение.

— Сколько это тянется, доктор? — спросил он. — Давно ли вы узнали о том, что они разумны?

Доктор Мотт бросил взгляд на часы.

— Примерно сорок пять минут назад, — сказал он.

— Вы, кажется, нисколько не удивлены, — сказал отец.

Доктор Мотт немного подумал, потом пожал плечами.

— Разумеется, я очень *рад* за всех вас, — сказал он.

Доктор Мотт сказал эти слова настолько безрадостно, что это заставило нас с Элизой опять сблизить головы.

Что-то тут было нечисто, и нам было совершенно необходимо понять, в чем дело.

Наш гений нам не изменил. Он дал нам понять, что на самом деле мы влипли в куда более безвыходное положение, чем раньше.

Но на нашего гения, как и на всех прочих гениев, порой нападала монументальная наивность. Так вышло и в тот раз. Он нам подсказал, что надо сделать: быстренько вернуться в состояние идиотизма. И тогда все будет в порядке.

— Ату, — сказала Элиза.

— Угу, — сказал я.

Я громко пукнул.

Элиза пустила слюни.

Я взял булочку с маслом и запустил ее в лицо Овете Купер. Элиза обернулась к отцу.

— Буль-плю! — сказала она.

— Мум-пум! — крикнул я.

Отец расплакался.

ГЛАВА 13

С тех пор, как я начал писать эти мемуары, прошло шесть дней. Четыре дня тяжесть была средняя — привычная, как в старые времена. Вчера она была очень сильная, я еле выбрался из постели — сплю я в гнезде из разных лохмотьев в вестибюле Эмпайр Стейт Билдинг. Когда мне понадобилось в шахту для лифта — мы пользуемся ею вместо уборной, — я пробирался через чашу из подсвечников на четвереньках.

Хэй-хо.

Ну, а в первый день тяжесть была маленькая, и сегодня опять такая же. И опять у меня эрекция, и у Исидора, любовника моей внучки, тоже. Как, впрочем, у каждого мужчины на острове.

Вот Мелоди с Исидором, прихватив с собой туристский ленч, отправились на перекресток Бродвея с Со-

рок второй улицей — они там строят в дни легкой тяжести что-то вроде пирамиды.

Они не обтесывают плиты и блоки, чтобы построить ее, и вообще не стесняются в выборе материала. Вместо камня они суют туда и куски рельсов, и бочки из-под горючего, и шины, и обломки автомобилей, и мебель из офисов, и сиденья из театров, в общем, всякую рухлядь. Но я смотрел, что у них получается. Когда они ее закончат, это явно будет не просто куча мусора. Это будет настоящая пирамида.

Так что археологи будущего, прочтя мои записки, будут избавлены от бесплодного труда — раскопок этой пирамиды. Им не понадобится искать то, ради чего она сделана. Там нет ни секретных камер, ни потайных сокровищниц.

То, ради чего построена пирамида, — сушая мелочь, и она спрятана под крышкой люка, лежащего в основании пирамиды. Это тельце мертворожденного ребенка мужского пола. Младенец покоится в нарядной коробке, которая некогда служила пепельницей для дорогих сигар. Эту коробку положили на дно люка четыре года назад, среди путаницы кабелей и труб — Мелоди, его двенадцатилетняя мать, я, его прадедушка, и наша ближайшая соседка, наш дорогой друг, Вера Белка-5 Цаппа.

Пирамиду придумали строить Мелоди и Исидор, который стал ее любовником позднее. Это надгробие —

памятник жизни, которая не была прожита, человеку, которого даже не успели назвать человеческим именем.

Хэй-хо.

И вовсе ни к чему рыться в пирамиде, чтобы достать коробку. К ней можно подобраться через соседние люки.

Берегитесь крыс.

В виду того, что младенец был моим наследником, пирамиду можно назвать так: «Гробница Принца Подсвечников».

Имя отца Принца Подсвечников осталось неизвестным. Он обошелся с Мелоди довольно бесцеремонно на окраине Скенектеди. Она шла из Детройта, что в Мичиганском Королевстве, к Острову Смерти, где она надеялась найти своего дедушку, легендарного доктора Уилбура Нарцисс-11 Свейна.

Мелоди опять беременна — на этот раз от Исидора.

Она у нас кривоногая, маленькая, с торчащими кривыми зубками и следами рахита — но веселая. В детстве она очень уж плохо питалась — жила сироткой в гареме Короля Мичигана.

Мелоди кажется мне порой жизнерадостной старушкой-китайкой, хотя ей всего шестнадцать. Когда

беременная девчушка так выглядит, всякому врачу-педиатру станет грустно.

Но меня утешает то, как ее любит розовый, энергичный Исидор. Как почти все его сородичи Крыжовники, Исидор сохранил полный набор зубов, и его не клонит к земле, даже в дни тяжелой тяжести он ходит прямо. В такие дни он носит Мелоди на руках, даже меня предлагал поднести, куда надо.

Крыжовники — в основном собиратели пищи, живут они в развалинах Нью-Йоркской биржи и поблизости. Они ловят рыбу в доках. Ведут раскопки, добывая консервы. Собирают фрукты и ягоды, когда они им попадаются. А картофель, помидоры, редиску выращивают сами. И еще всякую всячину.

Они ставят ловушки и западни на крыс и летучих мышей, и на кошек, и на собак, и едят их. Крыжовник — существо всеядное. Слопает что угодно.

ГЛАВА 14

Я пожелал бы Мелоди того, чего когда-то желали нам с Элизой наши родители: короткой, но счастливой жизни на астероиде.

Хэй-хо.

Да, как я уже говорил, мы с Элизой могли бы долго и счастливо жить на астероиде, если бы в один прекрас-

ный день не расхвастались своей гениальностью. Мы бы и сейчас могли жить во дворце, отапливались бы яблонями, мебелью, перилами и деревянными панелями, а когда нас навещали бы чужие люди, мы бы пускали слюну и агукали. Мы и кур могли бы держать. Завели бы небольшой огородик. Мы бы радовались своей непрерывно прибавляющейся мудрости, вовсе не задумываясь о том, на что она может пригодиться.

Солнце садится. Прозрачные облачка — стаи летучих мышей — клубятся над выходами из подземки, и рассеиваются, как дым, со щебетом и пискom. Меня, как всегда, пробирает дрожь.

Я даже не могу назвать их попискивание звуком. Это скорее какая-то нездоровая тишина.

Продолжаю писать — при свете тряпчного фитиля, горящего в миске с животным жиром.

У меня тысяча подсвечников, а вот свечей нет. Мелоди с Исидором играют в триктрак — доску я им нарисовал прямо на полу вестибюля.

Они то и дело пытаются обжулить друг друга и хотят.

Они собираются устроить прием на мой сто первый день рождения, до которого остался месяц.

Иногда я подслушиваю их разговоры. Привычка — вторая натура. Вера Белка-5 Цаппа для этого случая

шьет новые костюмы — и для себя, и для своих рабов. У нее громадные кипы отрезков в кладовых, в Черепашковом Заливе. Рабы будут одеты в розовые шаровары и золотые туфли, и в зеленые тюрбаны с плюмажами из страусовых перьев — я слышал, как Мелоди про это рассказывала.

Дошло до меня, что Веру принесут на праздник в паланкине и ее будут окружать рабы с дарами и едой и факелами; а бродячих собак они будут отпугивать, звоня в обеденные гонги.

Хэй-хо.

Надо мне быть поосторожнее, как бы не перепить на собственном дне рождения. Если переберу, могу проболтаться всем о том, чего им знать не следует: то существование, которое ждет нас после смерти, куда хуже теперешнего.

Хэй-хо.

ГЛАВА 15

Разумеется, нам с Элизой не дали вернуться к утешительному идиотизму. При малейшей попытке нам влетало по первое число. Кстати, наши слуги и родители обнаружили один побочный продукт нашего превращения, который их прямо осчастливил. Они вдруг

получили полное моральное право нас ругательно ругать.

Да, худо нам приходилось по временам!

Между прочим, доктора Мотта выгнали, а на смену ему явились целые полчища экспертов.

Поначалу нам это даже понравилось. Первые приезжие медики были специалисты — по сердечным болезням, по легочным, по почечным и так далее. Пока они нас изучали — орган за органом, брали на анализ все жидкости в наших организмах, мы были образчиками здоровья.

Они очень старались. Они в известном смысле были наемными служащими нашей семьи. Это были ученые-исследователи, чью работу финансировал нью-йоркский Фонд Свейна. Потому-то их было так легко собрать и загнать в Гален. Наша семья им помогла. Теперь настала их очередь помочь нашей семье.

Они то и дело над нами подтрунивали. Один из них, помнится, сказал мне, что, наверно, очень здорово быть таким долговязым.

— Как там погодка у вас наверху? — говорил он, и так далее.

В этих насмешках было что-то утешительное. У нас создавалось — без всяких на то оснований — представление, что наше уродство — пустяки, дело житейское. Я до сих пор помню, как специалист по ухо-горло-носу,

заглянув при ярком свете в носовую полость Элизы, сказал:

— Бог ты мой! Сестра! — позвал он. — Звоните в Национальное Географическое общество! Мы тут открыли вход в Мамонтову пещеру!

Элиза расхохоталась. Сестра расхохоталась. Я расхохотался. Все мы хохотали до упаду.

Наши родители были в другом крыле дворца. Они старались держаться подальше от нашего веселья.

Но уже в самом начале мы успели узнать горечь разлуки. Для некоторых испытаний требовалось развести нас по разным комнатам, даже не смежным. И по мере того, как расстояние между мной и Элизой увеличивалось, я чувствовал, что голова у меня превращается в деревянную болванку.

Я становился тупым, неуверенным в себе.

Когда мы с Элизой снова увиделись, она сказала, что с ней творилось примерно то же самое.

— Мне казалось, что в мой череп налили патоки, доверху, — сказала она.

Мы мужественно старались смеяться, скрывая страх, над теми тупоумными детьми, в которых мы превращались, как только нас разлучали. Мы делали вид, что у нас с ними нет ничего общего, мы им даже имена придумали. Мы звали их «Бетти и Бобби Браун».

* * *

Вполне могу и сейчас, не откладывая, сказать, что когда мы прочли завещание Элизы — после ее смерти под оползнем, — то узнали, что она хотела быть похороненной там, где смерть ее застанет. На могилу она просила поставить простой камень, с единственной, исчерпывающей надписью:

Так вот, последний специалист, который нас осматривал, — доктор психологии Корделия Свейн Корднер — объявила, что меня и Элизу необходимо разлучить навсегда, а это значило, что мы были обречены навеки превратиться в Бетти и Бобби Браун.

ГЛАВА 16

Федор Михайлович Достоевский, русский писатель, как-то сказал, что единственное священное впечатление детства — лучше всякого воспитания. Могу

предложить еще один метод скоростного воспитания дитяти — в своем роде это впечатление почти такое же священное и спасительное: надо столкнуться с человеческой особью, которая пользуется в мире взрослых глубочайшим уважением, и обнаружить, что этот человек — маньяк, злобный садист. Это нам с Элизой и пришлось пережить, встретив доктора Корделию Свейн Кординер, которую все считали величайшим авторитетом по психологическому тестированию во всем мире — за исключением Китая. Никто давным-давно не знал, что там творится, в Китае.

У меня здесь, в вестибюле Эмпайр Стейт Билдинг, есть Британская Энциклопедия, вот откуда я знаю второе имя Достоевского, то есть его отчество.

В присутствии взрослых доктор Корделия Свейн Кординер всегда была очень любезна и авторитетна. Все время, пока она была в замке, она одевалась как картинка — туфли на высоких каблуках, модные платья, украшения.

Мы слышали, как она говорила нашим родителям:

— Если у женщины три докторских степени и она возглавляет корпорацию по тестированию, приносящую три миллиона долларов в год, это еще не значит, что она не может быть женственной.

Но когда она добиралась до нас с Элизой без свидетелей, от нее разило паранойей.

— Вы бросьте ваши штучки, сопливые миллионерские отродья, со мной эти фокусы не пройдут! — вот что она говорила.

Ни я, ни Элиза ни разу не сделали *ничего плохого*.

Богатство и могущество нашей семьи приводило ее в такую ярость, что она себя не помнила, и, по-моему, даже не замечала, какие мы долговязые, какие уродливые. Мы для нее были парочкой типичных детишек богачей, до безобразия избалованных.

— Я-то не в рубашке родилась, не то что некоторые, — повторяла она нам много раз. — Сколько было дней, когда мы даже не знали, где достать еды, — говорила она. — Представляете себе, каково нам было?

— Нет, — говорила Элиза.

— Где уж вам, — говорила доктор Кординер.

И прочее в таком роде.

Принимая во внимание ее паранойю, нам очень не повезло: ее второе имя совпадало с нашей фамилией.

— Нет, я вам не любящая тетушка Корделия, — говорила она. — Можете не ломать ваши куриные аристократические мозги. Мой дедушка, когда приехал из Польши, поменял фамилию и стал из Станковица Свейном. — Глаза у нее неистово сверкали. — А ну, скажите: «Станковиц»!

Мы сказали.

— А теперь скажите: «Свейн», — потребовала она.
Мы и это сказали.

В конце концов кто-то из нас спросил ее, чего это она так злится.

Она сразу стала совершенно невозмутимой.

— Я и не думаю злиться, — сказала она. — Было бы весьма непрофессионально с моей стороны обижаться на что бы то ни было. Однако позволю себе заметить, что приглашать такую знаменитость, как я, к черту на рога, чтобы лично тестировать всего двух детей, это все равно что заставлять Моцарта настраивать рояль. Это все равно что просить Альберта Эйнштейна подсчитать месячные расходы. Вы понимаете, о чем я говорю, «Мисс Элиза и Мастер Уилбур» — так, кажется, вас тут называют?

— Тогда почему вы приехали? — спросил я.

Ее ярость снова вырвалась наружу. Она отчеканила так ядовито и злорадно, что дальше некуда:

— А потому, что деньгам не перечат, маленький лорд Фаунтлерой.

Мы окончательно сдрейфили, когда узнали, что она собирается подвергать нас испытанию поодиночке. Мы простодушно заявили, что будем гораздо лучше отвечать, если нам дадут подумать вместе.

Она посмотрела на нас свысока.

— Как же, как же, Мастер и Мисс, — издевательски сказала она. — А не подать ли вам еще и энциклопедию, а? Может, вам еще не хватает целого факультета из Гарварда, они бы вам подсказывали ответы в случае чего?

— Это было бы *здорово*, — сказали мы.

— Так вот, если вам никто об этом не говорил, — сказала она, — мы живем в Соединенных Штатах Америки, и здесь никто не имеет права рассчитывать на чужую помощь — здесь каждый обязан научиться отвечать сам за себя.

— Я сюда приехала, чтобы вас тестировать, — сказала она. — Но сначала я хочу вас научить основному правилу жизни, и вы еще будете мне благодарны за это.

А правило было вот какое:

— Сел в лодку — греби сам! — Так она сказала. — Можете повторить и запомнить на всю жизнь?

Я не только повторил эти слова, но помню их до сих пор:

«Сел в лодку — греби сам!»

Хэй-хо.

Так и пришлось нам самим грести, каждому — в своей лодке. Нас экзаменовали, каждого отдельно, за столом из нержавеющей стали в выложенной кафелем столовой. Когда одного из нас вызывала «Тетуш-

ка Корделия», как мы называли ее между собой, другого уводили как можно дальше — в залу на верху северной башни.

Уизерс Уизерспун обычно стерег того из нас, кто сидел в башне. Ему поручили это дело, потому что он когда-то служил в солдатах. Мы слышали, как «Тетушка Корделия» его инструктировала. Она сказала, чтобы он примечал, не сообщаемся ли мы телепатически.

Западные ученые, взяв на вооружение гипотезы китайцев, наконец признали, что некоторые люди могут передавать друг другу мысли без всяких видимых или звуковых сигналов. Приемники и передатчики этих таинственных сигналов находились на слизистой оболочке носовых и лобных полостей, при условии, что там все было чисто.

А главная подсказка, которую китайцы дали Западу, заключалась в загадочной фразе, на расшифровку которой ушли годы:

«О, как мне одиноко, когда от простуды или от аллергии нос заложило!»

Хэй-хо.

Увы, никакой телепатии мы с Элизой не могли использовать на расстоянии больше трех метров. Когда одного из нас держали в столовой, а другого — на верху башни, наши тела могли бы с тем же успехом пребывать на разных планетах. Сейчас мы именно в таком положении.

Разумеется, я-то мог сдавать письменные экзамены, а вот Элиза — не могла. Когда «Тетушка Корделия» ее экзаменовала, она все вопросы читала Элизе вслух, а потом ей приходилось самой записывать ответы.

Нам казалось, что мы ни на один вопрос не сумели ответить. Но, как видно, кое-какие ответы попали в точку, потому что доктор Кординер сообщала нашим родителям, что интеллект у нас «почти нормальный для нашего возраста».

Затем она сказала, не подозревая, что мы с Элизой подслушиваем, что Элиза, по-видимому, никогда не научится читать и писать, а значит, никогда не сможет участвовать в выборах и не получит водительских прав. Она отчасти постаралась смягчить приговор, добавив, что Элиза «очень забавная болтушка».

А я, по ее словам, «хороший мальчик, серьезный мальчик — но его легко отвлекает легкомысленная сестра. Он читает и пишет, зато значение слов и фраз до него доходит с трудом. Если его разделить с сестрой, то вполне возможно, что он сможет стать работником на заправочной станции или сторожем в деревенской школе. В сельской местности у него неплохие шансы прожить счастливую и полезную жизнь».

А тем временем Китайская Народная Республика втайне создавала буквально миллионы и миллионы

гениев — обучая пары или небольшие группы конгенных, способных к телепатии специалистов мыслить как единый мозг, все вместе. И такие мозаичные умы могли сравняться, скажем, с сэром Исааком Ньютоном или Вильямом Шекспиром.

О да, задолго до того, как я стал Президентом Соединенных Штатов Америки, китайцы научились комбинировать эти синтетические мыслительные агрегаты в интеллекты такой сокрушительной силы, что сама Вселенная, казалось, говорила им:

— Жду ваших приказаний. Вы можете стать такими, как вам угодно. Я могу стать такой, как вам угодно.

Хэй-хо.

Я узнал про эти китайские достижения много лет спустя после смерти Элизы, и сам я к тому времени давно потерял всякий авторитет как Президент Соединенных Штатов. Так что эти знания мне были уже совершенно ни к чему.

Одно только меня позабавило: мне сказали, что убогая западная цивилизация вдохновила китайцев на создание синтетических гениев. Китайцы взяли пример с американских и европейских ученых, которые во время Второй мировой войны стали сотрудничать, единодушно стремясь к созданию атомной бомбы.

Хэй-хо.

ГЛАВА 17

Наши несчастные родители поначалу поверили, что мы — идиоты. Они постарались с этим смириться. Потом они уверовали в то, что мы — гении. Попытались смириться и с этим. И вот им сказали, что мы нормальные, недалекие существа, и они старались подладиться и к этому.

Мы с Элизой, подглядывая в щелки, подслушали их жалостные, беспомощные попытки выпутаться, позвать на помощь. Они спросили доктора Корделию Свейн Кординер, как же можно увязать нашу тупость с тем, что мы можем вести такие ученые беседы практически обо всем, да еще на многих языках.

Доктору Кординер как раз не терпелось просветить их именно в этом отношении.

— В мире полно людей, которые ловко притворяются более умными, чем они есть, — сказала она. — Они втирают нам очки при помощи нахватанных знаний, иностранных слов, цитат и прочего, а на самом деле они ничего не знают о жизни, и вообще всем их знаниям грош цена. Моя задача — *разоблачать* таких субъектов, ради пользы общества и их собственной пользы.

— Ваша Элиза — наглядный пример, — продолжала она. — Она мне тут лекции читала по экономике, и по астрономии, и по музыке, обо всем на свете, а меж-

ду тем она ни читать, ни писать не умеет и никогда в жизни не научится.

Она сказала, что положение у нас не такое уж отчаянное — ведь нам не придется добиваться хорошего места.

— Честолюбие у них практически отсутствует, — сказала она, — так что жизнь не разобьет их честолюбивые замыслы. Единственное, чего они хотят, — это жить, как жили раньше, без перемен — что, разумеется, совершенно недопустимо.

Отец печально кивнул.

— Значит, мальчик все же умнее сестры?

— Его единственное преимущество — то, что он умеет читать и писать. Он далеко отстает от нее по умению держаться в обществе. Когда ее нет поблизости, он нем как могила.

— Я предлагаю послать его в какую-нибудь специальную школу, где с него не будут требовать особых успехов ни в учебе, ни в общении с людьми, и пусть он там учится грести на своей лодке.

— Что делать? — спросил отец.

Доктор Кординер ему растолковала:

— Грести каждому на своей лодке, — повторила она.

Надо бы нам с Элизой в эту минуту разбить ногами перегородку и ввалиться в библиотеку в вихре штука-турки и дранки.

Но у нас хватило ума сообразить, что возможность подслушивать, когда понадобится, — одно из наших немногих преимуществ. Поэтому мы прокрались обратно в свои спальни, и уже оттуда вырвались в коридор, скатились по парадной лестнице, промчались по гостиной и ворвались в библиотеку в состоянии, нам совершенно до того несвойственном. Мы рыдали в голос.

Мы им крикнули, что, если они попробуют нас разлучить, мы покончим с собой.

Доктор Кординер расхохоталась. Она сказала нашим родителям, что в ее тестах были специально заложены вопросы для выявления суицидальных тенденций.

— Я вам даю полную гарантию, — сказала она, — что ни один из этой парочки и не подумает кончать с собой.

Но она сказала это слишком весело, и это оказалось ее тактическим просчетом, потому что наша мама вдруг преобразилась. Что-то у нее внутри лопнуло. В комнате мгновенно запахло порохом, когда наша мама перестала быть безвольной, любезной и легковерной куколкой.

Она сначала даже ничего не сказала. Но она на глазах теряла все человеческое, в переносном смысле. Она собралась в комок и припала к земле, как пантера, готовая сию секунду перегрызть глотку хоть дюжине экс-

пертов по детскому воспитанию, защищая своих детей нышей.

Это был первый и единственный раз, когда она, не рассуждая, инстинктивно вела себя как мать.

Мы с Элизой почуяли этот дух джунглей, насколько я понимаю, телепатически. Во всяком случае, я помню, как нежная оболочка, выстилавшая мои носовые и лобные полости, затрепетала от ощущения защиты и поддержки.

Мы разом перестали плакать — тем более что это у нас плоховато получалось. Да, и мы потребовали без обиняков, чтобы нас немедленно экзаменовали — этот тест на уровень интеллекта можно было провести хоть сейчас. И чтобы мы на этот раз отвечали *вместе*.

— Мы хотим, чтобы вы поняли, что мы вместе так здорово соображаем, и чтобы никому больше не пришлось в голову нас когда-либо разлучать.

Мы высказались с осторожностью. Я им объяснил, кто такие «Бетти и Бобби Браун». Я признал, что они недоумки. Я сказал, что раньше мы понятия не имели о том, что такое ненависть, и нам даже было трудно сообразить, что это за род человеческой деятельности, хотя мы про это читали в книжках.

— Но теперь мы понемногу начинаем понимать, что такое ненависть, — сказала Элиза. — Наша ненависть, однако, очень ограничена, мы ненавидим только двух людей во всей Вселенной: Бетти и Бобби Браун.

* * *

Доктор Кординер, как оказалось, была к тому же еще и трусиха. И, как все трусы, она решила продолжать грубый натиск в самое неподходящее время. Она стала издеваться над нашими требованиями.

— Вы что, не понимаете, в каком мире живете? — сказала она, и прочее в таком роде.

Тогда мама встала и подошла к ней, но не коснулась ее, и в глаза ей тоже не глядела. Мама говорила куда-то, чуть повыше ее ключиц, голосом, напоминавшим мурлыканье или рычание. Она назвала доктора Кординер «расфуфыренной пташкиной какашкой».

ГЛАВА 18

И нас с Элизой подвергли повторному тестированию — на этот раз в *паре*. Мы сидели бок о бок за столом из нержавеющей стали в кафельной столовой.

Как же мы были счастливы!

Доктор Кординер, потеряв лицо, задавала вопросы, как робот, а наши родители наблюдали. Но она позаботилась, чтобы все вопросы были новые, незнакомые.

Прежде чем приступить к делу, Элиза сказала матери и отцу:

— Мы вам обещаем правильно ответить на все вопросы.

И мы сдержали обещание.

Что это были за вопросы? Да вот я как раз вчера, роясь в развалинах школы на Сорок шестой улице, наткнулся на весь набор вопросов по интеллектуальному тестированию. Мне повезло — они были в полном порядке, готовы к работе.

Цитирую:

«Некто купил 100 акций по пять долларов за штуку. Если каждая акция поднялась в цене на 10 центов за первый месяц, упала на восемь центов за второй месяц, и опять поднялась на три цента за третий месяц, то сколько стоили все ценные бумаги этого человека в конце третьего месяца?»

Попробуйте решить еще задачу:

«Сколько цифр находится слева от запятой в квадратной корне из 692038,42753?»

А вот еще:

«Какого цвета будет желтый тюльпан, если на него посмотреть через синее стекло?»

А вот еще:

«Почему нам кажется, что Малая Медведица оборачивается вокруг Полярной звезды раз в сутки?»

И еще:

«Астрономия относится к геологии, как альпинист к кому?»

И так далее.

Хэй-хо.

Мы с честью выдержали испытание, как и обещала Элиза.

Только вот беда: мы оба, в полной невинности, чтобы лучше сверить и проверить наши ответы, ныряли под стол и там, закинув ноги друг другу на плечи, сопли и фыркали, тыкаясь носом друг другу между ног.

Когда мы снова забрались на стулья, доктор Корделия Свейн Кординер лежала в обмороке, а наших родителей и след простыл.

В десять утра на следующий день меня посадили в машину и отвезли на мыс Код в школу для детей с тяжелой умственной отсталостью.

ГЛАВА 19

Солнце снова уходит за горизонт. Там, ближе к центру, где-то между Тридцать третьей улицей и Пятой авеню, где стоит брошенный танк, из которого выросло дерево — прямо из башенного люка, — меня окликает птица. Она вновь и вновь задает один и тот же вопрос, пронзительно и внятно.

— Сироту выпорол? — спрашивает птица.

Я эту птицу никогда не называю простонародным именем, и Мелоди с Исидором, которые во всем мне подражают, — тоже. Например, они редко называют Манхэттен «Манхэттен» или «Остров Смерти», как это принято на материке. Они называют его так же, как и я: «Национальный Парк небоскребов», не понимая скрытой иронии, или, столь же серьезно, зовут его «Ангкор Ват».

А птицу, которая спрашивает на закате, кто кого выпорол, они называют так же, как мы с Элизой в детстве. Это имя было научное, мы его в словаре вычитали.

Мы трепетали перед этим названием, потому что оно нам внушало сверхъестественный ужас. Эта птица превратилась в кошмарное страшилище с картин Иеронима Босха, стоило нам только произнести ее имя. Заслышав ее голос, мы хором произносили это имя.

— Это кричит *Ночной Козодой*, — говорили мы.

И вот теперь я слышу, как Мелоди с Исидором тоже повторяют это имя, хотя мне отсюда не видать, где они устроились в большом вестибюле.

— Ночной Козодой кричит, — говорят они.

Мы с Элизой слушали крик этой птицы вечером, накануне моего отъезда на мыс Код.

Мы сбежали из дворца в недостижимую для мира сыроватую гробницу профессора Илайхью Рузвельта Свейна.

— Сироту выпорол? — донесся до нас вопрос откуда-то из яблоневого сада.

Что мы могли сказать в ответ? Тут даже и сближать головы не имело смысла.

Я слышал, что приговоренные к смерти узники часто думают о себе, как будто они уже умерли — задолго до смерти. Должно быть, так чувствовал себя и наш общий гений, зная, что вот-вот топор палача безжалостно разрубит его на два ничем не примечательных куска мяса — на Бетти и Бобби Браун.

Как бы то ни было, мы не сидели сложа руки — умирающие не могут ничего не делать. Мы захватили с собой наши лучшие сочинения. Мы скатали их в трубочку и спрятали в бронзовой похоронной урне.

Урна предназначалась для праха жены профессора Свейна, а она предпочла, чтобы ее похоронили здесь, в Нью-Йорке. Урна уже покрылась патиной.

Хэй-хо.

Что было написано в наших рукописях?

Решение задачи квадратуры круга, насколько мне помнится, и утопический проект создания искусственных больших семей путем присвоения каждому нового второго имени. Все люди с одинаковым вторым именем должны были считаться родственниками.

Да, там была и наша критическая статья о дарвиновской теории эволюции, и эссе о природе тяжести, в которой мы утверждали, что в древние времена сила тяжести безусловно была непостоянной.

Помнится, была там и статья о том, что зубы надлежит мыть горячей водой, точно так же, как посуду, кастрюли и сковородки.

И все в таком роде.

Спрятать наши рукописи в урне придумала Элиза. И вот Элиза закрыла урну крышкой.

Мы были поодаль друг от друга, когда она это делала, и то, что она сказала, принадлежало ей всецело:

— Прощайся навеки со своим умом, Бобби Браун.

— Прощай, — сказал я.

— Элиза, — сказал я, — я прочел тебе такое множество книг, в которых говорилось, что любовь важнее всего на свете. Может, я должен теперь сказать тебе, что я тебя люблю?

— Валяй, — сказала она.

— Я люблю тебя, Элиза, — сказал я.

Она задумалась.

— Нет, — сказала она наконец. — Мне не нравится.

— Почему? — спросил я.

— Такое чувство, словно ты приставил пистолет к моей голове, — сказала она. — Это просто способ зас-

тавить другого человека сказать то, что ему, может быть, вовсе не хочется. Ну, что мне еще остается сказать — что может *вообще* сказать человек, кроме слов: «И я тебя тоже люблю»?

— Значит, ты меня не любишь?

— А за что любить Бобби Брауна? — сказала она.

Где-то вдали, там, под яблоневыми кронами, Ночной Козодой снова прожурчал нам свой вопрос.

ГЛАВА 20

На следующее утро Элиза не спустилась к завтраку. Она сидела у себя в комнате, пока меня не увезли.

Родители поехали со мной в лимузине марки «мерседес» с шофером. Я был многообещающим ребенком. Я умел читать и писать.

Но по мере того, как мы катили по красивейшим местам, в моем мозгу включался механизм забвения.

Это был тот самый защитный механизм, который, как я считаю, вступает в действие у каждого ребенка, охраняя его от непереносимого горя. Это мое мнение как педиатра.

Где-то там, позади, осталась, кажется, моя сестра-близняшка, глупенькая какая-то, до меня ей далеко. Я помнил ее имя. Ее звали Элиза Меллон Свейн.

* * *

Да, школа была устроена так, что никто из нас никогда не бывал дома. Я уезжал в Англию, во Францию, в Германию, Италию и Грецию. Я отдыхал в летних лагерях.

Было точно установлено, что я звезд с неба не хватаю и совершенно не способен оригинально мыслить, но все же интеллект у меня выше среднего. Я был усидчив, аккуратен и умел отыскать стоящие мысли в ворохе ерунды.

Я был первым ребенком в истории, который получил по всем предметам высший балл. Я так хорошо успевал, что мне предложили поступить в Гарвардский университет. Я принял приглашение, хотя голос у меня даже не начал ломаться.

Случалось, что родители, которые очень мною гордились, напоминали мне, что где-то у меня есть сестра-близняшка и она ведет почти растительный образ жизни. Она была помещена в клинику для умственно отсталых детей.

Для меня это был пустой звук.

Отец погиб в автомобильной катастрофе, когда я учился на первом курсе медицинского факультета. Он был обо мне такого высокого мнения, что назначил меня в завещании своим душеприказчиком.

Ко мне в Бостон вскоре после его смерти приехал толстяк с бегающими глазками, по имени Норман Му-

шари-младший. Он поведал мне историю, которая показалась мне неуместной и не имеющей ко мне никакого отношения, — про женщину, которую упекли против ее воли в учреждение для слабоумных на многие годы.

По его словам, она наняла его, чтобы вчинить иск ее родственникам и этому учреждению за причиненный ущерб, чтобы добиться ее немедленного освобождения и вернуть ей незаконно присвоенное наследство.

У нее было имя — звали ее, само собой, Элиза Меллон Свейн.

ГЛАВА 21

Позже мать говорила про ту клинику, где мы бросили Элизу, как в чистилище:

— Это была не какая-то там дешевая психушка. Она нам обошлась по двести долларов в день. И доктора заклинали нас, чтобы мы ее не навещали, помнишь, Уилбур?

— Кажется... — сказал я. А потом сказал правду: — Я не помню. Я в те времена был не просто глупым Бобби Брауном — я был еще самодовольным дураком. И хотя я был всего-навсего медиком-первокурсником с первичными половыми признаками недоношенного хомячка, я владел громадным особняком на

Бикон-Хилл. Меня возили в университет и обратно на «ягуаре», и я уже тогда стал одеваться как будущий Президент Соединенных Штатов — или как медик-шарлатан во времена Честера Алана Артура*.

Там почти каждый вечер собирались гости. Я обычно выходил к ним всего на несколько минут — покуривая гашиш в пеньковой трубке, облаченный в атласный халат изумрудного цвета.

Во время одной из таких вечеринок ко мне подошла красотка, и вот что она сказала:

— Ты такой уродина, что я в жизни не видала более сексапильного мужчину.

— Знаю, — сказал я. — Знаю, знаю.

Мать часто навещала меня в Бикон-Хилл, где для нее были пристроены личные апартаменты, и я тоже часто заглядывал к ней, в Черепаший Залив. Да и репортеры стали донимать нас расспросами, после того как Норман Мушари-младший вызволил Элизу из клиники.

Это была сенсация.

Если мультимиллионеры плохо обращались со своими родственниками, из этого всегда делали сенсационный материал.

Хэй-хо.

* Артур, Честер Алан (1830—1886) — Президент Соединенных Штатов с 1881 по 1885 г.

* * *

Нам это очень портило жизнь, как и положено.

Мы еще не виделись с Элизой, да и по телефону с ней связаться не удавалось. А она тем временем говорила про нас совершенно справедливые, но обидные вещи, которые печатали в прессе чуть ли не каждый день.

Нам было нечего показать репортерам, кроме нашей телеграммы, которую мы послали Элизе через ее адвоката, и ответа Элизы.

В нашей телеграмме были такие слова:

МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ. ТВОЯ МАМА И ТВОЙ БРАТ.

А вот телеграмма Элизы:

Я ВАС ТОЖЕ ЛЮБЛЮ. ЭЛИЗА

Элиза не разрешала себя фотографировать. Она поручила своему адвокату купить закрытую будочку для священника, который принимает исповедь, и он ее приобрел — после сноса какой-то церкви. Она там сидела, когда давала интервью телевидению.

А мы с мамой смотрели эти интервью по телевизору, мучались, держась за руки.

Низкое контральто Элизы стало совсем незнакомым, и мы даже боялись, что в будке засела какая-то самозванка, но это все же была сама Элиза.

Помню, как репортер с телевидения спросил ее:

— А как вы проводили время в клинике, мисс Свейн?

— Пела, — отвечала она.

— Что-то определенное пели? — спросил он.

— Одну и ту же песню, целый день, — сказала она.

— Что же это была за песня?

— «В один прекрасный день мой Принц придет», — ответила она ему.

— Вы ждали какого-то определенного принца — вашего будущего спасителя? — спросил он.

— Ждала своего брата-близнеца. Но он, ясно, оказался свиньей. Так и не явился.

ГЛАВА 22

Мы с матерью, разумеется, ни в чем не возражали Элизе и ее адвокату, так что она без помех завладела своим богатством. И первым делом скупила половину прав на профессиональную футбольную команду «Патриоты Новой Англии».

Эта покупка наделала еще больше шуму. Элиза по-прежнему не хотела выходить из своей будки к телерепортерам, зато Мушари объявил на весь мир, что там, внутри, она сидит в футболке их цветов — синей с золотом.

В том интервью ее спросили, держат ли ее в курсе злободневных событий, на что она отвечала:

— Разумеется, я не виню китайцев за то, что они отправились восвояси.

Она имела в виду то, что Китайская Республика закрыла свое посольство в Вашингтоне. К тому времени миниатюризация людей в Китае так далеко шагнула вперед, что их посол был ростом всего шестьдесят сантиметров. Он распрощался со всеми в теплой и дружелюбной обстановке. Он заметил, что его страна прекращает дипломатические отношения по одной простой причине: что бы ни происходило в Соединенных Штатах, для китайцев это не представляет ни малейшего интереса.

Элизу спросили, почему же она так безоговорочно поддерживает китайцев.

— Разве цивилизованная страна может интересоваться такой чертовой свалкой, как Америка, — сказала она, — где некому даже о собственной родне позаботиться?

Но вот настал день, когда Элизу и Мушари увидели на Массачусетском мосту, они шли пешком из Кембриджа в Бостон. День был теплый, солнечный. Элиза была под зонтиком от солнца. Одета она была в футболку своей футбольной команды.

Господи ты Боже мой, ну и вид был у бедняжки!

Она так сгорбилась, что ее лицо было на уровне лица Мушари — а Мушари ростом не больше Напо-

леона Бонапарта. Курила она не переставая. Кашляла так, что, казалось, надорвется.

Мушари вырядился в белый костюм. При нем была тросточка. И в петлице у него красовалась алая роза.

Мушари и его клиентку вскоре окружила дружелюбно настроенная толпа, и, конечно, там были съемочные группы кино и телевидения и газетные репортеры с фотокамерами.

Мы с мамой смотрели их по телевизору в прямом эфире, признаюсь, с ужасом — потому что процессия продвигалась все ближе к моему дому на Бикон-Хилл.

— Ой, Уилбур, Уилбур, Уилбур, — причитала мать, глядя на экран, — неужели это и вправду твоя сестра?

Я ответил горькой шуткой — без улыбки:

— Или это твоя единственная дочь, мама, или такая разновидность ящера, называемая панголин, — сказал я.

ГЛАВА 23

Мать была не готова к встрече с Элизой. Она поднялась в свои апартаменты, наверх. Мне не хотелось, чтобы прислуга присутствовала при шутовском представлении, которое задумала Элиза, — так что их я тоже отослал по комнатам.

Когда зазвонил звонок у входной двери, я сам пришел открывать. Я улыбался — панголину, камерам, толпе.

— Элиза! Дорогая моя сестра! Какая приятная неожиданность! Входите, входите! — сказал я.

Приличия ради, я сделал слабую попытку прикоснуться к ней. Она отшатнулась.

— Посмей только меня тронуть, Лорд Фаунтлерой, — я тебя укушу, подохнешь от бешенства, — сказала она.

Полиция помешала толпе ворваться в дом следом за Элизой и Мушари, а я задернул занавеси на окнах, чтобы никто не подглядывал.

Удостоверившись, что мы говорим без свидетелей, я уныло спросил:

— Чего ты хочешь?

— Тебя, красавчик, — сказала она. Она хохотала и заходилась кашлем. — Что, наша дорогая матушка или дорогой батюшка тоже здесь? — Она поправилась: — Э-э, да наш дорогой батюшка помер, кажется? Или дорогая матушка отдала концы? Вечно их путаю.

— Мама в Черепашьем Заливе, Элиза, — соврал я. В душе у меня бог знает что творилось — я едва не терял сознание от горя, отвращения, сознания своей вины. Я прикинул на глаз, что объем ее грудной клетки был не больше коробка спичек. В комнате пахло, как на

винно-водочном заводе. Ясно, что у Элизы были проблемы и с алкоголем. Кожа у нее была жуткая. Цвет лица точь-в-точь как дорожный шкаф-сундук нашей прабабки.

— Черепаший Залив, Черепаший Залив... — задумчиво повторила она. — А тебе никогда не приходило в голову, дорогой Уилбур, что наш драгоценный папочка вовсе и не был нашим отцом?

— Что ты хочешь сказать?

— Может, наша мама в прекрасную лунную ночь выскользнула из постели, удрала из дому и спарилась с гигантским морским черепахом, — сказала она.

Хэй-хо.

— Элиза, — сказал я, — если мы будем обсуждать семейные дела, может быть, мистер Мушари оставит нас наедине?

— С чего бы это? — сказала она. — Норми — вся моя семья.

— Ну, все же... — сказал я.

— А эта расфуфыренная пташкина какашка, твоя мать, уж точно мне не родня, — сказала она.

— Ну, послушай... — сказал я.

— Надеюсь, ты не считаешь себя моим родственником, а? — сказала она.

— Что я могу сказать? — ответил я.

— Вот ради этого мы и навестили тебя — хотим послушать все чудесные речи, которые ты можешь ска-

зять, — перебила Элиза. — Ты же всегда был у нас ума палата. А я — что-то вроде опухоли, которую у тебя взяли и удалили.

— Я этого не говорил, — сказал я.

— За тебя другие сказали, а ты им поверил, — сказала она. — А это еще хуже. Ты фашист, Уилбур. Натуральный фашист.

— Чепуха, — сказал я.

— Фашисты — это ничтожества, которые верят, когда их кто-то уверяет, что они — высшая раса, — сказала она.

— Ну, ну... — сказал я.

— И они норовят истребить всех остальных, — сказала она.

— Так мы не найдем выхода, — сказал я.

— А я *привыкла* сидеть взаперти, безвыходно, — сказала она. — Ты, наверно, читал про это в газетах или слышал по телевизору.

— Элиза, — сказал я, — может быть, тебе станет легче, если ты узнаешь, что мама до конца наших дней не простит себе того, что мы с тобой сделали?

— Разве от этого легче? — сказала она. — В жизни не слышала такого дурацкого вопроса.

Она обхватила длиннющей рукой плечи Нормана Мушари-младшего.

— Вот кто знает, как помогать людям, — сказала она. Я кивнул.

— Мы ему очень благодарны. Честное слово.

— Он для меня все: и отец, и мать, и брат, и Бог — все, — сказала она. — Он подарил мне жизнь! Он мне сказал: деньги тебе радости не прибавят, детка, но мы все равно из твоих родственничков душу вытрясем.

— Умм... — сказал я.

— От этого и вправду становится легче жить, не то что от твоих покаянных причитаний. Ты просто хвастаешься своей чувствительностью, выставляешься на показ.

Она издевательски засмеялась.

— Конечно, я понимаю, почему вы с матушкой так носитесь с вашей виной. В конце концов, это единственное, что вы, мартышки этикие, раздобыли себе самостоятельно.

Хэй-хо.

ГЛАВА 24

Я полагал, что Элиза уже применила все виды оружия, атакуя мое уважение к себе. Мне удалось выжить.

Не возгордившись, с чисто клиническим, циничным интересом я отметил, что характер у меня железный и от него все снаряды отскакивают сами собой, без всяких усилий с моей стороны.

Я думал, что Элиза уже излила всю свою ярость. Как я ошибался! Ее первые наскоки были рассчитаны только на то, чтобы обнажить железную суть моего характера. Она всего-навсего выслала вперед легкую кавалерию, чтобы расчистить от деревьев и кустарника подступы к моему характеру, чтобы содрать с него плющ, если можно так выразиться.

И вот теперь, при полном моем неведении, мой характер предстал перед дулами ее скрытых пушек, готовых расстрелять его в упор, — обнаженный, беззащитный, как скорлупка или стеклянная колба.

Хэй-хо.

Наступило временное затишье. Элиза расхаживала по моей гостиной, разглядывала мои книги — читать их она, разумеется, не могла. Потом она подошла ко мне, подняла голову и спросила:

— А что, на медицинский факультет Гарвардского университета попадают только те, кто умеет читать и писать?

— Я очень много работал, Элиза, — сказал я. — Мне пришлось нелегко. Да и сейчас нелегко.

— Если из Бобби Брауна получится доктор, — сказала она, — это будет самый сильный довод в пользу Христианской науки*, какой мне приходилось слышать.

* Христианская наука — религиозное течение, основанное Мэри Беккер-Эдди в 1866 г.

— Самый лучший доктор из меня не получится, — сказал я. — Но и самый плохой — тоже.

— Из тебя выйдет отличный ударник при гонге, — сказала она. Она намекала на недавно распространившиеся слухи о том, что китайцы успешно лечат рак груди с помощью музыки, исполняемой на гонгах. — У тебя вид человека, который может попасть в гонг почти без промаха.

— Спасибо, — сказал я.

— Тронь меня, — сказала она.

— Прошу прощения?..

— Я же твоя родная плоть и кровь. Я твоя сестра. Дотронься до меня, — сказала она.

— Да, конечно, — сказал я. Но руки у меня висели, как парализованные.

— Не спеши, — сказала она.

— Понимаешь, — сказал я, — раз ты меня так ненавидишь...

— Я ненавижу Бобби Брауна, — сказала она.

— Раз ты ненавидишь Бобби Брауна... — сказал я.

— И Бетти Браун, — сказала она.

— Это было давным-давно, — сказал я.

— Тронь меня, — сказала она.

— Господи, Элиза! — сказал я. Руки у меня как отсохли.

— Тогда я тебя трону, — сказала она.

— Как скажешь, — сказал я. Я был еле жив от страха.

— Сердце у тебя здоровое, а, Уилбур? — сказала она.

— Да, — сказал я.

— Если я до тебя дотронусь, обещаю, что не свалишься замертво.

— Обещаю, — сказал я.

— А может, я упаду замертво, — сказала она.

— Надеюсь, что нет, — сказал я.

— Ты думаешь, что если я держусь так, как будто знаю, что случится, — сказала она, — то я знаю на самом деле, что случится? А может, ничего не будет.

— Может быть, — сказал я.

— Никогда не видела тебя таким перепуганным, — сказала она.

— Что я, не человек? — сказал я.

— Может, скажешь Норми, что тебя так напугало? — сказала она.

— Нет, — сказал я.

Элиза, почти касаясь пальцами моей щеки, повторила грязную шутку, которую Уизерс Уизерспун рассказал другому слуге, когда мы еще были маленькие. Мы подслушали сквозь стенку. Это был анекдот про женщину, которая в постели приходила в полное неистовство. В том анекдоте женщина предупредила незнакомца, который к ней приставал: «Держись за шляпу, молодчик. Мы можем приземлиться за много миль отсюда...»

* * *

Потом она ко мне прикоснулась.

И мы слились в единого гения — как раньше.

ГЛАВА 25

На нас накатило безумие. Только по милости Божией мы не вылетели из дома в толпу, на Бикон-стрит. Таилось в нас что-то, о чем я и не догадывался, а Элиза, среди адских мучений, прекрасно знала — и это нечто стремилось к единению, готовило его много лет.

Я не мог сказать, где Элиза, где я, границ не было, и где кончались мы и начиналась Вселенная, тоже было неясно. Это было великолепно — и это было ужасно. Да, и можете себе представить, какая колоссальная энергетика была выпущена на волю: оргия продолжалась пять ночей и пять дней кряду.

Мы с Элизой отсыпались после этого трое суток. Когда я очнулся, оказалось, что я в своей постели. И меня кормят внутривенно.

А Элизу, как я узнал позже, отправили домой в частной машине «Скорой помощи».

Вы спросите, почему никто нас не разнял и не позвал на помощь: мы с Элизой схватили Нормана Му-

шари-младшего, и бедняжку маму, и всех слуг — переловили их поодиночке.

У меня это начисто вылетело из памяти.

Как мне потом рассказали, их привязали к деревянным креслам, сунули им в рот по кляпу и аккуратно рассадили вокруг обеденного стола.

Слава богу, мы их поили и кормили, а то у нас на совести было бы смертоубийство. В туалет, однако, мы их не пускали, и вся их пища состояла из арахисового масла и сэндвичей с джемом. И оргия возобновлялась снова.

Помню, как я читал Элизе вслух отрывки из книг по педиатрии, детской психологии, социологии, антропологии и так далее. Я не выбросил ни одного учебника после того, как кончал курс.

Помнится, мы судорожно обнимались, а когда не обнимались, я сидел за пишущей машинкой и строчил со сверхчеловеческой скоростью. Элиза сидела бок о бок со мной.

Хэй-хо.

Когда я вышел из коматозного состояния, Мушари и мои собственные адвокаты уже успели щедро расплатиться с прислугой за перенесенные мучения за обеденным столом; за то, чтобы они молчали о тех ужасах, которым стали свидетелями, им тоже было заплачено.

Маму выписали из Центрального массачусетского госпиталя, и она вернулась домой, в Черепаший Залив, но с постели уже не вставала.

Физически я почти не пострадал — разве что от переутомления.

Однако, когда мне позволили вставать, оказалось, что я настолько психологически травмирован, что мне чудилось, будто все кругом должно было измениться до полной неузнаваемости. Если бы сила тяжести вдруг стала в тот день непостоянной, как это и случилось много лет спустя, если бы мне пришлось ползать по дому на четвереньках, как частенько приходится теперь, я бы счел это вполне естественной реакцией Вселенной на то, что тут стряслось.

Впрочем, почти ничего не переменялось. Дом был приведен в порядок.

Книги расставили по местам. Сломанный термостат заменили. Три кресла из столовой отдали в починку. Ковер в столовой стал немного пегим — посветлее на месте выведенных пятен.

Единственное вещественное доказательство бурных событий само по себе являло образец аккуратности. Это была рукопись, лежавшая на кофейном столике в столовой, где я ее так лихорадочно печатал.

Мы с Элизой умудрились написать руководство по воспитанию детей.

* * *

Хорошее это было пособие? Да нет, честно говоря. После Библии и «Радости кулинара» оно могло стать популярной книгой всех времен.

Хэй-хо.

Оно оказалось настолько полезным, это пособие, что, когда я начал работать педиатром в Вермонте, я его опубликовал под псевдонимом — доктор Элай У. Рокфеллер, Д. М. Это было сложное общее имя — мое и Элизы.

А издатель придумал название. Вот оно: *«Угораздило-таки вас завести младенца»*.

Однако во время нашей оргии мы с Элизой дали своему труду другое название и авторов назвали по-другому. Вот так:

КРИК НОЧНОГО КОЗОДОЯ
БЕТТИ И БОББИ БРАУН

ГЛАВА 26

После оргии мы были в таком ужасе, что не хотели встречаться. Наш посредник, Норман Мушари-младший, сказал мне, что Элиза была еще больше потрясена оргией, чем я.

— Мне едва не пришлось отправить ее обратно в клинику, — сказал он. — И на этот раз для этого были веские основания.

Мачу-Пикчу, столица древних инков на большой высоте в Андах, в Перу, стала модным местом отдыха богачей с их прихлебателями, людей, спасавшихся бегством от социальных реформ и экономических экспериментов — и не только из Америки, а со всего света. Там было даже несколько китайцев нормального роста, которые отказались подвергать миниатюризации своих детей.

И Элиза тоже перебралась туда, чтобы быть как можно дальше от меня.

Когда Мушари приехал ко мне, чтобы сообщить о предстоящем переезде Элизы в Перу, — было это через неделю после оргии, — он признался, что и сам чуть не спятил, пока сидел привязанный к креслу в столовой.

— Вы оба все больше напоминали мне чудовищ Франкенштейна, — сказал он. — Я даже стал думать, что где-то в доме есть выключатель, с помощью которого вас можно вырубить. Я даже вычислил, какой это выключатель. И как только меня развязали, я бросился и выдрал его со всеми потрохами.

Оказывается, это Мушари вырвал из стены термостат.

Чтобы доказать мне, что он стал другим человеком, Мушари признался, что вызволил Элизу из чисто корыстных побуждений.

— Я был охотником за состояниями, — сказал он. — Разыскивал богатых людей в больницах, где им нечего было делать, — и освобождал. А бедняков оставлял гнить в казематах.

— Все равно, это было доброе дело, — сказал я.

— Не думаю, — сказал он. — Бог ты мой, да практически все они без исключения, все, кого я вытаскивал из психушки, сходили с ума почти сразу же после этого.

— Я внезапно почувствовал, что старею, — сказал он. — Мне этого больше не вынести.

Хэй-хо.

Мушари был так выбит из колеи той оргией, что взял да и передал все легальные и финансовые дела Элизы той же фирме, которая занималась нашими с мамой делами.

Он еще раз всплыл в моей жизни два года спустя, когда я закончил медицинский факультет — самым последним на курсе, кстати сказать. Он запатентовал собственное изобретение. Его фотография и описание

изобретения были помещены на деловой странице «Нью-Йорк Таймс».

В то время вся нация поголовно была помешана на чечетке. Мушари придумал набойки, которые можно было приклеить к подошвам ботинок, а потом снова отодрать. Любой человек мог носить набойки в маленьком пластиковом мешочке — в кармане или в сумочке, как рекомендовал Мушари, — и пользоваться ими только тогда, когда понадобится отбивать чечетку.

ГЛАВА 27

После той оргии я ни разу не видел Элизу лицом к лицу. И голос ее я слышал с тех пор только два раза: в первый раз — когда закончил медицинский факультет, а второй — когда я был Президентом Соединенных Штатов Америки, а ее давно уже не было в живых.

Хэй-хо.

Когда мама задумала дать бал в честь моего окончания университета в отеле Ритц в Бостоне, напротив Городского парка, ни она, ни я не подозревали, что Элиза может как-то об этом прослышать и явиться из такой дали — из самого Перу.

Моя сестра никогда не звонила и не писала. Известия о ней доходили такие же неопределенные, как из

Китая. Мы слышали, что она прирастилась к выпивке. И увлеклась гольфом.

Я от души веселился на банкете в мою честь, когда лифтер сказал мне, что меня вызывают наружу — не просто в вестибюль, а в ароматную, пронизанную лунным светом ночь. Об Элизе я и думать не думал.

Идя следом за лифтером, я гадал, не припаркован ли там мамин подарок, — «роллс-ройс».

Услужливость лифтера и его униформа усыпили мою бдительность. Да и шампанского я выпил много, голова шла кругом. Я доверчиво пошел за парнем через Арлингтон-стрит и дальше, в заколдованный лес, в Городской парк на той стороне улицы.

Лифтер был липовый.

Мы углублялись все дальше в заросли. И мне казалось, что на очередной полянке я увижу «роллс-ройс».

А вместо этого он привел меня к статуе. Это был доктор, одетый старомодно, — примерно так, как я наряжался для собственного удовольствия. Он был серьезен, но полон гордости. На руках он нес спящего юношу.

Я прочел надпись при лунном свете. Это оказался памятник в честь первого применения анестезии в Соединенных Штатах — здесь, в Бостоне.

* * *

До меня доносилось гуденье и постукивание — где-то в центре, возможно, в районе Коммонвелс-авеню. Но я как-то не сообразил, что это вертолет, зависший над городом.

Как вдруг фальшивый лифтер — на самом деле это был инка, слуга Элизы — выстрелил в воздух осветительной ракетой.

В этом неестественном, мертвенном свете все превращалось в статуи — безжизненные, назидательные, многотонные.

Вертолет материализовался прямо у нас над головой, преображенный ослепительным сияньем магния в аллегория, в ужасного механического ангела.

В вертолете сидела Элиза с мегафоном.

Я вполне допускал, что она подстрелит меня оттуда или вывалит на меня мешок экскрементов. А она проделала весь путь из Перу, чтобы прочесть мне половину сонета Шекспира.

— Слушай! — сказала она. И повторила: — Слушай!

Осветительная ракета угасала неподалеку, зацепившись парашютом за верхушку дерева.

Вот что Элиза поведала мне, да и всей округе:

О, как тебе хвалу я воспою,
Когда с тобой одно мы существо?
Нельзя же славить красоту свою,

Нельзя хвалить себя же самого.
Затем-то мы и существуем врозь,
Чтоб оценил я прелесть красоты
И чтоб тебе услышать довелось
Хвалу, которой стоишь только ты*.

Я сложил руки рупором и крикнул прямо в небо.

И я выкрикнул дерзновенные слова о том, что я искренне чувствовал впервые в жизни.

— Элиза! Я люблю тебя! — сказал я.

Все погрузилось в полную тьму.

— Ты слышала, Элиза? — сказал я. — *Я ЛЮБЛЮ* тебя! Я люблю тебя, честное слово!

— Слышала, — сказала она. — Это никто никогда никому говорить не должен.

— Я правду говорю, — сказал я.

— Тогда и я скажу тебе чистую правду — брат мой, двойник мой.

— Говори, я слушаю, — сказал я.

Вот что она сказала:

— Да направит Бог руку и дух доктора Уилбура Рокфеллера Свейна.

И тут вертолет улетел.

Хэй-хо.

* 39-й сонет. Перевод С. Маршака.

ГЛАВА 28

Я вернулся в отель «Ритц», смеясь и плача — двухметровый неандерталец в рубашке с кружевными манжетами и воротником, и в бирюзовом, как яйцо малиновки, бархатном пиджаке.

У подъезда толпились зеваки, заинтересованные краткой вспышкой сверхновой звезды на востоке, замороженные голосом, который вещал с неба о любви и разлуке. Я протиснулся сквозь толпу в бальную залу, предоставив частным детективам, охранявшим вход, оттеснить их назад.

До моих гостей на банкете только теперь стали доходить намеки, что снаружи произошло какое-то чудо. Я подошел к матери, собираясь рассказать ей, что учудила Элиза. Я удивился, увидев, что она разговаривает с невзрачным, пожилым незнакомцем, который был одет, как все детективы, в дешевый будничный костюм.

Мать представила его: «Доктор Мотт». Ну, конечно, это был тот самый врач, который давным-давно был приставлен к нам с Элизой, в Вермонте. Он приехал в Бостон по делам и, по прихоти судьбы, остановился в отеле «Ритц».

Однако меня так качало от новостей и шампанского, что я пропустил мимо ушей, кто он такой, — мне было не до того. Выпалив эти новости матери, я сказал доктору Мотту, что рад познакомиться, и побежал дальше.

* * *

Я подошел к матери через час, когда доктор Мотт уже ушел. Она снова сказала мне, кто он такой. Из вежливости я выразил сожаление, что не смог с ним поговорить как следует. Мама передала мне записку от доктора — сказала, что это его подарок к окончанию университета.

Записка была написана на фирменной бумаге отеля «Ритц». Записка была короткая:

«Если не можешь помочь, по крайней мере не навреди.

Гиппократ».

Да, и когда я перестроил вермонтский дворец в клинику и больницу для детей, я велел высечь эти слова на каменном карнизе, над входной дверью. Но надпись так пугала моих пациентов и их родителей, что пришлось ее сбить. Им, как видно, казалось, что в этих словах скрыто признание в неуверенности и некомпетентности, наводящее на мысль, что, может быть, им сюда вовсе и не стоило приходить.

Но эти слова продолжали храниться в моей памяти, и я на самом деле почти никому не навредил. И вся моя практика зиждилась на одном краеугольном камне — это была одна книга, которую я каждый вечер прятал в сейф, — переплетенная рукопись того самого

руководства по воспитанию детей, которое мы с Элизой сочинили во время нашей оргии на Бикон-Хилл.

Мы как-то умудрились вложить в нее *абсолютно все*.
А годы летели, летели.

Где-то в этом промежутке времени я женился на женщине, такой же богатой, как я сам, — собственно говоря, она приходилась мне троюродной сестрой, в девичестве ее звали Роза Элдрич Форд. Она была очень несчастна — во-первых, я ее не любил, а во-вторых, никуда с собой не брал. Я вообще мало кого любил. У нас был ребенок, Картер Пэйли Свейн, и его я тоже не смог полюбить. Картер был нормальный мальчик, и меня он совершенно не интересовал. Он мне чем-то напоминал перезрелую тыкву на лозе — расплывшуюся, водянистую; она становилась все больше, и только.

После нашего развода они с матерью купили себе квартиру в одном доме с Элизой, в Мачу-Пикчу, в Перу. Я о них больше ни разу не слышал — даже после того, как стал Президентом Соединенных Штатов.

А время летело.

Как-то утром я проснулся в панике — да мне вот-вот стукнет пятьдесят! Мать переехала ко мне в Вермонт. Она продала свой дом на Черепашьем Заливе. Она очень сдала и все время чего-то боялась.

* * *

Она много говорила со мной о Царствии Небесном.

Я тогда с этим вопросом был совсем не знаком. Считал, что, когда человек умирает, он мертв, и все тут.

— Я знаю, что твой отец ждет меня с распростертыми объятиями, — говорила она. — И мамочка с папочкой тоже.

И ведь она оказалась права. Поджидать вновь прибывших — это единственное, чем люди могут заняться в Царствии Небесном.

Если послушать, как мама представляла себе Небеса, то они смахивали на поле для гольфа на Гавайях, с идеально выстриженными тропками и выхоленным газоном, спускающимся к океану, теплему как парное молоко.

Я слегка подтрунивал над ней — за то, что она мечтает о таком Рае.

— Похоже, там людям придется пить лимонад баллонами, — сказал я.

— Обожаю лимонад, — отозвалась она.

ГЛАВА 29

Под конец мама часто говорила и о том, как она ненавидит искусственные вещи — синтетические ароматы и волокна, и пластмассы и все такое. Она уверяла,

что любит шелк, ситец, и льняное полотно, и шерсть, и кожу, и глину, и стекло, и камень. Она говорила, что очень любит лошадей и парусные лодки.

— Все это к нам возвращается, мама, — сказал я ей. Так оно и было.

К тому времени в моей собственной больнице было два десятка лошадей — и фургоны, и телеги, и коляски, и санки. У меня была собственная лошадь, рослая — тяжеловоз клайдесдальской породы. Копыта у нее совсем скрывались под золотистыми пушистыми щетками. Я звал ее Будвейзер*.

Да, я слышал, что гавани Нью-Йорка, и Бостона, и Сан-Франциско снова превратились в сплошной лес мачт. Давненько я их не видел.

Кстати, я обнаружил, что по мере того, как техника вымирала и связи с внешним миром становились все слабее, мой ум стал охотнее воспринимать разные фантазии, что было приятно.

Поэтому я вовсе не удивился, когда однажды вечером, уложив маму и подоткнув вокруг нее одеяло, вошел со свечой в свою комнату и увидел, что у меня на каминной доске восседает китаец размером с мой большой палец. На нем была синяя стеганая курточка, брючки и кепочка.

* Марка пива.

Насколько мне удалось выяснить впоследствии, это был первый официальный посол из Китайской Народной Республики в Соединенных Штатах Америки после перерыва более чем в двадцать пять лет.

За этот период, насколько мне известно, ни один иностранец, пробравшийся в Китай, оттуда не возвращался.

Так что о тех, кто наложил на себя руки, стали говорить: «уехал в Китай». Этот эвфемизм вошел в обиход повсеместно.

Мой крохотный гость знаком попросил меня подойти поближе: ему не хотелось кричать. Я наклонился и подставил ему ухо. Какое, должно быть, это устрашающее зрелище — туннель, поросший волосами, с комьями воска.

Он сказал мне, что является странствующим посланником, и его назначили на этот пост потому, что иностранцы могли его разглядеть. Он сказал, что он гораздо крупнее среднего китайца.

— А я думал, что вы там больше нами не интересуетесь, — сказал я.

Он улыбнулся.

— Мы тогда сказали глупость, доктор Свейн, — сказал он. — Мы приносим свои извинения.

— Вы хотите сказать, что мы знаем что-нибудь такое, чего вы не знаете? — сказал я.

— Не совсем так, — сказал он. — Я имел в виду то, что вы *раньше* знали кое-что, чего мы не знаем.

— Представить себе не могу, что бы это могло быть, — сказал я.

— Естественно, — сказал он. — Я вам подскажу: вам привет от вашей сестры-двойняшки из Матчу-Пикчу, доктор Свейн.

— Слишком тонкий намек, — сказал я.

— Я очень желаю увидеть рукописи, которые вы вместе с вашей сестрой положили много-много лет назад в пустую урну для праха, в мавзолее профессора Илайхью Рузвельта Свейна, — сказал он.

Оказалось, что китайцы отправили экспедицию в Мачу-Пикчу, на поиски утерянных секретов инков. Как и мой гость, ученые были по китайским меркам переростками.

Так вот, Элиза сделала им предложение. Она им сказала, что знает, где хранятся секреты не хуже, если не лучше, пресловутых секретов инков.

— Если мои слова оправдаются, — сказала она им, — я хочу, чтобы вы меня вознаградили туристской поездкой в вашу колонию на Марсе.

Китаец сказал, что его зовут Фу Манчу.

* * *

Я спросил его, как он очутился на моей каминной доске.

— Тем же способом, как мы летаем на Марс, — отвечал он.

ГЛАВА 30

Я согласился доставить Фу Манчу в мавзолей. Я посадил его в свой нагрудный карман.

Я чувствовал себя существом низшего порядка по сравнению с ним. Я не сомневался, что он волен в моей жизни и смерти. Кроме того, он знал настолько больше меня — даже о медицине, а может быть, и обо мне самом. Я чувствовал, что быть таким великаном — непростительная жадность. Мой сегодняшний ужин мог бы накормить досыта тысячу таких человечков, как он.

Вход в мавзолей снаружи был замурован. Так что нам с Фу Манчу пришлось использовать потайные ходы — параллельную вселенную моего детства — и пройти в мавзолей через потайную дверь.

Пока я пробирался сквозь висящую повсюду паутину, я спросил своего спутника, как это китайцы лечат рак при помощи гонгов.

— Ну, это уже давно пройденный этап, — сказал он.

— Может, мы все же могли бы им воспользоваться? — сказал я.

— Мне очень жаль, — сказал он из моего кармана, — простите, но ваша цивилизация — так называемая цивилизация — чересчур примитивна. Вы просто ничего не поймете.

— Угу, — сказал я.

И на все мои вопросы он повторял один и тот же ответ — фактически он давал мне понять, что я слишком глуп и все равно ничего не соображу.

Когда мы добрались до каменной крышки люка, который вел в мавзолей, мне не сразу удалось его открыть.

— На плечо бери, на плечо, — пищал он. — Кирпич подсунь!

Его советы были такие простенькие, что я подумал: у китайцев едва ли больше опыта в обращении с силой тяжести, чем у меня самого.

Хэй-хо.

Люк наконец открылся, и мы поднялись в мавзолей. Я, наверно, выглядел еще большим страшилой, чем обычно. Я был с головы до ног обвешан паутиной.

Я вынул Фу Манчу из кармана и, согласно его желанию, водрузил его на свинцовую крышку гроба профессора Илайхью Рузвельта Свейна.

У меня была при себе всего одна свечка. Но Фу Манчу вынул из своего портфельчика маленькую коробочку. Она залила все вокруг ослепительным светом, который напомнил мне магниевую ракету, озававшую нашу с Элизой встречу в Бостоне — в те давние времена.

Он попросил меня вынуть рукопись из урны. Она отлично сохранилась.

— Да это наверняка просто мусор, — сказал я.

— Для вас — возможно, — сказал он и попросил меня разгладить бумаги и положить их на крышку саркофага, что я и сделал.

— Неужели мы знали в детстве что-то, до чего китайцы не додумались? — сказал я.

— Вам повезло, — сказал он и начал расхаживать взад-вперед по рукописи в своих миниатюрных черных кроссовочках, временами останавливаясь, чтобы что-то переснять. Особенно его заинтересовала наша статья о силе тяжести — а может, мне это кажется сейчас, когда я знаю, во что это вылилось.

Наконец китаец кончил работу. Он поблагодарил меня за помощь и сказал, что настало время ему дематериализоваться и вернуться к себе в Китай.

— Хоть что-нибудь стоящее раскопали? — спросил я его.

Он улыбнулся.

— Билет на Марс для одной довольно рослой белой леди из Перу, — ответил он.

Хэй-хо.

ГЛАВА 31

Три недели спустя, в мой день рождения (пятидесятый), я с утра отправился верхом на Будвейзере за почтой в деревню.

Там была записка от Элизы. Очень короткая:

«Желаю нам счастливого дня рождения! Отправляюсь в Китай!»

Судя по штампу на марке, письмо было двухнедельной давности. С той же почтой пришли новости и по свежее.

«С глубоким прискорбием сообщаю, что Ваша сестра погибла под оползнем на Марсе». Подпись: «Фу Манчу».

Я прочел эти трагические вести, стоя на старом деревянном крыльце почты, в тени соседней церквушки.

На меня накатило потрясающее ощущение, которому я поначалу приписал чисто психологическое происхождение. Я думал, это первая реакция на тяжкое горе. Мне казалось, что я врос в доски крыльца. Я не мог оторвать от них ноги. Мало того — мои щеки, губы,

да и все мое лицо, казалось, сползает вниз, как тающий воск.

На самом-то деле это была возросшая до невероятности сила тяжести.

В церкви что-то грохнуло. Это колокол сорвался с колокольни.

Тут и я проломил насквозь ветхие доски и шлепнулся на землю под крыльцом.

И в других местах по всему миру лопались тросы лифтов, падали с неба самолеты, тонули пароходы, оси автомобилей ломались, мосты рушились в воду и так далее.

Ужас что творилось.

ГЛАВА 32

Первый чудовищный удар силы тяжести продолжался меньше минуты, но мир никогда не смог от него оправиться.

Я выбрался, оглушенный, из-под крыльца почты, когда все пришло в норму. Собрал свои письма.

Будвейзер погибла. Она упорно старалась устоять на ногах. У нее вывалились все внутренности.

Со мной, как видно, приключилось что-то вроде контузии. Из деревни доносились крики, люди звали

на помощь, а я был единственным врачом в округе. Но я взял и ушел.

Я помню, как бродил среди наших фамильных яблонь.

Помню, как остановился на фамильном кладбище и с полной серьезностью распечатал конверт от Компании Элай Лилли, фармацевтической фирмы. Там была дюжина таблеток, на пробу — по форме и цвету они не отличались от мятных драже.

Сопроводительный буклет, который я внимательно изучил, сообщал, что препарат называется «три-бензо-Хорошимил». В названии фирма стремилась подчеркнуть, что пилюли обеспечивают хорошее поведение, или, более научно, социально приемлемое поведение.

Эти пилюли предназначались для лечения антисоциальных симптомов болезни Туретта; люди, страдающие этой болезнью, непроизвольно выкрикивают неприличные слова и делают непристойные жесты, где бы они ни находились.

Я был в таком расстройстве, что мне захотелось немедленно принять пару пилюль. Так я и сделал.

Прошло две минуты, и вдруг все мое существо охватило блаженство, уверенность в себе — я в жизни такого не испытывал.

Так началась моя наркомания, длившаяся почти тридцать лет.

Хэй-хо.

* * *

Только чудом в моей больнице никто не умер. Кровати и инвалидные кресла у нескольких более тяжелых детишек сломались.

Одна из сестер провалилась в люк, который раньше был скрыт под кроватью Элизы. Она сломала обе ноги.

Мама, слава богу, все это проспала.

Когда она проснулась, я стоял в ногах ее кровати. Она еще раз сказала мне, как она ненавидит все искусственное.

— Знаю, мама, — сказал я. — Я с тобой совершенно согласен. Назад к Природе, — сказал я.

Я до сего дня так и не знаю, был ли этот чудовищный скачок силы тяжести явлением Природы или это натворили китайцы.

Тогда мне показалось, что была какая-то связь между этим феноменом и Фу Манчу, который переснимал нашу с Элизой статью о силе тяжести.

Так что я, накачанный до чертиков три-бензо-Хорошимилом, забрал из мавзолея все наши рукописи.

Статью про силу тяжести я так и не понял. Вместе с Элизой мы были, пожалуй, в десять тысяч раз умнее, чем поодиночке.

Однако наша утопическая идея перестройки Америки на основе тысяч искусственно расширенных се-

мей до меня дошла. Кстати, Фу Манчу нашел ее сме-хотворной.

— Типичные детские фантазии, — заметил он.

Я зачитался этой статьей. Там говорилось, что для Америки искусственно расширенные семьи — дело обычное. Все врачи чувствовали себя родственниками других врачей, адвокаты — адвокатов, писатели — писателей, спортсмены спортсменов, политики — политиков и так далее.

Мы с Элизой отметили, что встречаются, однако, и плохие расширенные семьи. Они отбраковывали детей, стариков, домашних хозяек, вообще всех неудачников и бедолаг. Заметьте: интересы их были настолько специализированы, что они казались постороннему наблюдателю почти сумасшедшими.

«Идеальная расширенная семья, — написали мы с Элизой в те давние времена, — должна включать в себя пропорциональное представительство от самых разных американцев, в зависимости от их численности. Создание десяти тысяч таких семей, к примеру, обогатит Америку десятью тысячами своего рода парламентов, которые будут искренне и со знанием дела обсуждать то, о чем в наше время с пеной у рта разглагольствует горстка лицемеров, а именно: благосостояние всего человечества».

* * *

Я читал, пока меня не прервала наша старшая сестра. Она сообщила мне, что наши перепуганные маленькие пациенты наконец все заснули.

Я поблагодарил ее за хорошие вести. А потом услышал, как говорю ей обычным, будничным голосом:

— Кстати, напишите-ка в Компанию Элай Лилли, в Индианаполисе, чтобы прислала две тысячи упаковок этого их нового лекарства — оно называется «три-бензо-Хорошимил».

Хэй-хо.

ГЛАВА 33

Моя мать умерла через две недели.

Сила тяжести нас не беспокоила целых двадцать лет.

И время летело. Мне оно теперь казалось смутным пятном, как птица, машущая крыльями в тумане—у меня все перед глазами туманилось от возраставших доз три-бензо-Хорошимила.

Где-то в этом тумане я закрыл свою больницу, окончательно расстался с медициной и был избран сенатором Соединенных Штатов от штата Вермонт.

И время летело.

В один прекрасный день оказалось, что я выставил свою кандидатуру в Президенты. Мой слуга приколот нагрудный значок моей партии к лацкану моего фрака. На нем был лозунг, который помог мне выиграть кампанию:

За время предвыборной кампании я был здесь, в Нью-Йорке, всего один раз. Я говорил речь со ступенек Публичной библиотеки на углу Сорок второй и Пятой авеню. В те времена этот остров был еще мирным приморским курортом. Он так и не оправился от того, первого толчка силы тяжести, у него полетели все лифты, все туннели залило водой, все мосты покорежило, кроме Бруклинского.

Тут сила тяжести опять стала пакостничать. Это были уже не короткие толчки. Если этим и вправду занимались китайцы, то они научились увеличивать и уменьшать ее постепенно — может, хотели уменьшить разрушения и порчу недвижимости. Теперь она прибывала и убывала величаво, как морские приливы и отливы.

* * *

Когда я держал речь на ступеньках библиотеки, сила тяжести была солидная. Я решил произносить свою речь, сидя в кресле. Я был трезв, как стеклышко, но все равно качался в кресле, как пьяный английский сквайр в добрые старые времена.

Мои слушатели, в основном пенсионеры, просто лежали в лежку на Пятой авеню — полиция ее перекрыла, но там никакого движения не предвиделось. Где-то в районе Мэдисон-авеню хлопнул слабенький взрыв. Никому не нужные небоскребы постепенно разбирали на кирпич.

Я говорил об одиночестве в Америке. Это была та самая тема, которая была мне нужна, чтобы победить, и мне здорово повезло, потому что ни о чем другом я говорить не мог.

Какая жалость, сказал я, что я не появился в истории Америки пораньше со своим простым и эффективным проектом борьбы с одиночеством. Я сказал, что все вредные излишества и опасные преступления американцев в прошлом были результатом одиночества, а не приверженности греху.

Когда я кончил говорить, какой-то старик подполз ко мне и рассказал, как он тратился на страхование жизни, покупал разные акции и хозяйственные товары вовсе не потому, что ему они нравились или были

нужны, а только потому, что коммивояжеры вроде бы обещали стать его родственниками.

— Родни у меня не было, а я не могу без родни, — сказал он.

— Никто не может, — сказал я.

Он сказал мне, что едва не спился, стараясь породниться с пьяницами в барах.

— Мне начинало казаться, что бармен мне отец родной, понимаешь? — сказал он. И тут вдруг оказывалось, что бар пора закрывать.

— Понимаю, — сказал я. Я сказал ему полуправду, которая всегда приносила мне успех в предвыборной борьбе.

— Я сам был до того одинок, — сказал я, — что единственным существом, с которым я мог отвести душу, была кобыла по имени Будвейзер.

И я ему рассказал, как погибла Будвейзер.

Пока мы беседовали, я время от времени подносил ладонь ко рту, притворяясь, что сдерживаю невольное восклицание или что-нибудь в этом роде. На самом деле я кидал в рот маленькие зеленые пилюльки. К тому времени они были запрещены, и производство их было прекращено. Но у меня был запас — может, целый бушель — в здании Сената.

Этим пилюлькам я был обязан своей неизменной галантностью и оптимизмом, а может, и тем, что очень

медленно старился по сравнению с другими мужчинами. Мне тогда было семьдесят, а я был полон сил, как будто мне вдвое меньше.

Я даже женился на молоденькой красотке, Софи Ротшильд Свейн, которой было всего двадцать три.

— Если вас выберут, и у меня будет куча искусственных родичей... — сказал старик. Помолчав, он спросил: — Сколько их там, вы говорили?

— Десять тысяч братьев и сестер, — поведал я ему. — Сто девяносто тысяч двоюродных.

— Не многовато ли? — сказал он.

— А разве мы только что не решили единодушно, что в такой громадной и нескладной стране, как наша, нам нужно иметь как можно больше родственников? — сказал я. Предположим, попадаете вы в Вайоминг — ну, разве не утешительно знать, что там у вас куча родственников?

Он призадумался. И наконец сказал:

— Да... пожалуй... похоже на то...

— Как я уже объяснял в своей речи, — сказал я ему, — ваше новое второе имя будет имя существительное: название цветка, или фрукта, или овоща, или бобового растения, или птицы, пресмыкающегося или рыбы, или моллюска, или драгоценного камня, минерала или химического элемента — а через дефис будет писаться цифра от единицы до двадцати.

Я его спросил, как его зовут в настоящее время.

— Элмер Гленвиль Грассо, — сказал он.

— Ну вот, — сказал я. А вы можете стать, скажем, Элмером Уран-3 Грассо. И все, у кого второе имя включает «Уран», станут вашими братьями. Двоюродными.

— Тогда у меня еще будет вопросик, — сказал он. — А что, если я заимею искусственного родственничка, которого я на дух не переношу?

— Подумаешь, что тут особенного, если человек терпеть не может своего родственника? — сказал я. — Признайтесь, мистер Грассо, что человечество с этим знакомо миллион лет, а?

А потом я ему сказал откровенную похабщину. Я к похабщине не привык, как видно даже из этой вот книжки. За долгие годы моей общественной деятельности я ни разу не сказал американскому народу ничего неподобающего.

Поэтому, когда я наконец сказал грубое слово, это имело сногшибательный эффект. А я сделал это специально, чтобы у всех врезалось в память, как прекрасно приспособлена моя новая социальная схема к интересам среднего человека.

Мистер Грассо не был первым, кого я подверг испытанию внезапным ошеломляющим переходом к грубой прямой. Я уже успел применить этот прием на радио. Телевидения давно и в помине не было.

— Мистер Грассо, — сказал я, — я буду глубоко разочарован, если после того, как вы за меня проголосуете, вы не скажете своим искусственным родственникам: «Брат, или сестра, или кузен, — применительно к ситуации, — а почему бы тебе не трахнуть с лёта катящийся бублик? А почему бы тебе не трахнуть с лёта лунуууууууууууууу?»

— И знаете, что сделают родственнички, которым вы скажете эти слова, мистер Грассо? — продолжал я. — Пойдут по домам и станут придумывать, как бы им сделаться еще более хорошими родственниками!

— Вы только подумайте, насколько вам станет легче жить, когда реформа будет проведена в жизнь, если, к примеру, к вам подойдет нищий и попросит у вас денег?

— Я чего-то не понял, — сказал старик.

— Как же, — сказал я, — вы спрашиваете этого попрошайку, как его второе имя. И он вам отвечает: «Устрица-19», или «Бурундук-1», или там «Незабудка-13», или что-то в этом роде.

А вы ему и говорите: «Приятель, я-то сам — Уран-3. У тебя сто девяносто тысяч двоюродных братьев и сестер. Сироткой тебя никак не назовешь. У меня своих родственников хватает, есть о ком позаботиться. Так что не трахнуть ли тебе с лёта катящийся бублик? Не трахнуть ли тебе с лёта лунуууууууууууууу?»

ГЛАВА 34

Когда меня избрали президентом, запасы топлива были настолько истощены, что первая серьезная проблема, которая встала передо мной после моей инаугурации, заключалась в том, как обеспечить достаточное количество электроэнергии для снабжения компьютеров, которые будут выдавать новые вторые имена.

Я задействовал всех лошадей, фургоны и солдат жалкой армии, доставшейся мне от моего предшественника, чтобы свозили тонны бумаги из Национального Архива на теплоэлектростанции. Все эти документы остались от администрации президента Ричарда М. Никсона, единственного в истории президента, которого заставили выйти в отставку.

Я лично присутствовал в Архиве, наблюдал за работой. Я обратился к солдатам и немногочисленным пешеходам со ступенек здания. Я сказал, что мистер Никсон и его соратники были неуравновешенны на почве одиночества в самой тяжелой форме.

— Он обещал нас всех сплотить, а вместо этого всех разобщил, — сказал я. — И вдруг — раз-два! Он вздумал нас все же сплотить воедино!

Я позировал фотографам под аркой Архива, на которой было написано:

ПРОШЛОЕ — ЭТО ПРОЛОГ.

— В душе они вовсе не были преступниками, — сказал я. — Но им до смерти хотелось вступить в братство, каким им казалась Организованная Преступность.

— В этом доме хранится такое множество преступлений, совершенных членами правительства, страдавшими от одиночества, — сказал я, — что надпись на арке могла бы быть вот такая: «Лучше семья мафиози, чем никакой семьи».

— Я полагаю, что мы сейчас стоим на рубеже, где кончается эра подобных трагических выкрутас. Пролог подошел к концу, друзья, соседи и родственники. Пусть же начнется главная часть нашей благородной деятельности.

— Благодарю за внимание, — сказал я.

Не было больших газет, не было национальных журналов, так что напечатать мои слова было негде. Громадные типографии все позакрывались — из-за нехватки топлива. Микрофонов тоже не было. Были просто люди.

Хэй-хо.

Я раздал солдатам специальные награды, чтобы отметить это событие. Награда представляла собой го-

лубую ленту, на которой болталась пластиковая кругляшка.

Я им объяснил, наполовину в шутку, наполовину всерьез, что лента символизирует «Синюю птицу Счастья». А на кругляшке, разумеется, были написаны эти слова:

ГЛАВА 35

Здесь у нас, в Национальном Парке Небоскребов, позднее утро. Сила тяжести сносная, но Мелоди с Исидором не будут строить пирамиду младенца. Сегодня у нас намечен пикник на верхушке Билдинг. Молодежь стала такой общительной потому, что до моего дня рождения осталось два дня. Вот здорово!

Они больше всего на свете любят дни рождения!

Мелоди ощипывает курицу, которую нам принес утром раб Веры Белка-57 Цаппы. Раб принес также два каравай хлеба и два литра крепкого пива. Он при помощи пантомимы показал нам, как он нас хорошо

напитал. Он приставил донышки двух пивных бутылок к своей груди, делая вид, что это его соски, из которых можно напиться отличного пива. Мы смеялись. Мы хлопали в ладоши.

Мелоди бросает щепотки перьев вверх. Они взлетают к небу из-за слабой силы тяжести. Мелоди кажется Снежной Королевой. Стоит ей взмахнуть рукой, как взлетает рой белых бабочек.

У меня опять эрекция. У Исидора тоже. Как, впрочем, и у всех мужчин.

Исидор подметает вестибюль метлой, которую сам сделал из веток. Он поет одну из двух песен, которые знает.

Вторая «Хэтти берсдэй ту ю»... — «С днем рождения тебя». Да к тому же ему медведь на ухо наступил, так что он не поет, а гудит:

Мы на лодочке плывем —
По теченью вниз,
Наша жизнь — лишь краткий сон,
Пей и веселись.

Да, вспоминается мне один день в кратком сне нашей жизни — далеко вверх по течению от нынешнего дня, — когда я получил неофициальное письмо от Президента моей страны, которым оказался я сам. Как

любой гражданин, я с нетерпением ждал, когда компьютеры выдадут мое новое второе имя.

Мой президент поздравлял меня с новым вторым именем. Он просил меня ставить это имя неизменно в своей подписи, написать его на почтовом ящике, на личной почтовой бумаге, в адресной книге и так далее. Он подчеркнул, что имя было выбрано совершенно случайно, как и положено, и в нем не заключается никаких намеков на мой характер, или на мой внешний вид, или на мое прошлое.

Он перечислял самые простенькие, почти пустяковые примеры услуг, которые я мог бы оказать своим искусственным родственникам: поливать их цветы, когда они в отъезде; посидеть с их детьми, чтобы они могли уйти из дому на часок-другой; сказать им, у какого зубного врача я лечусь, если он лечит без боли; опустить их письмо в почтовый ящик; сходить с ними к доктору, чтобы не нервничали; посетить их в тюрьме или в больнице; пойти с ними на фильм ужасов.

Хэй-хо.

Между прочим, мое новое второе имя привело меня в восторг.

Я приказал безотлагательно покрасить стены Овального кабинета в Белом доме в бледно-желтый цвет, в честь того, что я стал Нарциссом.

Как раз когда я отдавал распоряжение своему личному секретарю, Гортензии Миноге-13 Мак-Бунди, чтобы кабинет перекрасили, в ее офис явился мойщик посуды из кухни при Белом доме. Он был в страшном смущении. От неловкости он не мог ни слова вымолвить.

Когда же ему наконец удалось выдать из себя нужные слова, я заключил его в объятия. Он вынырнул из клубов пара в подвальной преисподней, чтобы смело и решительно заявить мне, что он тоже Нарцисс-11.

— Брат мой! — сказал я.

ГЛАВА 36

Неужели не было никакой видимой оппозиции новому общественному порядку? Ну конечно же, была. И, как мы с Элизой предсказывали, мои противники были так разъярены идеей искусственных расширенных семей, что сами образовали многоязычную искусственную расширенную семью.

У них тоже были нагрудные значки, которые они продолжали носить еще долго после того, как я был избран президентом. Можно догадаться, что было написано на этих значках, слово в слово:

Я чуть не лопнул со смеху, когда моя собственная жена, урожденная Софи Ротшильд, стала носить такой значок.

Хэй-хо.

Софи пришла в бешенство, получив формальное уведомление от Президента, которым, конечно, был я, что она должна отказаться от имени *Ротшильд*. Она должна была отныне называться *Брюква-3*.

Повторяю: мне очень совестно, но как тут не рассмеяться?

Софи свирепствовала несколько недель. Потом она вползла в Овальный кабинет под вечер, в день особенной силы тяжести, — специально, чтобы сказать мне, что она меня ненавидит.

Я нисколько не обиделся.

Как я уже говорил, мне было прекрасно известно, что я не из тех, кто предназначен для счастливых браков.

— Честное слово, я не ожидала, что ты зайдешь так далеко, Уилбур, — сказала она. Я знала, что ты сумасшедший и что твоя сестра тоже была сумасшедшая. Но я все же не верила, что ты на такое способен.

Софи не пришлось смотреть на меня снизу вверх. Я тоже лежал ничком на полу, подбородком на подушке. Я читал потрясающий отчет о происшествии в Урбане, штат Иллинойс.

Я почти не обратил на нее внимания, поэтому она спросила:

— Что это ты там такое читаешь? Неужели это настолько интереснее, чем я?

— Видишь ли, — сказал я, — долгие годы я был последним американцем, который разговаривал с китайцем. А теперь это не так. Китайская делегация нанесла визит вдове физика в Урбане — недели три тому назад.

Хэй-хо.

— Я ни в коем случае не хочу отнимать твое драгоценное время, — сказала она. — Ты безусловно был ближе к китайцам, чем когда-либо — ко мне.

Я подарил ей к Рождеству инвалидную коляску — для удобства передвижения по Белому дому в дни повышенной силы тяжести. Я ее спросил, почему она не пользуется коляской.

— Мне грустно видеть, — сказал я, — как ты ползаешь по дому на четвереньках.

— Я же теперь *Брюква*, — сказала она. А *Брюквы* живут очень близко к земле. *Брюквы*, вообще — подножный корм. Самая что ни на есть дешевка, грязный корнеплод.

Тогда, на заре реформы, я считал, что необходимо запретить людям менять присвоенные им правительством вторые имена. Не стоило мне быть таким жестким. Теперь-то люди то и дело меняют имена — и здесь, на Острове Смерти, и в других местах. И я вижу, что в этом ничего опасного нет.

Но с Софи я обошелся сурово.

— Ты, как видно, хочешь быть *Чайкой* или *Жемчужиной*, — сказал я.

— С меня достаточно имени *Ротшильд*, — сказала она.

— Тогда тебе, наверно, надо переехать в Мачу-Пикчу, — сказал я. Туда переселились многие настоящие родственники Софи.

— Неужели ты и вправду такой садист, — сказала она, — что заставишь меня доказывать свою любовь, якшаясь с чужаками, которые уже ползут из-под сырых камней, как ухвертки? Как сороконожки? Как слизни? Как червяки?

— Ну что ты, что ты, — сказал я.

— Ты когда в последний раз видел тот парад уро-
дов, за забором?

По периметру земель, принадлежащих Беломудому, прямо за забором, день-деньской кишели толпы лю-
дей, претендующих на то, что они наши с Софи род-
ственники — искусственные, конечно.

Там были два лилипута-близнеца; помнится, они держали плакат, на котором было написано: «Цветы Мечты».

Помню еще женщину, она была в лиловом вечер-
нем платье, а на плечи у нее был накинут армейский
форменный мундир. На голове у нее красовался ста-
ромодный шлем авиатора, в комплекте с очками-кон-
сервами. Она размахивала плакатом на длинной пал-
ке. «Брюквенная каша», — значилось там.

— Софи, — сказал я, — там, за стеной, не просто
средние американцы. Ты совершенно правильно ска-
зала, что они выползли из-под сырых камней — как
сороконожки, и ухвертки, и черви. У них от роду не
было ни друзей, ни родных. Они всю жизнь должны
были думать, что их, как видно, забросило не в ту Все-
ленную, потому что никто в целом свете ни разу не ска-
зал им «добро пожаловать», никто не предложил им ни-
какой работы.

— Я их ненавижу, — сказала она.

— Пожалуйста, — сказал я. — Можешь их ненавидеть. Насколько я знаю, это никому не повредит.

— Не думала я, что ты зайдешь так далеко, Уилбур, — сказала она. — Я надеялась, что ты успокоишься, раз тебя выбрали Президентом. Я не думала, что ты до этого докатишься.

— Что ж, — сказал я. — Я рад, что так получилось. И я рад, что там, за забором, люди, о которых надо заботиться, Софи. Это запуганные отшельники, которых выманили из-под сырых камней новые, гуманные законы. Они словно вслепую ищут братьев, сестер, кузенов, которыми их наделил их Президент как частью национального общественного достояния, до сих пор невостребованного.

— Ты спятил, — сказала она.

— Вполне возможно, — ответил я. — Но если я увижу, что эти люди за забором обрели друг друга, по крайней мере я это за бред сумасшедшего не сочту.

— Они стоят друг друга, — сказала она.

— Вот именно, — сказал я. — И они заслуживают еще кое-чего. И это с ними произойдет после того, как они набрались смелости, чтобы заговорить с незнакомыми людьми. Ты сама увидишь, Софи. Простое знакомство, общение с другими людьми даст им возможность взлететь по эволюционной лестнице за считанные часы или дни, самое большее — за несколько недель.

— И это будет не бред сумасшедшего, Софи, — сказал я, — когда я увижу, что они превращаются в настоящих людей, после того, как многие годы прозябали — ты это правильно заметила, Софи, — в виде сороконожек, и слизней, и ухверток, и червяков.

Хэй-хо.

ГЛАВА 37

Софи со мной, конечно, развелась и отбыла со своими драгоценностями, мехами, картинами, золотыми слитками и прочим в квартиру в Мачу-Пикчу, в Перу.

Я сказал ей на прощание — по-моему, это были едва ли не последние мои слова:

— Ты не можешь подождать, по крайней мере пока мы не составим списки семей? Ты непременно найдешь там имена многих известных женщин и мужчин, которые теперь стали твоими родственниками.

— А я *и без того* в родстве со многими известными женщинами и мужчинами, — ответила она. — Прощай.

Для того чтобы составить и напечатать списки семей, нам пришлось возить еще больше бумаг из Национального Архива на теплоэлектростанцию. На этот раз мой выбор пал на дела времен президентства Улисса Симпсона Гранта и Уоррена Гамалиеля Хардинга.

Снабдить всех граждан личными списками мы были не в силах. Мы сумели только доставить полные списки во все парламенты штатов, полицейские департаменты и публичные библиотеки.

От одного злоупотребления служебным положением я все же не удержался: перед тем, как Софи от меня ушла, я попросил прислать нам списки Нарциссов и Брюкв для личного пользования. И вот сейчас список Нарциссов у меня под рукой, здесь, в Эмпайр Стейт Билдинг. Мне его подарила на день рождения в прошлом году Вера Белка-5 Цаппа. Это первое и единственное издание, увидевшее свет.

И я снова и снова узнаю из этого списка, что моими новоиспеченными родственниками в то время были Кларенс Нарцисс-11 Джонсон, шеф полиции Батавии, штат Нью-Йорк, и Мухаммад Нарцисс-11 Х, экс-чемпион мира в легком полутяжелом весе по боксу, и Мария Нарцисс-11 Черкасски, прима-балерина Чикагского театра оперы и балета.

Признаюсь, я все-таки обрадовался, что Софи так и не ознакомилась со списком своего семейства. Все эти Брюквы и в самом деле оказались трущобной семьей.

Самой знаменитой Брюквой, насколько мне помнится, была какая-то мелкая звездочка из айс-ревю.

Хэй-хо.

* * *

Так вот, после того как правительство распространило списки семейств, Свободное Предпринимательство занялось выпуском семейных газет. Наша называлась: «Нарцистинная Правда». Софи, которая бывала в Белом доме еще много раз после того, как развелась со мной, могла читать «Вершки и корешки».

Вера недавно сказала мне, что газета Белок называлась раньше «Родное дупло».

Родственники давали объявления о поисках работы, капиталовложениях, предлагали разные вещи на продажу, по рубрикам. В разделе новостей сообщали об успехах и триумфах разных сородичей и предостерегали против тех, кто издевался над детьми, был нечист на руку и тому подобное. Печатались списки родственников, которых вы могли навестить в больнице или в тюрьме.

Редакционные статьи призывали то к созданию семейных программ оздоровления, то к созданию семейных спортивных команд и так далее. Была там одна любопытная статейка — в «Нарцистинной Правде» или в «Вершках и корешках», не припомню, — где говорилось, что лучшим обеспечением законности и порядка являются семейства с высокими моральными принципами и что полицейские участки вот-вот сами собой отомрут за ненужностью.

«Если вы узнаете, что ваш родственник связался с преступным миром, — говорилось в заключение в этой

статье, — не надо звонить в полицию. Позвоните десяти другим родственникам».

И прочее в таком роде.

Вера рассказала мне, что девиз на первой странице «Родного дупла» был такой: «Добрый гражданин — это добрый семьянин».

По мере того как новые члены семьи стали знакомиться друг с другом, обнаружились статистически достоверные общие признаки. К примеру, почти все *Кипарисы* умели играть на каком-нибудь музыкальном инструменте или как минимум правильно напевать мелодию. Трое из них были дирижерами крупнейших симфонических оркестров. Та вдова из Урбаны, к которой являлись китайцы, была *Кипарис*. Она зарабатывала на жизнь себе и сыну уроками музыки.

Арбузы в среднем оказались на килограмм тяжелее среднего представителя других семейств.

Три четверти *Уксусов* были женщинами.

И так далее, и тому подобное.

Что касается моего собственного семейства: Нарциссы концентрировались в небывалых количествах в Индианаполисе и его пригородах. Моя семейная газета выходила именно там, и на первой странице, в выходных данных, стояло: «Печатается в Нарцисс-сити, США».

Хэй-хо.

* * *

Появились семейные клубы. Я лично разрезал ленточку на открытии клуба «Нарцисс» здесь, в Манхэттене, на Сорок третьей улице, сразу за углом Пятой авеню.

Это событие заставило меня о многом задуматься, несмотря на умиротворяющее действие три-бензо-Хорошимила, которого я наглотался. Некогда я принадлежал к другому клубу и к другой искусственной расширенной семье — причем он был тут, в этом самом здании. Членами этого клуба был и мой отец, и оба деда, и четверо прадедушек.

В прошлые времена это здание было оазисом покоя для мужчин влиятельных, богатых и, как правило, в солидном возрасте.

А теперь дом кишел мамами с младенцами, стариками, которые резались в шашки или шахматы или просто дремали, а более молодые мужчины устраивали уроки танцев или сражались в кегли на кегельбане, или торчали у игрового автомата, где подброшенные пружиной шарики катились куда попало и за это игрокам начислялись очки.

Я не мог удержаться от смеха.

ГЛАВА 38

В тот самый раз я и увидел первый «Клуб Чертовой Дюжины». В Чикаго, я слышал, эти вульгарные клубы

растут как грибы. А вот теперь и в Манхэттене появился свой клуб.

Мы с Элизой никак не могли предвидеть, что все люди, у кого в новом имени встретится цифра «13», естественно столкнутся друг с другом почти сразу же и образуют самое многочисленное семейство в мире.

И тут уж я точно отведал собственного варева, как говорится. Я спросил охранника у дверей манхэттенского «Клуба Чертовой Дюжины», можно ли мне войти. Внутри было совершенно темно.

— Со всем нашим к Вам уважением, мистер Президент, — ответил он, — а вы — *Тринадцать?*

— Нет, — сказал я. — Как тебе известно.

— Тогда придется мне сказать вам, сэр, то, что долг велит мне сказать.

— При всем глубочайшем уважении, сэр, — сказал он. — А почему бы вам не трахнуть с лёта катящийся бублик? Почему бы вам не трахнуть с лёта лунууууууууууууууу?

Я пришел в неописуемый восторг.

Да, и во время того же визита в Нью-Йорк я впервые узнал про Храм Иисуса Христа Похищенного — тогда это был хилый культ где-то в Чикаго, но ему было суждено стать самой популярной религией американцев всех времен.

Мое внимание на этот культ обратил чистенький, сияющий юнец, который протянул мне брошюрку в вестибюле отеля, когда я направлялся к лестнице.

Он как-то странно дергал головой, озираясь, словно старался неожиданно подловить кого-то, кто подглядывал за ним из-за горшка с пальмой, или из-за спинки кресла, или прямо сверху, с хрустальной люстры.

Он был настолько поглощен этой безответной перестрелкой бдительными взглядами, что ему было совершенно наплевать на то, что он вручил брошюрку самому Президенту Соединенных Штатов.

— Позвольте спросить, молодой человек, кого это вы тут высматриваете?

— Нашего Спасителя, сэр, — отвечал он.

— Вы что, думаете, что Он здесь, в отеле? — сказал я.

— Прочтите брошюру, сэр, — сказал он.

И я ее прочел — в своем номере, в одиночестве, под орущее радио.

На обложке брошюрки было примитивное изображение Иисуса, стоящего Телом к нам, а Ликом — в профиль, как джокер в колоде карт, у которого виден только один глаз.

Ворту у него был кляп. На руках — наручники. Одна нога была прикована цепью и железным кольцом к полу. Единственная, идеально круглая слеза дрожала на нижнем веке Его Глаза.

Под этой картинкой помещалась серия вопросов и ответов, в следующем порядке:

В о п р о с. Как вас зовут?

О т в е т. Я — почтенный Уильям Уран-8 Уэйн-
райт, основатель Храма Иисуса Христа Похищенного
по адресу 3972 Эллис-авеню, Чикаго, Иллинойс.

В о п р о с. Когда Бог во второй раз пошлет к нам
Своего Сына?

О т в е т. Он Его уже послал. Иисус здесь, среди
нас.

В о п р о с. Почему же мы не слышали о Нем и не
видели Его?

О т в е т. Он был похищен Силами Зла.

В о п р о с. Что мы должны делать?

О т в е т. Мы должны немедленно бросить любое
дело и все время, каждый час бодрствовать в поисках
Иисуса. А если мы от этого уклонимся, Господь Бог
примет Свое Решение.

В о п р о с. Какое же будет Божие Решение?

О т в е т. Он может в два счета стереть с лица Зем-
ли род человеческий, в любую минуту, которую сочтет
для Себя удобной.

Хэй-хо.

Вечером я видел молодого человека за столом в ре-
сторане — он обедал в полном одиночестве. И вот что
меня поразило — он по-прежнему дергал головой туда-
сюда и при этом не пролил ни капли! Он то и дело за-
глядывал под донышко своей тарелки и под стакан с

водой в поисках Иисуса — одного раза, как видно, ему было мало.

Меня смех разобрал.

ГЛАВА 39

Но как раз тогда, когда все устроилось так прекрасно и все американцы были счастливее, чем когда бы то ни было, несмотря на то что страна была разорена и разваливалась на куски, люди начали миллионами по всей стране вымирать от «Албанского Гриппа», а здесь, в Манхэттене, от «Зеленой Смерти».

Это прикончило Нацию. От Нее осталась всего-навсего кучка семей.

Хэй-хо.

Само собой, выискались новоявленные претенденты на герцогства и королевства и прочую мишуру, создавались армии, строились крепости. Но мало кто из простых людей одобрял эти игры. Для них это было что-то вроде особого рода бурь, землетрясений, фокусов силы тяжести, которые семьям приходилось переживать время от времени.

Тут-то и настала ночь, когда сила тяжести взбунтовалась всерьез и одним толчком смела основание Мачу-Пикчу. И роскошные квартиры, и дачные домики, и

банки, и золотые слитки, и драгоценности, и коллекции доколумбова искусства, и Оперный театр и церкви, и *все-все*, сползло вниз по склону Анд и ухнуло в океан.

Я плакал.

И все семьи где попало рисовали картинки похищенного Иисуса Христа.

Еще некоторое время люди продолжали посылать нам сведения сюда, в Белый дом. Вокруг нас все умирали, умирали, умирали, да мы и сами ждали смерти.

Мы быстро разучились соблюдать правила личной гигиены. Мы перестали мыться, забывали чистить зубы. Мужчины заросли бородами, запустили космы до плеч.

Мы принялись пожирать Белый дом почти незаметно для себя — жгли мебель, и перила, и рамы картин, и прочее в каминах, чтобы согреться.

Гортензия Минога-13 Мак-Бунди, моя личная секретарша, умерла от гриппа. Мой слуга, Эдвард Крыжовник-4 Клейндинст, умер от гриппа. Мой вице-президент, Милдред Гелий-20 Теодоридес, умерла от гриппа.

Мой ученый советник, доктор Альберт Аквамарин-1 Пятигорски, умер буквально у меня на руках, на полу Овального кабинета.

Он был почти одного роста со мной. Хорошенькое зрелище мы с ним, должно быть, представляли — там, на полу.

— Что все это значит? — повторял он без конца.

— Не знаю, Альберт, — сказал я. — И, кажется, я рад, что не знаю.

— Спроси китайца! — сказал он и отправился туда, где, как принято говорить, каждому воздается по делам его.

Временами начинал звонить телефон. Это стало такой редкостью, что я привык лично брать трубку.

— У телефона ваш Президент, — говорил я. По большей части оказывалось, что я говорю сквозь треск и шелканье с каким-нибудь мифическим существом — например, с Королем Мичигана, или с Временным губернатором Флориды, или с Исполнительным мэром Бирмингема, и с прочими призраками.

Но с каждой неделей звонков становилось все меньше. И наконец телефон умолк навсегда.

Обо мне все забыли.

Так я перестал быть Президентом — а прошло примерно две трети моего второго президентского срока.

Но я терял еще одно, не менее важное — мой запас насущного три-бензо-Хорошимила, который возобновить было нельзя.

Хэй-хо.

Я не решался пересчитывать свои последние пилюльки, пока их не осталось совсем мало. А я так к ним

привык, был так благодарен за них, что мне казалось — с последней пилюлей кончится и моя жизнь.

Мой штат таял тоже прямо на глазах. Наконец остался всего один служащий. Все остальные вымерли или разбрелись кто куда, потому что работы для них все равно не было.

Единственный, кто остался со мной, — мой брат, верный Карлос Нарцисс-11 Виллавиченцио, тот самый мойщик посуды, которого я обнимал в первый день, когда стал Нарциссом.

ГЛАВА 40

Из-за того, что все так быстро развалилось и не осталось никого, кто вел бы себя разумно, у меня тоже развилась мания — пересчитывать все подряд. Я считал планки жалюзи. Я считал ножи, и вилки, и ложки на кухне. Я считал кисточки на покрывале с кровати Авраама Линкольна.

Как-то раз я пересчитывал балясины перил, ползая на четвереньках по лестнице, хотя сила тяжести была ниже средней. Как вдруг до меня дошло, что снизу за мной наблюдает какой-то человек.

Он был одет в штаны из оленьей кожи, в мокасины и шапку из меха енота, а в руках у него была винтовка.

— Боже правый, Президент Нарцисс, — сказал я сам себе. — На этот раз ты окончательно спятил. Это же старина Дэниэл Бун.

Потом к этому человеку присоединился второй. Этот был выражен точь-в-точь как в стародавние времена, когда я еще даже не был Президентом Соединенных Штатов, зато еще существовали Военно-Воздушные Силы США.

— Постойте, я сам догадаюсь, — сказал я. — У нас то ли День всех святых, то ли Четвертое июля.

Пилота, судя по всему, потрясло до глубины души состояние Белого дома.

— Что тут творилось? — сказал он.

— Одно только могу вам сообщить, — сказал я. — Здесь творили историю.

— Жуткое дело, — сказал он.

— Если вам это кажется жутким, — сказал я, постукивая себя по лбу кончиками пальцев, — что бы вы сказали, поглядев, что творится *здесь*.

Ни один из них так и не догадался, что я — Президент. Вид у меня к тому времени был совсем запущенный.

Они не хотели вообще со мной разговаривать, да и друг с другом, по правде говоря, тоже. Просто они случайно прибыли одновременно — каждый с особо срочным поручением.

Они прошлись по комнатам и отыскивали моего Санчо Пансу, Карлоса Нарцисс-11 Виллавиченцио, который готовил завтрак из морских галет и консервированных копченых устриц, и еще из всякой всячины, которую мы отыскиали. Карлос привел их обратно ко мне и убедил их, что я и есть Президент страны, которую мы с полной серьезностью называли «самой могущественной державой мира».

Этот Карлос был непроходимый дурак.

Лесной охотник принес письмо — от вдовы из Урбаны, которую несколько лет назад навестили китайцы. Я был тогда слишком занят, чтобы выяснить, зачем эти китайцы туда пожаловали.

Дорогой доктор Свейн, — так начиналось письмо, — я человек незаметный, учительница музыки, и интересна только тем, что была замужем за великим физиком, родила ему чудесного сына, а после его смерти принимала делегацию чрезвычайно мелких китайцев, один из которых сказал, что его отец был знаком с Вами.

Его отца звали Фу Манчу.

От китайцев я и узнала о потрясающем открытии, которое мой муж, доктор Феликс Боксит-13 фон Петерсвальд, сделал незадолго до своей смерти. Мой сын — кстати, он — Нарцисс-11, как и Вы, — и я хранили с тех пор

это открытие в глубокой тайне в виду того, что оно проливает свет на положение человека во Вселенной и эти сведения несколько обескураживают, мягко говоря. Это относится к истинной природе того, что уготовано всем нам после смерти. А то, что нас ожидает, доктор Свейн, до крайности неприглядно.

Я не могу заставить себя говорить, что это «Небеса» или «Место, где нам будет воздано по заслугам», или вообще называть это место как-нибудь красиво и прелестно. Я могу назвать его только тем именем, которым под конец стал называть мой муж, да и вы сами станете называть его так, когда узнаете, что это такое. Это название — «Индюшина ферма».

Короче говоря, доктор Свейн, мой муж открыл способ общаться с мертвыми, населяющими «Индюшину ферму». Он никогда не объяснял свои приемы ни мне, ни нашему сыну, никому на свете. Однако китайцы, у которых шпионы повсюду, как-то до этого дознались. Они приехали почитать его записи и познакомиться с остатками его аппаратуры.

Когда китайцы во всем этом разобрались, они были настолько любезны, что объяснили мне и моему сыну, как мы можем сами, если захотим, повторить этот мрачный фокус. Их самих открытие разочаровало. Для них оно было в новинку, как они выразились, но «может представлять интерес только для тех, кто имеет отношение к

так называемой западной цивилизации, — уж не знаю, что они хотели сказать. Я доверяю это письмо другу, который надеется найти большое поселение своих искусственных родственников, Изумрудов, в Мэриленде, а это очень близко от Вас.

Я обращаюсь к Вам «Доктор Свейн», а не «мистер Президент» — ведь это письмо не имеет никакого отношения к государственным интересам. Это в высшей степени личное письмо, и я пишу Вам, чтобы сообщить, что мы много раз говорили с Вашей покойной сестрой, Элизой, при помощи аппарата моего мужа. Она говорит, что Вы должны приехать сюда по делу чрезвычайной важности, чтобы она могла поговорить непосредственно с Вами.

Мы ожидаем Вашего приезда с нетерпением. Прошу Вас, не обижайтесь на моего сына, а Вашего брата, Дэвида Нарцисс-11 фон Петерсвальда, за то, что он ведет себя не совсем прилично. Он не может удержаться от неприличных слов и непристойных телодвижений даже в самое неподходящее время. Он страдает Турреттовой болезнью.

Преданная Вам и готовая к услугам,

Вильма Кипарис-17 фон Петерсвальд.

Хэй-хо.

ГЛАВА 41

Я был глубоко тронут, несмотря на три-бензо-Хорошимил.

Я не сводил глаз с покрытой потом лошади охотника. Она паслась в высокой траве на газоне перед Белым домом. Потом посмотрел на самого посланца.

— Откуда ты взял это письмо? — спросил я.

Он рассказал, что случайно подстрелил парня, видимо, друга Вильмы Кипарис-17 фон Петерсвальд, Изумруда, на границе между штатом Теннесси и Западной Виргинией. Обознался: принял его за кровного врага.

— Я думал, это Ньютон Мак-Кой, — сказал он.

Охотник попытался выходить свою ни в чем не повинную жертву, но бедняга помер от гангрены. Перед смертью Изумруд заставил его обещать, как христианина, передать письмо Президенту Соединенных Штатов.

Я спросил, как его зовут.

— Байрон Хэтфилд, — сказал он.

— Какое у тебя второе, полученное от правительства имя?

— А нам они как-то ни к чему, — сказал он.

Оказалось, что он был членом одной из немногих естественных больших семей кровных родичей в нашей стране и его клан вел нескончаемую войну с другим таким же многочисленным кланом с самого 1882 года.

— Ни к чему нам эти новомодные клички, — сказал он.

Мы с охотником сидели на легких золоченых стульях из бальной залы, которые, как говорили, бог знает когда купила для Белого дома Жаклин Кеннеди. Летчик устроился на таком же стульчике, дожидаясь своей очереди говорить. Я взглянул на жетон над его нагрудным карманом. Там было обозначено его имя и чин:

КАПИТАН БЕРНАРД О'ХЕЙР

— Капитан, — сказал я, — вы, кажется, тоже не очень-то цените эти новомодные вторые имена.

Я отметил, что для чина капитана он староват, хотя кому теперь нужны эти формальности. Ему было под шестьдесят.

Я решил, что он сумасшедший, и форму нашел случайно. Я подумал, что он пришел в такой восторг и самозабвение, что решил непременно показаться в ней своему Президенту.

На поверку, однако, оказалось, что он совершенно нормальный. Последние одиннадцать лет он провел на дне засекреченной подземной шахты в Парке Рок-Крик. Я про эту шахту и не слышал.

А в этой шахте был спрятан президентский вертолет и тысячи литров абсолютно бесценного бензина.

* * *

Он наконец выбрался наружу, нарушив приказ, чтобы, как он выразился, посмотреть, «что творится на шарике».

Меня смех разобрал.

— А вертолет в рабочем состоянии? — спросил я.

— Так точно, — сказал он. Он сам обслуживал машину, без помощи, потому что его помощники один за другим ушли.

— Молодой человек, — сказал я. — За это я вас награжу медалью.

Я отцепил значок со своего потрепанного лацкана и приколот ему на грудь.

Там было написано, как вы догадываетесь:

ГЛАВА 42

Житель Дикого Запада от такой же награды отказался. Он попросил выдать ему натурой — чтобы хватило еды на всю дальнюю дорогу к родным горам.

Мы поделились с ним чем могли — отдали ему столько морских галет и консервов из копченых устриц, сколько поместилось в притороченные к седлу переметные сумы.

А мы с капитаном Бернардом О'Хейром и Карлосом Нарцисс-11 Виллавиченцио на рассвете следующего дня стартовали на вертолете из шахты. В тот день сила тяжести настолько нам благоприятствовала, что вертолет расходовал не больше энергии, чем пушинка одуванчика, плывущая по ветру.

Когда мы пролетали над Белым домом, я помахал рукой.

— Счастливо оставаться, — сказал я.

Я собирался прежде всего слетать в Индианаполис, где почти все население состояло из Нарциссов. Они стекались туда отовсюду.

— А после этого, — сказал я, — вертолет будет в полном вашем распоряжении, капитан. Можете летать, как птица, куда вам заблагорассудится. Только хлопот не оберетесь, если не придумаете себе хорошее второе имя.

— Вы Президент, — сказал он. — Вы и придумывайте.

— Дарю тебе имя — Орел-1, — сказал я.

Он был польщен. Да и медаль пришлось ему по душе.

* * *

Кстати, у меня оставалось еще немного три-бензо-Хорошимила, и я был так счастлив отправиться в путь — куда угодно — после того, как просидел в заточении в Вашингтоне, что впервые за много лет услышал, что я пою.

Песню, которую я пел, я прекрасно помню. Это была та самая песня, которую мы с Элизой часто распевали в те давние времена, когда нас еще принимали за идиотов. Мы обычно пели ее там, где никто не мог нас услышать, — в мавзолее профессора Илайхью Рузвельта Свейна.

Надо бы мне научить Мелоди и Исидора этой песне — на моем дне рождения. Это отличная песня, которую они могут распевать, отправляясь в новые путешествия по Острову Смерти в поисках приключений.

Вот эта песня:

Ты в путь далекий со мной иди
В Страну волшебника Оз,
Страну волшебней-ка ты найди
Страны волшебника Оз!

И так далее.

Хэй-хо.

ГЛАВА 43

Сегодня Мелоди с Исидором пошли на Уолл-стрит навестить многочисленную родню Исидора — Крыжовников. Мне предложили как-то стать Крыжовником. И Вера Белка-5 Цаппа тоже была приглашена. Мы с ней отказались.

Ну а я отправился на прогулку — к пирамиде младенца на перекрестке Бродвея с Сорок второй, потом на ту сторону Сорок третьей улицы к старому Клубу «Нарцисс», который раньше был Ассоциацией века, потом взял на восток через Сорок восьмую к городскому особняку, где размещалась штаб-квартира Веры Белка-5 Цаппы. Ее ферма размещалась в доме моих родителей.

Я столкнулся с самой Верой на ступеньках особняка. Все ее рабы ушли в бывший Парк Объединенных Наций, они сажали там арбузы, кукурузу и подсолнухи. Я слышал, как они поют «Миссисипи, река большая...». Они всегда были веселые, довольные. Они считали, что им счастье привалило — быть рабами.

Они все были Белки-5, и примерно две трети из них поначалу были Крыжовники. Всем, кто хотел попасть в рабы к Вере, приходилось менять вторые имена на Белка-5.

Хэй-хо.

* * *

Вера обычно трудилась наравне со своими рабами. Она любила поработать в полную силу. Но на этот раз я ее застал в праздности — она возилась с великолепным цейссовским микроскопом, который один из ее рабов накануне выкопал из развалин больницы. Все эти годы он прекрасно хранился в фабричной упаковке.

Вера не заметила, как я подошел. Она заглядывала в окуляр, по-детски старательно и неумело крутя винты настройки. Я сразу понял, что микроскопа она никогда не видала.

Я подкрался поближе к ней и сказал:

— Бууух!

Она отдернула голову от окуляра.

— Привет, — сказал я.

— Напугал до смерти, — сказала она.

— Прости, — сказал я и расхохотался.

Эти старинные игры никогда не надоедают. И это меня радует.

— Ничего не вижу, — сказала она. Это она жаловалась на микроскоп.

— Там только маленькие вертлявые твари, которые норовят убить нас и слопать, — сказал я. — Ты и вправду хочешь на них посмотреть?

— Я смотрела на опал, — сказала она и положила на предметный столик микроскопа браслет из брил-

лиантов с опалами. У нее была такая коллекция драгоценностей, что в прежние времена за нее дали бы миллионы долларов. Все приносили ей найденные драгоценности, так же как мне приносили подсвечники.

Драгоценности никому не нужны. Как, впрочем и подсвечники — в Манхэттене свечей давно уже нет. По вечерам все люди жгут тряпочные фитили, плавающие в мисках с животным жиром.

— Может, в опале затаилась Зеленая Смерть, — сказал я. — Зеленая Смерть может затаиться повсюду.

Спросите, почему мы сами не померли от Зеленой Смерти? А мы принимали профилактическое средство, которое совершенно случайно открыли родственники Исидора, Крыжовники.

Стоит нам только лишиться этого средства бунтовщика — или целую армию бунтовщиков, если на то пошло, — и он со всей компанией без промедления окажется в загробном царстве, то есть на Индюшиной ферме.

Между прочим, ни одного великого ученого среди Крыжовников не было. Они наткнулись на чудодейственное средство по прихоти случая. Они жрали непотрошеную рыбу, а то вещество — может, как следствие прежних загрязнений окружающей среды — содержалось где-то во внутренностях этой самой рыбы.

* * *

— Вера, — сказал я, — если ты когда-нибудь научишься смотреть в этот микроскоп, твое сердце будет разбито.

— С чего это мое сердце будет разбито? — сказала она.

— Ты увидишь те существа, которые вызывают Зеленую Смерть, — сказал я.

— Почему я должна над ними рыдать? — спросила она.

— Потому что ты женщина совестливая, — сказал я. — Разве ты не понимаешь, что мы истребляем их *триллионами* — каждый раз как принимаем лекарство?

Я засмеялся.

Она не смеялась.

— Я не смеюсь потому, что ты, нагрянув сюда без предупреждения, вконец испортил сюрприз, который мы готовили тебе ко дню рождения.

— То есть как? — сказал я.

Она сказала:

— Донна, — она говорила об одной из своих рабынь, — собиралась преподнести его тебе. А теперь никакого сюрприза не будет.

— Уммм, — сказал я.

— Она думала, что это такой современный абстрактный подсвечник.

* * *

Она мне призналась, что несколько дней назад к ней заходили Мелоди с Исидором, и они снова ей говорили, что мечтают когда-нибудь стать ее рабами.

— Я попыталась им растолковать, что рабство — удел избранных, — сказала она.

— Ты вот что мне скажи, — продолжала она, — что станется со всеми моими рабами, когда я помру?

— «Не заботься о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы»*. Аминь, — сказал я.

ГЛАВА 44

Мы со старушкой Верой, сидя на ступеньках особняка, предались воспоминаниям о Битве на озере Максикукки, в северной Индиане. Я видел ее с вертолета по пути в Урбану. А Вера угодила в самое пекло вместе со своим мужем-алкоголиком, Ли Осьминогом-13 Цаппой. Они кашеварили при одной из полевых кухонь в армии Короля Мичигана.

— Вы мне сверху казались копошащимися муравьями, — сказал я. — Или микробами под микроскопом.

* Евангелие от Матфея, 6:34.

Мы не рискнули спуститься пониже — мало ли, вдруг подстрелят.

— Да нам и самим так казалось, — сказала она.

— Если бы я тогда тебя знал, я бы попытался спасти тебя, — сказал я.

— Это было бы все равно что спасти одну заразную букашку из миллиона таких же букашек, Уилбур, — сказала она.

Вере приходилось не только привыкать к свисту пуль и осколков над кухонной палаткой. Ей пришлось еще и защищаться от собственного мужа, который успел напиться. Он зверски избил ее в самый разгар сражения.

Он подбил ей оба глаза и сломал челюсть. Он вышвырнул ее из палатки. Она упала навзничь, прямо в грязь. А сам он вышел следом, чтобы объяснить ей, как избежать подобных взбучек в будущем.

Он вышел в самый подходящий момент — напоролся на пику вражеского кавалериста.

— А в чем, по-твоему, мораль этой истории? — спросил я Веру.

Она положила мозолистую руку мне на колено.

— Уилбур! Смотри не вздумай жениться, — сказала она.

Мы немного поговорили об Индианаполисе, который я повидал в тот раз и в котором она и ее муж слу-

жили — она подавальщицей, он — барменом в «Клубе Чертовой Дюжины» еще до того, как они вступили в армию Короля Мичигана.

Я ее спросил, как этот клуб выглядел изнутри.

— Ну как тебе сказать — у них там были повсюду чучела черных кошек, и блуждающие огоньки, и пиковые тузы, пригвожденные к столу кинжалом, и прочее в том же духе. Я обычно выходила в туфлях на гвоздиках, в сетчатых колготках, при маске и прочем. У всех подавальщиц, и барменов, и вышибал были накладные вампирские клыки.

— Уммм, — сказал я.

— Мы называли наши сборища «вампиристствами», — сказала она.

— Угу, — сказал я.

— Мы называли томатный сок с джином «Радость Дракулы», — сказала она.

— Ага, — сказал я.

— Он был точь-в-точь как все остальные «Клубы Чертовой Дюжины», — сказала она. — Но он прогорел. Индианаполис был неподходящим городом для *Тринадцатых*, хотя их там хватало. Это был город Нарциссов. На тебя и смотреть не станут, если ты не Нарцисс.

ГЛАВА 45

Говорю вам, меня чествовали и как мультимиллионера, и как педиатра, и как сенатора, и как Президента. Но меня никогда не приветствовали с такой искренней теплотой, как в Индианаполисе, Индиана, за то, что я — Нарцисс!

Народ там был нищий, перенес ужасный мор, город обезлюдел, все общественные службы сошли на нет, и все жили в страхе, потому что совсем неподалеку свирепствовали войны.

Но ради меня и, разумеется, ради Карлоса Нарцисса-И Виллавиценцио тоже они устроили парады и пиршества, затмившие роскошь Древнего Рима.

Капитан Бернارد Орел-1 О'Хейр сказал мне:

— Бог ты мой, мистер Президент, да если бы я знал заранее, я попросился бы в Нарциссы!

Тогда я сказал:

— Дарую тебе имя — Нарцисс.

Но самое приятное и полезное, что я там видел, — это семейное еженедельное собрание Нарциссов.

Да, и я получил право голоса на этом собрании, как и мой пилот, и Карлос, — все люди в возрасте старше девяти лет имели право голосовать.

Если бы мне чуть больше повезло, меня избрали бы Председательствующим на собрании, хотя я пробыл в

городе неполный день. Председательствующий избирался по жребию из всех присутствующих. В тот вечер жребий выпал одиннадцатилетней чернокожей девушке, которую звали Дороти Нарцисс-7 Гарланд.

Она отлично справлялась со своими обязанностями, как, впрочем, и любой другой на ее месте.

Она уверенно прошла к кафедре, которая была почти с нее ростом.

Эта моя двоюродная сестричка взобралась на стул, не смущаясь и не кривляясь. Она призвала собрание к порядку, стукнув желтым молотком, и обратилась к своим притихшим и внимательным родственникам:

— Среди нас, как вы уже знаете, присутствует Президент Соединенных Штатов. С вашего разрешения, я попрошу его сказать нам несколько слов после завершения повестки дня.

— Кто может официально внести это предложение? — сказала она.

— Я вношу предложение, чтобы кузен Уилбур по нашей просьбе обратился к нашему собранию по завершении повестки дня, — сказал старик, сидевший рядом со мной.

Предложение было принято, а затем поставлено на голосование: каждый должен был крикнуть «да» или «нет».

Предложение прошло, хотя слышались отдельные, судя по всему, искренние, а не хулиганские выкрики: «Не-е!» и «Нет!»

Хэй-хо.

Было необходимо срочно выбрать четверых солдат взамен Нарциссов, павших в армии Короля Мичигана, он как раз воевал на два фронта — с пиратами Великого Озера и с Герцогом Оклахомским.

Один великолепный молодой человек, насколько я помню, кузнец, обратился к собранию:

— Пошлите меня! Я с превеликим удовольствием прикончу, сколько смогу, «сунеров», конечно, если они не Нарциссы.

И прочее в таком духе.

Я очень удивился, когда несколько ораторов подряд отчитали парня за его воинственный пыл. Ему было поставлено на вид, что война — это не игрушки и никакого удовольствия в ней нет и не предвидится, речь идет о трагедии, и пусть он лучше примет скорбный вид, а иначе он будет удален из зала.

«Сунерами» называли жителей Оклахомы, а заодно и всех тех, кто сражался за Герцога Оклахомского, а там были и «шоуми» из штата Миссури, и «джейнокеры» из Канзаса, и «хокайз» из Айовы, и прочие, и прочие.

Кузнецу объяснили, что «сунеры» — такие же люди, как мы, не хуже и не лучше «хужеров», как звали жителей Индианы.

А старик, тот самый, что предложил дать мне слово, встал и сказал вот что:

— Молодой человек, вы нисколько не лучше Албанского Гриппа или Зеленой Смерти, если вы можете убивать ради удовольствия.

На меня это произвело впечатление. Я вдруг понял, что нации никогда не могут осознать, что их войны — это трагедии, а семьи не только могут это понять, но неизбежно к этому приходят.

Вот молодцы!

Но главная причина, по которой кузнецу не было позволено идти на войну, состояла в том, что он успел прижить трех незаконных детишек от разных матерей, «да еще двое на подходе», как кто-то выразился.

Ему не позволили сбежать, не исполнив свой долг перед всеми этими детишками, о которых он был обязан заботиться.

ГЛАВА 46

Даже ребята, и пропойцы, и сумасшедшие на этом собрании знали досконально парламентский протокол. Девчушка, стоявшая на стуле за кафедрой, вела собрание так умело и целеустремленно, что казалась каким-

то божком, вооруженным громами и молниями. Меня переполняло уважение ко всем этим процедурам, хотя раньше они казались мне напыщенным шутовством, не более.

И это уважение сохранилось до сих пор — так что я сейчас заглянул в свою Энциклопедию, здесь, в Эмпайр Стейт Билдинг, чтобы узнать, кто же изобрел парламентский регламент.

Звали его Генри Мартин Роберт. Он окончил Вест-Пойнт. Он был военным инженером. Со временем он стал генералом. Но перед самой Гражданской войной, когда он служил в Бедфорде, Массачусетс, в чине лейтенанта, он председательствовал на церковном собрании и упустил контроль над ситуацией.

Правил-то не было.

Тогда этот офицерик сел и написал несколько правил — точно таких, какие я застал в Индианаполисе. Их опубликовали под названием «Распорядок ведения собраний Роберта», и я считаю, что это одно из четырех величайших изобретений в Америке.

Три остальных, я считаю, это Декларация прав человека, принципы Ассоциации Анонимных Алкоголиков и искусственные расширенные семьи, придуманные Элизой и мной.

Три рекрута, которых индианаполисские Нарциссы в конце концов избрали для посылки к Королю

Мичигана, оказались, кстати, людьми, без которых легко можно было обойтись, и жизнь у них, по мнению избирателей, была до сих пор самая беззаботная.

Хэй-хо.

Следующий пункт касался прокорма и жилищных проблем беженцев, просачивавшихся в город с севера, где шли бои.

Собрание снова не поддержало энтузиастку. Молодая женщина, удивительно хорошенькая, но легкомысленная, и явно слегка тронувшаяся на почве альтруизма, сказала, что может взять к себе в дом не меньше двадцати беженцев.

Кто-то встал и сказал, что она такая плохая хозяйка, что даже собственные дети разбрелись от нее по другим родственникам.

Еще кто-то напомнил ей, что она настолько рассеянная, что ее собака подохла бы с голоду, если бы не соседи, и к тому же она три раза случайно устраивала пожар в собственном доме.

Может показаться, что люди на этом собрании проявили жестокость. Но они все звали ее «Кузина Грейс» или «Сестрица Грейс» — в зависимости от степени родства. Она и мне приходилась кузиной, разумеется. Она была Нарцисс-13.

Более того: она представляла опасность только для самой себя, так что никто на нее особенно не сердился. Детишки ее, как мне сказали, разбредались в более благополучные дома, едва научившись ходить. Да уж, это было одно из самых больших достоинств нашего с Элизой изобретения: детишкам было куда уйти, у них был богатейший выбор домов и родителей.

Кузина Грейс, со своей стороны, выслушала все неслестные замечания в свой адрес, как будто они были для нее в новинку, хотя она их и не думала оспаривать. Она не выбежала из залы, захлебываясь от слез. Она осталась до конца собрания, соблюдая «Распорядок Роберта», была очень внимательна и слушала с большим интересом.

По одному вопросу, в разделе «Новые поступления», кузина Грейс высказала предложение, чтобы каждого Нарцисса, сражавшегося на стороне пиратов с Великих Озер или Герцога Оклахомского, лишили прав и выгнали из семьи.

Это предложение никто не поддержал.

А маленькая девочка, председательствовавшая на собрании, сказала ей:

— Кузина Грейс, вы знаете не хуже других, как у нас говорят: «Кто Нарциссом родился, тот Нарциссом и умрет».

ГЛАВА 47

Наконец настала моя очередь говорить.

— Братья, сестры, кузены и кузины, — сказал я, — ваша нация превратилась в пустой звук. Как вы сами видите, ваш Президент тоже стал тенью собственной прежней тени. Перед вами всего лишь ваш старенький, немощный кузен Уилбур.

— Ты был Президент что надо, братец Билли, — крикнул кто-то из задних рядов.

— Я был бы счастлив подарить своей стране мир, как подарил вам всем братьев и сестер, — продолжал я. — Но мира нет, к моему глубокому прискорбию. Мы его обретаем. Потом мы его теряем. Опыт обретаем. И снова теряем. По крайней мере, надо благодарить Бога за то, что машины решили больше не воевать. Теперь воюют одни люди.

— И благодарение Богу, что теперь уже невозможно такое дело, как битвы между чужаками. Мне безразлично, кто с кем сражается, — у каждого будут родственники в войсках противника.

Присутствующие на собрании были не только Нарциссами — в подавляющем большинстве это были искатели Похищенного Иисуса. Довольно неблагодарная аудитория, как я убедился. Что бы я им ни говорил, они

беспрерывно вертели головами то туда, то сюда, надеясь увидеть Иисуса хоть мельком.

Но все же моя речь, кажется, до них доходила — они аплодировали или разражались одобрительными криками в подходящих местах. Так что я продолжал.

— Из-за того, что мы — просто разные семьи, а не целый народ, — сказал я, — нам стало гораздо легче в условиях войны быть милосердными или быть объектом милосердия.

Я только что наблюдал битву далеко на севере от ваших мест, в районе озера Максинкукки. Там были и лошади, и пики, и винтовки и ножи, и пистолеты, даже пушка, а может, две. Я видел, как погибли несколько человек. Но я видел, как множество людей обнимаются, и, судя по всему, очень многие дезертировали или сдавались на милость победителя.

Вот какие новости я могу принести вам с поля битвы у озера Максинкукки:

— Никакая это не бойня.

ГЛАВА 48

Когда я был в Индианаполисе, я получил по радио приглашение от Короля Мичигана. Тон был поистине наполеоновский. В приглашении говорилось, что Ко-

роль будет рад «дать аудиенцию Президенту Соединенных Штатов в своей летней резиденции на озере Максинкукки».

Еще там было сказано, что Король дал распоряжение часовым пропустить меня беспрепятственно. Сообщалось, что битва окончена. «Победа за нами», — говорилось в радиোগрамме.

И мы с моим пилотом полетели туда.

Моего верного слугу, Карлоса Нарцисс-11 Виллавиченцио, мы оставили доживать последние годы среди бесчисленных родственников.

— Будь счастлив, брат Карлос, — сказал я ему.

— Наконец-то я дома, мистер Президент, брат мой, — сказал он. — Благодарю вас, благодарю Бога за все. Конец одиночеству!

В прежние времена мою встречу с Королем Мичигана назвали бы «историческим событием». Было бы не продохнуть от камер, микрофонов, репортеров. А у Короля Мичигана на этот случай имелись писцы, которых он называл своими «скрибами».

Он с полным правом назвал людей с блокнотами и ручками этим древнеегипетским словом. Большинство его солдат едва умели читать, а писали и того хуже.

Капитан О'Хейр и я приземлились на стриженном газоне перед Летним дворцом Короля, который рань-

ше принадлежал военной академии. Солдаты, чем-то провинившиеся в недавней битве, стояли на коленях по всему газону под охраной военной полиции. Они подстригали траву — кто штыком, кто карманным ножом, кто ножницами — отбывали наказание.

Капитан О'Хейр и я проследовали во дворец между двумя рядами солдат. Это было что-то вроде почетного караула, я полагаю. В руках у каждого развевалось знамя, на котором был вышит символ его искусственной расширенной семьи — яблоко, крокодил, химический знак лития и тому подобное.

«Какая же это избитая историческая ситуация!» — подумал я. Если не считать сражений, история всех народов сводилась к одному: потерявший всякую власть старый шут, накачанный лекарствами и более или менее любимый в далеком прошлом, является приложиться к сапогам молодого психопата.

Меня разобрал смех, но я посмеялся про себя.

Меня одного провели в личные апартаменты Короля. Это была громадная зала — должно быть, там военная академия устраивала танцы. Теперь там стояла только раскладушка, длинный стол, заваленный картами, и штабель складных стульев у стены — спартанская обстановка.

Сам Король сидел за столом, заваленным картами военных действий, и делал вид, что читает книгу, которая оказалась «Историей Пелопоннесских войн» Фукидида.

За его спиной стояли трое солдат-писцов с карандашами и блокнотами.

Больше сесть было некуда.

Я встал напротив Короля, держа в руках свою потрепанную фетровую шляпу. Он не сразу оторвал глаза от книги, хотя привратник объявил о моем прибытии достаточно громогласно.

— Ваше Величество! — сказал привратник. — Доктор Уилбур Нарцисс-11 Свейн, Президент Соединенных Штатов!

Наконец он взглянул на меня — это был вылитый доктор Стюарт Роулингз Мотт, тот самый, что присматривал за мной и моей сестрой в Вермонте, в стародавние времена.

Я его несколько не боялся. Конечно, это трибензо-Хорошимил делал меня таким *soigne* и *blase**. Но, кроме того, я уже вдоволь насмотрелся на дешевую комедию, называемую жизнью. Если бы Король вздумал поставить меня к стенке, мне было бы даже интересно — как-никак приключение.

* Надменным и пресыщенным (*франц.*).

— А мы думали, что вы умерли, — сказал он.

— Нет, Ваше Величество, — сказал я.

— Мы так давно ничего о вас не слыхали, — сказал он.

— В Вашингтоне, округ Колумбия, давно ничего нового нет, — сказал я.

Писцы все аккуратно записывали — на их глазах творилась история.

Король повернул книжку корешком ко мне, чтобы я мог прочесть название.

— Фукидид, — сказал он.

— Ммм, — сказал я.

— Читаю только исторические труды, — сказал он.

— Весьма разумно, как и подобает лицу вашего ранга, Ваше Величество, — ответил я.

— Те, кто пренебрег уроками истории, обречены на то, чтобы ее повторять, — сказал он.

«Скрибы» застрочили еще быстрее.

— Да, — сказал я. — Если потомки не изучат лучше наши времена, им снова придется пережить истощение природных ресурсов планеты, мор и смерть миллионов от гриппа и Зеленой Смерти, они снова увидят, как небо пожелтеет от аэрозолей для уничтожения запаха пота под мышками, они снова выберут в Президенты старика-маразматика двух метров ростом и снова убедятся, что в интеллектуальном и духовном

отношении в подметки не годятся мелким-премелким китайцам.

Он не стал смеяться вместе со мной.

Я обратился прямо к «скрибам», через голову Короля.

— История — это просто список сюрпризов, — сказал я. — Она может научить нас только одному: готовиться к очередному сюрпризу. Пожалуйста, запишите.

ГЛАВА 49

Как оказалось, молодой Король хотел, чтобы я подписал некий исторический документ. Документ был лаконичный. Я признавал, что в качестве Президента Соединенных Штатов Америки отказываюсь от каких бы то ни было притязаний на часть Североамериканского континента, проданную моей стране Наполеоном Бонапарте в 1803 году за 15 миллионов долларов и известную под названием «Луизианская покупка».

Далее, я, согласно документу, продавал эти земли за один доллар Стюарту Малиновка-2 Мотту, Королю Мичигана.

Я подписал купчую мельчайшими каракулями, на какие только был способен. Подпись смахивала на новорожденного муравья.

— Пользуйтесь на здоровье! — сказал я.

Проданная мной территория была почти целиком оккупирована Герцогом Оклахомским и, несомненно, другими важными персонами и самозваными «шишками», которых я не имел чести знать.

Покончив с делами, мы немного поболтали о его дедушке.

Потом мы с капитаном О'Хейром вылетели в Урбану, штат Иллинойс, на электронное свидание с моей сестрой, которой давно не было в живых.

Хэй-хо.

Признаться, я пишу сейчас дрожащей рукой, и голова у меня раскалывается от боли — вчера малость перебрал, когда праздновали мой день рождения.

Вера Белка-5 Цаппа явилась вся усыпанная бриллиантами, в сопровождении четырнадцати рабов, которые несли ее сквозь элентусовые джунгли в кресле. Она и принесла мне вино и пиво, от которых у меня зашумело в голове. Но я окончательно опьянел от восторга, когда увидел другой ее подарок — тысячу свечей, которые она со своими рабами отлила на собственном свечном заводе. Мы сунули их в пустые рты тысячи моих подсвечников и расставили по всему вестибюлю.

Потом мы их зажгли, все до одной.

Стоя в этой россыпи маленьких, мерцающих огоньков, я чувствовал себя Богом, и Млечный Путь был мне по колено.

ЭПИЛОГ

Доктор Свейн умер, не успев дописать книгу. Он ушел туда, где каждому будет воздано по заслугам.

Все равно некому было читать то, что он написал, и возмущаться незаконченностью его правдивой истории.

Как бы то ни было, он достиг высшей точки своего повествования, когда перепродал Луизианскую покупку главарю бандитской шайки — за доллар, которого он и в глаза не видал.

Да, и умер он, гордясь теми реформами, которыми общество было обязано ему и его сестре. Он даже оставил стихотворение. Возможно, он надеялся, что кто-нибудь использует это стихотворение вместо эпитафии на его могилке:

Хотите подвести итог
Тому, что нам подстроил Бог?
Иль сам состряпал человек
Дешевый фарс — свой краткий век?
Здесь, в небесах, навек нам дан
Все тот же грубый балаган,
И мы смотреть обречены
Перелицованные сны.

Он так и не дошел до описания электронного устройства в Урбане, которое позволило ему осуществить контакт с покойной сестрой, слить два интел-

лекта воедино, воскресив гения, которым они были в детстве.

Устройство, которое немногие посвященные прозвали «Хулиган», представляло собой совершенно обычный на вид отрезок керамической трубы — длиной в два метра, диаметром в двадцать сантиметров. А вот помещалась эта труба на стальном ящике, где находилась панель управления гигантским ускорителем элементарных частиц. Ускоритель — это труба, своего рода магнитный гоночный круг для субатомных частиц, который охватывал город кольцом, проходя под кукурузными полями на окраинах.

Да-с.

Сам «Хулиган» тоже был в известном смысле призраком, потому что ускоритель давно не работал — не было электричества, да никого и не интересовало, что на нем можно делать.

Смотритель, Фрэнсис Сталь-7 Хулиган, положил кусочек трубы на бездействующий ящик, а рядом на минутку поставил свою кастрюльку с обедом. Как вдруг до него донеслись голоса — из трубы.

Он позвал ученого, который соорудил прибор, доктора Феликса Боксит-13 фон Петерсвальда. Но труба молчала, как могила.

Доктор фон Петерсвальд доказал, что он великий ученый, безоговорочно поверив малограмотному ми-

стеру Хулигану. Он заставлял зрителя пересказывать ему эту историю раз за разом.

— Кастрюлька с обедом! — воскликнул он наконец. — Где твоя кастрюлька с обедом?

Хулиган держал ее в руке.

Доктор фон Петерсвальд приказал ему поставить кастрюльку точно в такое же положение по отношению к трубе, как в тот раз.

И труба сразу же заговорила.

Говорящие представились — они, мол, обитатели загробного мира.

На фоне звучала неразбериха потерянных голосов, унылых душ, которые жаловались друг другу на скуку, социальную несправедливость, мелкие недомогания и прочее в таком роде.

Вот что доктор фон Петерсвальд записал в своем секретном дневнике: «Напоминало это — один к одному — то, что раздается в телефонной трубке, если позвонить в дождливый день на Индюшиную ферму, где все пошло наперекосяк».

Хэй-хо.

При разговоре доктора Свейна с его сестрой Элизой по «Хулигану» присутствовала вдова профессора фон Петерсвальда, Вильма Кипарис-17 фон Петерс-

вальд, и их пятнадцатилетний сын, Дэвид Нарцисс-11 фон Петерсвальд, брат доктора Свейна, страдавший Турреттовой болезнью.

На беднягу Дэвида накатил приступ, как раз когда доктор Свейн начал разговор с Элизой через разделявшую их Великую Бездну.

Дэвид старался не вымолвить ни слова, но у него изо рта вырвался поток неприличностей, только голос стал выше на октаву. «Дерьмо... сопли... мошонка... жопа... девственная плева... засранцы... понос... пипка...» — сказал он.

Сам доктор Свейн тоже потерял власть над собой. Он против собственной воли вскарабкался на крышку ящика, невзирая на ветхий возраст и громадный рост. Присел на корточки над трубой, свесил голову макушкой вниз напротив отверстия, служившего для переговоров, однако при этом сшиб на землю драгоценную кастрюльку, и связь прервалась.

— Алло? Алло? — сказал он.

— Крайняя плоть... трахнуть... говно... венерин холм... лобок... выкидыш... — сказал мальчишка.

На этом конце, в Урбане, оставался один человек в своем уме — вдова профессора фон Петерсвальда, она и поставила кастрюльку обратно на место. Ей при-

шлось бесцеремонно втиснуть ее между трубой и коленкой Президента. Но тут она оказалась в ловушке — в самом гротескном виде: она висела, не доставая ногами до земли, поперек крышки ящика, с протянутой рукой. Президент прижал и кастрюльку для обеда, и ее руку.

— Алло? Алло? — сказал Президент, по-прежнему вниз головой.

В ответ слышалось бормотанье, и кулдыканье, и кудахтанье, и щелканье.

Кто-то чихнул.

— Педик... куча дерьма... сперма... яйца, — сказал мальчишка.

Элиза на другом конце не успела сказать ни слова, а покойнички, что толклись сзади, почуяли в Дэвиде родную душу, как и они сами, до глубины возмущенную положением человека во Вселенной. Они принялись его подначивать, прибавляя непристойности и от себя.

— А ну давай, режь им правду-матку, парень, — говорили они, и прочее в этом роде.

Они всё отфутболивали обратно: «Сам говно! От педика слышу! Сам иди на...! А тебе вдвое!» — и так далее.

Дурдом, в натуре.

* * *

Но доктор Свейн и его сестра дорвались друг до друга и слились в таком экстазе, что доктор Свейн, если бы мог, нырнул бы прямо в зев трубы.

Так вот, Элиза требовала, чтобы он как можно скорее умер и они снова могли соединиться в единого гения. Она хотела, чтобы они вместе нашли возможность перестроить никуда не годное заведение, так называемый «Рай».

— Вас что, там мучают? — спросил он у нее.

— Да нет, — сказала она. — Мыдохнем со скуки. Тот, кто это все подстроил, понятия не имел о людях. Я тебя умоляю, брат Уилбур, — сказала она. — Ведь у нас это все *навечно*. Эта волынка — *на веки веков!* Там, у вас, времени практически нет. Курам на смех! Так что поскорей стреляйся и приходи сюда!

И так далее.

Доктор Свейн рассказал ей, какие напасти и смертельные болезни свалились на человечество. Вдвоем они, мысля заодно, играючи разрешили эту мрачную тайну.

Вот как все объяснилось: микробы, вызывавшие грипп, оказались марсианами, чье нашествие было остановлено антителами в организмах выживших людей, так что эпидемия гриппа прекратилась.

А Зеленая Смерть в свою очередь была вызвана микроскопическими китайцами, народцем мирным и никому не желавшим зла. Несмотря на это, они убивали наповал любого нормального человека, попадая в дыхательные пути или в пищеварительный тракт.

И так далее.

Доктор Свейн поинтересовался, какой у них там аппарат для связи — приходится Элизе тоже сидеть на корточках над трубой или еще как.

Элиза сказала, что никакого аппарата нет, а просто такое чувство.

— Какое чувство? — сказал он.

— Чтобы понять, что это такое, ты должен умереть, — сказала она. — Это неопишимо.

— Попробуй все же описать, Элиза, — сказал он.

— Это похоже на то, что ты мертвый, — сказала она.

— Чувство мертвенности, — задумчиво произнес он, стараясь понять.

— Ну да — холодно и сыро... — сказала она.

— Угу, — сказал он.

— Но при этом чувствуешь, как будто вокруг роятся невидимые пчелы, — сказал он. — И я слышу твой голос из этого роя.

Хэй-хо.

Когда доктор Свейн прошел через эту изощренную пытку, у него осталось всего одиннадцать пилюль три-

бензо-Хорошимила, которые предназначались, как вы знаете, не для Президентов в качестве наркотиков, а для страдальцев от Турреттовой болезни, симптомы которой это лекарство снимало.

И когда он рассматривал последние пилюльки, лежащие на громадной ладони, ему стало казаться, что это — последние песчинки в песочных часах его жизни.

Доктор Свейн стоял на солнышке, у входа в лабораторный корпус, где помещался «Хулиган». Рядом стояла вдова со своим сыном. Вдова держала в руках кастрюльку, так что никто, кроме нее, не мог включить «Хулигана».

Сила тяжести полегчала. У доктора Свейна была эрекция. И у юнца тоже. Как и у капитана Бернарда Нарцисс-11 О'Хейра, стоявшего поблизости, у вертолета.

Можно предположить, что соответствующие ткани в организме вдовы тоже были напряжены.

— Знаете, на кого вы были похожи, мистер Президент, когда сидели на ящике? — спросил мальчик. Ему самому было тошно от слов, которые подсказывала ему болезнь.

— Нет, — сказал доктор Свейн.

— На самого громадного павиана в мире — когда он пытается трахнуть футбольный мяч, — пробормотал юнец.

И доктор Свейн, которому не хотелось до бесконечности слушать оскорбления, протянул мальчишке все, что у него осталось от три-бензо-Хорошимила.

Синдром абстиненции, вызванный отказом от три-бензо-Хорошимила, — это нечто сногшибательное. Доктора Свейна пришлось прикрутить веревками к кровати в доме вдовы на шесть ночей и шесть дней.

Попутно он переспал со вдовой, зачав сына, который станет отцом Мелоди-Малиновка-2 фон Петерсвальд.

Да, и попутно вдова рассказала ему, что она узнала от китайцев: властелинами Вселенной их сделало умение соединять гармонически настроенные интеллекты.

Да, и он велел пилоту доставить его в Манхэттен, на Остров Смерти. Он решил умереть там и соединиться со своей сестрой в загробном мире — для этого он собирался вдохнуть или проглотить невидимых китайских коммунистов.

Капитан О'Хейр, которому смерть вовсе не улыбалась, спустил Президента на канате, при помощи лебедки, прямо на смотровую площадку Эмпайр Стейт Билдинг.

Президент оставался там до вечера, любуясь видом. Затем, глубоко вдыхая на каждой ступеньке, он спус-

тился вниз, надеясь, что вдохнет побольше китайских коммунистов.

Он спустился вниз уже в сумерках.

В вестибюле валялись человеческие скелеты — в лохмотьях, как в полусгнившей обертке. Стены были исполосованы, как зебра, следами давно погасших кухонных костров.

На стене висел рисунок, изображавший Иисуса Христа Похищенного.

Доктор Свейн впервые услышал прерывистый писк летучих мышей, вылетающих из-под земли после заката.

Он себя чувствовал без пяти минут мертвецом — братом тех скелетов.

Но тут, откуда ни возмись, из засады выскочили шестеро Крыжовников, вооруженных копьями и ножами. Они видели, как Президент спустился с вертолета.

Когда они поняли, кто им попался, они пришли в восторг. Он для них был настоящим сокровищем, и вовсе не потому, что был президентом, а потому, что учился на медицинском факультете.

— Доктор! Ну, теперь у нас есть все! — сказал один из них. Кстати, они слышать не хотели о том, что он собирается умирать. Они заставили его проглотить маленький ромбик чего-то, напоминавшего безвкусный

жмых от земляного ореха. А на самом деле это были вываренные и высушенные рыбы потроха — верное средство от Зеленой Смерти.

Хэй-хо.

Крыжовники без промедления поволокли его в Финансовый район, потому что глава их семьи, Хироши Крыжовник-2 Ямаширо, лежал при смерти.

Очевидно, у него была пневмония. Доктор Свейн мог рекомендовать ему только то, что его коллеги рекомендовали лет сто назад: держать тело в тепле, голову — в холоде и ждать, что будет.

Или температура упадет, или больной умрет.

Температура упала.

В награду Крыжовники притащили доктору Свейну свои самые драгоценные сокровища и разложили их на полу Нью-Йоркской биржи. Там был приемник с часами, саксофон-альт, новехонький дорожный несессер, модель Эйфелевой башни с термометром, и все такое прочее.

Ради приличия доктор Свейн выбрал из этой кучи мусора один бронзовый подсвечник.

Тогда-то и родилась легенда, что он помешан на подсвечниках.

* * *

Ему не понравилась жизнь с Крыжовниками в общезжитии, потому что, кроме всего прочего, от него требовалось непрерывно вертеть головой, разыскивая Похищенного Иисуса Христа.

Тогда он прибрал вестибюль Эмпайр Стейт Билдинг и перебрался туда. Крыжовники приносили ему еду.

И время летело.

Примерно в этот период времени появилась Вера Белка-5 Цаппа, и Крыжовники поделились с ней лекарством. Они надеялись, что она станет присматривать за доктором Свейном, вроде няньки.

Она некоторое время с ним понянчилась, а потом занялась своей образцовой фермой.

А малютка Мелоди появилась много лет спустя, беременная, толкая перед собой детскую коляску с жалкими пожитками, своим единственным достоянием. Среди этих припасов оказался дрезденский подсвечник. Даже до Мичиганского Королевства докатились слухи, что Король Нью-Йорка помешан на подсвечниках.

Подсвечник, который везла Мелоди, был саксонского фарфора: дворянин строит куры пастушке у дерева, увитого цветущей лозой.

В последний день рождения старика подсвечник Мелоди разбили. Его наподдала ногой Ванда Белка-5 Ривера, пьяная рабыня.

Когда Мелоди в первый раз подошла к Эмпайр Стейт Билдинг и доктор Свейн вышел узнать, кто она такая и что ей тут нужно, она упала перед ним на колени. В ее маленьких, протянутых к нему ручках был зажат подсвечник.

— Здравствуй, дедушка, — сказала она.

Он немного помолчал. Потом помог ей встать.

— Входи, — сказал он. — Входи, входи.

Доктор Свейн тогда еще не знал, что зачал сына во время абстиненции от три-бензо-Хорошимила в Урбане. Он решил, что Мелоди — просто случайная просительница и поклонница. И после этой встречи он не стал предаваться мечтам о том, что где-то у него есть потомки. Ему никогда не хотелось плодиться и размножаться.

Так что, когда Мелоди смущенно, но убедительно объяснила ему, что она самая настоящая родственница, у него появилось чувство, как он позднее объяснил Вере Белка-5 Цаппе, «будто у меня внутри что-то лопнуло, получилась громадная прореха. И будто из этого отверстия, внезапно и совершенно безболезненно открывшегося, выползла изголодавшаяся девчушка, бе-

ременная, держа в руке подсвечник саксонского фарфора».

Хэй-хо.

Вот что рассказала Мелоди.

Ее отец, незаконнорожденный сын доктора Свейна и вдовы из Урбаны, уцелел один из немногих после так называемой «Урбанской бойни». Потом его взяли барабанщиком в войска Герцога Оклахомского, учинившего эту бойню.

Этот парнишка зачал Мелоди, когда ему было четырнадцать лет. Ее матерью была сорокалетняя прачка, приставшая к армии.

Мелоди присвоили второе имя «Малиновка-2» в расчете на то, что если она попадетя в руки головорезам из армии Стюарта-Малиновка-2 Мотта, Короля Мичиганского и заклятого врага Герцога, то с ней обойдутся по-хорошему.

И она попалась-таки — после битвы у Айова-Сити, в которой были убиты ее родители. Ей было тогда шесть лет.

Да, и Король Мичигана к тому времени так опустился, что устроил себе гарем из пленных детишек, у которых было одно с ним второе имя — Малиновка-2, разумеется. Маленькую Мелоди посадили в этот убогий зверинец.

Но и после того, как ей пришлось пережить еще более омерзительные пытки, она черпала силу духа в словах, которые сказал ей отец, умирая. Вот эти слова:

— Ты — принцесса. Ты — внучка Короля Подсвечников, Короля Нью-Йорка.

Однажды ночью она украла дрезденский подсвечник из палатки Короля, пока тот спал.

Потом Мелоди выползла из-под откидного полотнища палатки во внешний мир, озаренный луной.

Так началось это невероятное путешествие на восток, все дальше на восток, на поиски легендарного деда. Его дворец — одно из самых высоких зданий в мире.

Она встречала родственников повсюду, и даже те, кто не были Малиновками, все же были какими-то зверушками, или птицами, живыми существами.

Они ее кормили и указывали ей путь.

Кто-то дал ей дождевик. Еще кто-то — свитер и ручной компас. Кто-то подарил детскую коляску. Еще кто-то — будильник.

Кто-то дал ей нитку с иголкой и золотой наперсток в придачу.

Еще кто-то переправил ее на лодке через Гарлем-
ривер на Остров Смерти, рискуя собственной жизнью.
И так далее.

Das Ende*

* Конец (*нем.*).

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИБОРАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ-2», т. (495) 641-22-89
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТРК «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 107, т. (383) 230-12-91
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов-на-Дону, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30, т. (8908) 374-19-60
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр. Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквовью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол. Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тулская», ул. Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул. Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

С.: КнВВ(нов.) С.: АСТ-Классика

ISBN 978-5-17-061433-2 ISBN 978-5-17-061434-9

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Воннегут Курт
Балаган, или Конец одиночеству
Роман

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 28.08.09.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 11,76.

С.: КнВВ(нов.). Тираж 2000 экз. Заказ № 2164

С.: АСТ-Классика. Тираж 2000 экз. Заказ № 2163

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52

www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Курт ВОННЕГУТ

Курт Воннегут — уникальная фигура в современной американской литературе. Трагикомические произведения писателя, проникнутые едкой иронией и незаурядным юмором, романы, фантастика и гротеск в которых неотличимо переплетены с реальностью, сделали Воннегута одним из самых известных прозаиков XX века.

«Балаган, или Конец одиночеству» — роман, который одни критики считают самым мрачным и безнадежным произведением Курта Воннегута, а другие — едва ли не самой оптимистической из его «поздних» работ, сам же автор лукаво именовал его не иначе, как «комедией положений». Фантастический, антиутопический сюжет о медленном умирании планеты, так и не сумевшей предотвратить чудовищных последствий технократического прогресса, превращается под пером великого писателя в тонкую, не лишенную иронии философскую притчу о человеческом одиночестве и людском братстве, о понимании и толерантности и о том, что выход из кризисной ситуации найдется всегда — важно лишь уметь его найти...

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-061433-2

9 785170 614332